

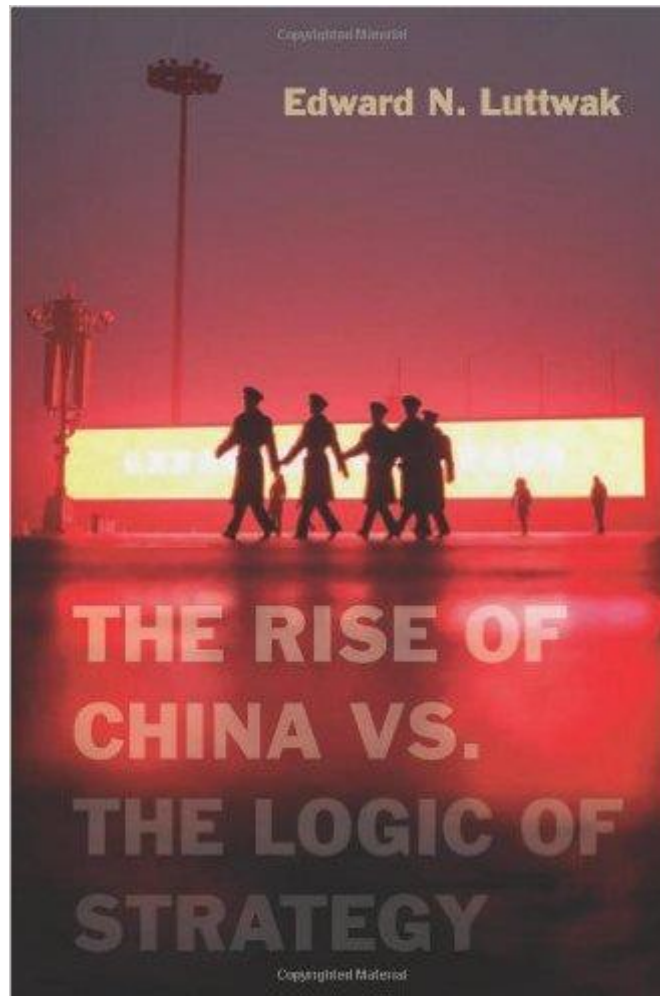
ЭДВАРД ЛЮТТВАК

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ НАПЕРЕКОР ЛОГИКЕ СТРАТЕГИИ

Edward N. Luttwak

THE RISE OF CHINA VS. THE LOGIC OF STRATEGY

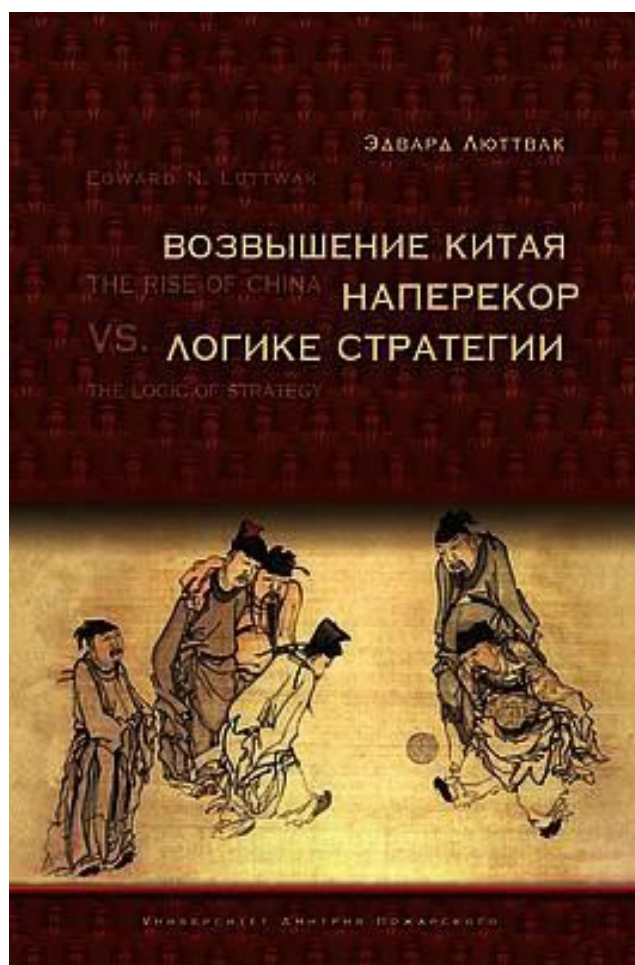

Belknap Press of Harvard University Press
CAMBRIDGE, MASSACHUSETTS. LONDON,
ENGLAND 2012

УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

Эдвард Н. Люттвак

ВОЗВЫШЕНИЕ КИТАЯ НАПЕРЕКОР ЛОГИКЕ СТРАТЕГИИ

Перевод с английского Н. Н. Платошкина
Университет Дмитрия Пожарского, Москва, 2016

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Люттвак Э. Н.

Возвышение Китая наперекор логике стратегии / Эдвард Н. Люттвак; [пер. с англ. яз. Н. Н. Платошкина]. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 288 с. ISBN 978-5-91244-094-6

Это уже четвертая работа Эдварда Люттвака, посвященная судьбам великих империй. Две из них – Римская и Византийская империи – уже давно перестали существовать, третья – Советский Союз – распалась и съезжилась до размеров Российской Федерации. Интересно, какова будет судьба Китая? Благодаря удачной мировой конъюнктуре и грамотным действиям китайских властных элит, эта страна уже в течение нескольких десятилетий поражает мир своим быстрым и успешным ростом. Китайские лидеры очень внимательно изучают положительный и негативный опыт как западных стран, так и своих соседей. Известно, что Китай детально анализировал причины и механизмы распада СССР, чтобы не повторять его ошибок. Но сможет ли мудрость китайских элит уберечь их страну от проблем? Люттвак считает, что нет.

По мнению Эдварда Люттвака, динамика международных отношений вывела наш мир на уровень глобального конфликта, и одним из механизмов запуска этой динамики является как раз быстрый и многофакторный рост могущества Китая. Но когда мир попадает в фазу войны, перестает действовать обычная логика поступательного роста, ситуация начинает развиваться по законам парадоксальной логики стратегии, логики конфликта. Законы войны, неважно какой – явной или «холодной», – таковы, что сильные стороны вовлеченной в нее страны могут обернуться источником ее проблем, а планы, которые были бы мудрыми в мирное время, могут привести ее к трагедии.

Центральная часть книги посвящена «демонстрации логики стратегии в действии»: Люттвак описывает динамику формирования антикитайских альянсов. Эти процессы еще не привели к драматическому изменению ситуации, но после прохождения некой «критической точки» мировая обстановка может радикальным образом измениться, не в лучшую для Китая сторону. В первых, а также в завершающих главах книги автор задает концептуальные основания для понимания сути стратегии и логики конфликта.

УДК 94(5) ББК 63.3(0)63,
63.3(0)64

© Edward N. Luttwak, 2012

© Платошкин Н. Н., перевод на русский язык, 2016 г. © Горев А. А., послесловие, 2016 г.

© Доронина Г. В., оригинал-макет и верстка, 2016 © Горева Е. А., дизайн и оформление обложки, 2016 ISBN 978-5-91244-094-6

© Русский фонд содействия образованию и науке, 2016

Содержание

Предисловие Благодарности

1. Иллюзия беспрепятственного возвышения
2. Преждевременная напористость
3. Определение великодержавного аутизма
4. Исторические корни китайского поведения
5. Грядущее геэкономическое сопротивление подъему Китая
6. Рост мощи Китая и глобальная реакция
7. Неизбежные аналогии
8. Может ли Китай избрать успешную большую стратегию?
9. Стратегическая глупость древних
10. Стратегическая компетентность. Исторический экскурс
11. Неизбежно растущее сопротивление
12. Почему нынешний политический курс Китая сохранится
13. Австралия. Создание коалиции
14. Япония. Отход от отхода
15. Непокорный Вьетнам. Новый американский союзник?
16. Южная Корея. Образцовый подчиненный по системе цзянься?
17. Монголия. Северный форпост коалиции?
18. Индонезия. От остракизма к коалиции
19. Филиппины. Как создать врага
20. Норвегия. Норвегия? Норвегия!
21. Три варианта политики США по отношению к Китаю
22. Выводы и прогнозы

Приложение. Возвышение и падение «мирного подъема» Примечания

Глоссарий

Горев А. А. Большая стратегия снова в действии

Предисловие

Я собираюсь описать феномен сегодняшнего Китая не как социолог, а как специалист по стратегии, так как универсальная логика стратегии прекрасно подходит к любой стране и к любому времени.

При написании этого текста я опирался на документы и труды цитируемых мною ученых и других исследователей, но должен признаться, что значительно большее влияние на эту работу оказали мои собственные впечатления от поездок по самым отдаленным уголкам Китая и соседних с ним стран, которые начались задолго до того, как он открылся внешнему миру.

С тех пор я продолжал посещать Китай, тем более что условия для поездок постепенно упрощались. Тем самым я прекрасно помню и ту жестокую нищету, которая царила в годы жизни Мао Цзэдуна, и все те невероятные изменения, которые начались вскоре после его смерти и продолжаются по сей день. Отдавая должное все еще существующим недостаткам и изъянам, я не могу не порадоваться за народ Китая, достигший большого прогресса в деле улучшения своего благосостояния и личных свобод, несмотря на жесткое регулирование политического пространства, ограничивающее как национальное, так и этническое самовыражение китайского населения. Таким образом, я смотрю на Китай и его народ не как сторонний наблюдатель, а, скорее, как человек, разделяющий надежды и опасения тех людей из Китая, чью сильную и верную дружбу я ценю, и за которую очень им благодарен.

Именно поэтому я не могу радоваться тому, что быстрый подъем Китая может привести его к столкновению с парадоксальной логикой стратегии, что чревато грустными и даже губительными последствиями. И если эта книга и имеет своей целью что-то кроме простого анализа сильных и слабых сторон китайской политики, то это надежда (пусть и наивная, и маловероятная) на то, что китайские правители освободятся от иллюзии того, что потенциал планетарного масштаба, стремительный экономический рост и не менее быстрое наращивание военной мощи могут сосуществовать и стабильно сохраняться в одном мире. В теперешнем состоянии Китая логика стратегии может позволить ему лишь несбалансированный экономический, но не военный рост, и эту логику нельзя обмануть миролюбивыми словами или хитрыми уловками. Чтобы все-таки предотвратить жестокие последствия, логике стратегии надлежит повиноваться, даже если она противоречит здравому смыслу и обычным человеческим инстинктам. Стремительный рост благосостояния вряд ли способствует проявлению скромности или сдержанности – и тем не менее никакое другое поведение недопустимо в мире независимых государств, обреченных противостоять столь значительному возвышению Китая.

Благодарности

Не являясь специалистом по Китаю, я активно использовал многие исследования ученых различных стран, как китайских, так и зарубежных, постоянно предоставляемых политической сетью «С» (C-Pol network), которую невозмутимый авторитет профессора Ричарда Баума непостижимым образом охраняет от всевозможной ерунды, появляющейся в интернете.

Эта книга началась с запроса, сделанного в 2010 году Эндрю В. Маршаллом, главой Управления общих сетевых оценок Министерства обороны США. Для меня было честью сотрудничать с ним на протяжении долгих лет, поскольку талант Эндрю Маршалла как стратегического мыслителя легендарен, равно как и необычно долг срок, в течении которого он занимает свою должность: он родился в 1921 году и в 1973 году создал департамент, который до сих пор возглавляет (2012 г.). Мне очень помогли советы его сотрудников, в особенности Дэвида Ф. Эпштейна, а Адам С. Ловингер охотно содействовал мне в течение всего времени работы над книгой. Разумеется, никто из упомянутых лиц не несет ответственности за предложенный здесь текст, – она целиком лежит на мне.

Многое я почерпнул из бесед с друзьями в Китае, среди которых – высшие офицеры и видные правительственные эксперты, потому что моя работа не была исследованием враждебного государства, но скорее свободной от окончательных оценок попыткой объяснить поведение великой державы, расширяющееся сотрудничество с которой, во всяком случае, является не менее возможным, чем усиливающееся соперничество (причем первый вариант, конечно, предпочтителен). Кроме того, один из моих самых близких друзей Франческо Сиши работал в Пекине много десятилетий, и, хотя он не согласен с некоторыми моими выводами, он сделал мои последние визиты в Китай намного более приятными.

Наконец, мне особенно приятно выразить благодарность Майклу Аронсону из издательства «Гарвард Университи Пресс», который на протяжении многих лет был как инициатором, так и редактором моих книг, всегда критичным и всегда конструктивным.

1. Иллюзия беспрепятственного возвышения

В настоящее время широко распространено мнение, что будущее мира формируется под влиянием возвышения Китая, то есть зависит от продолжения его феноменально быстрого экономического роста (пусть даже несколько менее стремительного в последнее время) и всего того, что естественным образом сопровождает этот грандиозный всплеск экономической мощи: от усиления влияния в региональных и международных делах до дальнейшего укрепления китайских вооруженных сил.

В действительности эти ожидания верно отражают положение китайской экономики после смерти Мао в сентябре 1976 года. Экономика КНР начала быстро расти в 80-е годы: рецессии с тех пор были краткими и не слишком сильными, и даже сегодня не заметно признаков структурного замедления темпов роста после трех десятилетий быстрого экономического подъема. В последнее время ВВП КНР рос более чем на 9% в год – то есть в два раза быстрее обычного постоянного роста ВВП экономики Соединенных Штатов и почти в три раза быстрее роста ВВП экономик развитых европейских стран, – не говоря уж о мизерных темпах роста на Западе после кризиса 2007 года.

Не видно также никаких причин, по которым экономический рост Китая должен существенно замедлиться в ближайшем будущем. Сельские районы Китая – причем даже те из них, которые расположены рядом с крупными городами – обладают большим количеством трудовых ресурсов, не нашедших применение в традиционной аграрной сфере, в мелкой торговле и кустарной сфере услуг. По мере того, как бедные сельские жители будут находить новую работу в промышленности, пусть даже это будет ручной труд, в строительстве и современной сфере услуг, производительность их труда будет резко возрастать, а вместе с ней и ВВП Китая. Кроме того, не стоит сбрасывать со счетов и естественный рост современных секторов китайской экономики, многие из которых сохраняют высокую конкурентоспособность на мировых рынках и поэтому могут быстро расти даже тогда, когда темп роста мировой экономики замедляется.

Что касается военных расходов Китая, то согласно доступным данным, они росли в прошедшие годы не менее высокими темпами, чем экономика в целом, достигшими 9% в год в реальном исчислении – феноменальный рост в то время, когда мировые военные расходы, в том числе в США (за исключением расходов на военные действия), стагнируют или даже сокращаются¹.

Народно-освободительная армия Китая (НОАК), таким образом, получила в свое распоряжение огромный арсенал. А ведь давно уже прошли те времена,

когда прибавление в арсенале и оснащении армии не сразу отражалось на росте военной эффективности НОАК, поскольку раньше это прибавление почти целиком уходило на замену устаревшего базового оснащения.

Денежное довольствие и различные льготы в НОАК достаточно возросли, чтобы позволить набирать в армию необходимое количество мужчин и женщин, несмотря на рост занятости в гражданских секторах страны². В то же время ремонт и замена разваленных казарм, военных баз, складов и прочих объектов вооруженных сил в основном уже завершены, и наличествует все необходимое для поддержания их нормального состояния в будущем.

После устранения давних проблем, несмотря на мошенничество с поставками (даже внимательные гражданские покупатели, приобретающие значительно меньше, чем армия, становятся жертвами фальшивых этикеток на низкокачественных продуктах) и явное казнокрадство среди офицерского состава³, НОАК смогла приобрести новое вооружение, боеприпасы и сопутствующее оснащение для умножающихся видов вооруженных сил и построить, расширить и модернизировать объекты всех видов, повышая одновременно уровень боевой и оперативной подготовки личного состава.

Все это привело к быстрому и комплексному росту военного потенциала, который в последний раз был отмечен в США в годы Корейской войны 1950-1953 гг., а в Советском Союзе – с конца 60-х до середины 80-х годов. В обоих случаях качественный прогресс в вооруженных силах сопровождался количественным ростом вооружений и личного состава каждого рода войск; как сказали бы марксисты, каждое увеличение количества способствует улучшению качества, суммируя конечный результат. Именно таким образом, когда ассигнования на ВВС США в 1950-1960 гг. выросли более чем в три раза, количество и летные качества самолетов одновременно быстро возросли, так что боевые возможности ВВС стали не просто лучше, но в целом совершенно другими и несопоставимо более мощными.

Существует предположение, что стремительный экономический и военный рост Китая будет продолжаться в том же темпе, и его влияние на глобальном уровне будет также возрастать – все это порождает широко распространенные сегодня ожидания того, что Китай вот-вот превратится в мощную сверхдержаву, затмив собой Соединенные Штаты⁴. Но такой исход стоит считать наименее вероятным, потому что он противоречит самой логике стратегии в мире, состоящем из различных государств, каждое из которых ревностно относится к своей независимости.

Некоторые государства к тому же имеют культурные предпосылки и политический потенциал для того, чтобы попытаться влиять на другие государства вместо того, чтобы самим становиться объектом влияния извне.

Правда, в 80-х и 90-х годах трехсторонний рост Китая – экономический, военный и политический – еще не нарушал мирового соотношения сил (за исключением событий 1989 года), но только потому, что Китай тогда еще не был богат, силен или влиятелен по американским стандартам (или в данном случае – по японским) и для Европы и Латинской Америки по-прежнему оставался экзотическим закулисным персонажем. Но реакция противодействия наверняка проявится, как только экономический и военный рост Китая превысит пределы, которые могли бы быть приемлемыми для других держав, то есть сразу по прохождении Китаем кульминационной точки беспрепятственного восхождения.

После возникновения этой естественной реакции сопротивления, любой дальнейший рост китайской мощи может быть беспрепятственно принят другими державами, только если он будет сопровождаться радикальными изменениями вне и внутри Китая: будь то демократизация самого Китая с последующей легитимацией его правительства или появление новых более серьезных угроз, которые превратят Китай из угрозы в желанного союзника для той или иной страны. (Пакистан здесь является наглядным примером: по мере роста мощи, Китай становится для Пакистана все более и более ценным покровителем).

Демократизация не может свести на нет значение подъема Китая, а значит и те реакции, которые этот подъем вызовет – ведь даже демократические Соединенные Штаты сталкиваются иногда с сопротивлением со стороны своих же союзников просто по причине своей чрезмерной мощи. Но если демократизация Китая все-таки состоится, и политика этой страны перестанет формироваться всего несколькими партийными руководителями в обстановке совершенной секретности и более не будет сфокусирована только на усилении мощи, тогда в мире будет гораздо меньше опасений по поводу подъема Китая, и значит меньше сопротивления со стороны соседей и равномошных держав. Демократизация не сможет отменить логику стратегии, которая требует роста сопротивления при условии роста мощи, но она подымет уровень кульминационной точки беспрепятственного возвышения Китая.

В действительности рост мощи Китая уже преодолел этот уровень, как в экономической, так и в военно-политической сфере, чем активировал парадоксальную логику стратегии посредством других держав – больших и малых, которые начали следить, противодействовать, умягчать или препятствовать китайской мощи.

Вне зависимости от масштаба – будь то уличная поножовщина или многофакторные и разносторонние взаимоотношения на уровне большой стратегии в мирное время, – логика все время одна и та же: действие (в данном случае – рост мощи) вызывает ответную реакцию, которая не обязательно остановит это действие, но в любом случае помешает его простому линейному развитию.

Продолжение быстрого роста экономического потенциала и военной мощи, а также регионального и глобального влияния Китая просто не может продолжаться из-за увеличения противодействия других стран. Если китайские лидеры проигнорируют предупреждающие сигналы и будут и дальше рваться вперед, парадоксальная логика стратегии приведет к тому, что вместо наращивания мощи она будет сокращаться по мере роста сопротивления китайскому подъему в мире.

Нельзя сказать, что события будут predetermined исключительно этими, уже проявившимися, трендами. На пути к превращению в мировую сверхдержаву, непрерывный экономический и военный рост Китая и усиление его политического влияния могут столкнуться с непредвиденными событиями. Но и сама логика стратегии предполагает замедление или даже частичное прекращение подъема Китая; первое более вероятно, если китайская политика будет более примирительной или даже сговорчивой, а второе – при ее провокационном характере.

Ни один из описанных выше сценариев сам по себе еще не определяет дерзкое или угрожающее поведение китайцев. Оно является лишь естественным следствием стремительного возрастания мощи державы, которая изначально велика. Учитывая размеры самого Китая, его быстрый рост является дестабилизирующим сам по себе, вне зависимости от поведения Китая на мировой арене. Поэтому звучавшие в последнее время высказывания о том, что Китаю необходим свой Бисмарк для менее контрпродуктивного ведения внешней политики бьют мимо цели: главной проблемой является не поведение Китая в мире, а увеличение его и так громадного во всех отношениях потенциала.

Пассажиры перегруженного лифта, куда только что зашел огромный «мистер Китай», должны в порядке самозащиты как-то реагировать, даже если он ведет себя не угрожающе, а, напротив, весьма вежливо, но все же при этом неуклонно и быстро увеличивается в размере и вжимает их в стенку кабины. Конечно, в кабине переполненного лифта уже находится еще более толстый и крикливый «мистер Америка», к тому же еще и склонный к проявлению насилия. Однако за десятилетия совместной езды почти все уже смирились с наличием рядом этой шумной туши, просто потому, что они давно едут вме-

сте. Исключение составляют Куба, Иран, Северная Корея и Венесуэла (что, впрочем, уже само по себе свидетельствует о респектабельности мистера Америки). Но самое важное – мистер Америка растет в размерах не так быстро и не подрывает тем самым достигнутые в прошлом модели сосуществования и компромиссы, кроме того, обнадеживает и то, что от него не приходится ожидать неожиданных угроз, так как процесс принятия решений в Америке открыт и демократичен.

Полагаю, теперь очевидно, что предлагаемый здесь подход, сформированный моим личным пониманием механизма взаимодействия силы между государствами – современными или древними – сильно отличается от преобладающей

«реалистической» школы. Мой подход откровенно детерминистский. Вместо прагматичных лидеров, стремящихся к достижению своих собственных целей, я вижу политиков, пойманных в ловушку парадоксов логики стратегии, которая диктует им свои собственные императивы, в особенности, когда они считают, что у них есть свобода в выборе средств перед лицом конфликта. Если бы это было не так, то история человечества не представляла бы собой череду преступлений и глупостей.

2. Преждевременная напористость

Надо сказать, что в последнее время Китай неоднократно далеко не дружески вел себя со многими странами, а с некоторыми – даже почти угрожающе. Во время финансового кризиса 2008 года имел место неприметный в ту пору процесс, значение которого стало понятно впоследствии: кажущийся упадок «Вашингтонского консенсуса» и кажущаяся реабилитация «Пекинского консенсуса» придали больше смелости китайской правящей элите, спровоцировав настоящий сдвиг ее поведения, ставший заметным в 2009-2010 гг.

Тон и содержание китайских официальных заявлений неожиданно изменились, они стали резкими и напористыми в отношении ряда самых разных вопросов: от финансовой политики до значения западной модели демократии. Особенно поразило то, что неожиданно возобновились «спящие» территориальные споры Китая с Индией, Японией, Филиппинами, Вьетнамом – и все это случилось примерно в одно и то же время, что усилило общий эффект. За сменой политики логично последовали и реальные пограничные инциденты с кораблями или постами, постоянно возникающие вплоть до настоящего времени (2012 г.), на островах таких стран, как Япония, Филиппины и Вьетнам.

Поскольку ни перебранки, ни реальные инциденты не имели и не могли иметь определенных политических целей, они нисколько не способствовали удовлетворению китайских территориальных претензий. В свою очередь, некоторые наблюдатели и эксперты сделали вывод, что правители Китая впали в эйфорию от неожиданного роста их мощи, так что откровенное высокомерие пришло на смену прежней сдержанности политической тактики. В поддержку такой интерпретации китайской политики можно привести официальные заявления, не имевшие практического эффекта, но пронизанные довольно заметным снобизмом. Так, 16 февраля 2009 года Си Цзинпин (Xi Jinping), на тот момент уже утвержденный преемник Ху Цзинтао (Hu Jintao), сказал в Мехико:

«Есть пара иностранцев с толстым брюхом, у которых нет других дел, как только показывать пальцем на нашу страну»⁷. Даже спикер МИД КНР невысокого ранга Цзян Ю (Jiang Yu) показала себя весьма высокомерной 3 марта 2011 года, когда иностранные журналисты пожаловались на то, что их притесняют и спросили какие законы на них распространяются: «Не используйте закон в качестве щита», – ответила она⁸. Кажется, что именно МИД культивирует эту надменность, и, пожалуй, только заместитель министра Фу Инь (Fu Ying) – ассимилированная монголка, не лишенная доли элегантности, возможно, потомок самого Чингисхана, – несколько выделяется в этом отношении среди своих коллег.

Альтернативное объяснение состоит в том, что сторонники напористой позиции в различных ведомствах в целом и протагонисты территориальных споров в частности имеют свои собственные цели, которые важны именно для их ведомств и/или для них самих лично, даже если от этого страдают интересы Китая.

Например, министр иностранных дел Ян Цзечи (Yang Jiechi) лишь подтвердил подозрения в снобизме Китая, заявив 17 июля 2010 года на 17-м региональном форуме Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Ханое, что морские территориальные споры между Китаем и странами-членами АСЕАН (включая Вьетнам, страну-организатора форума) не могут быть разрешены путем многосторонних переговоров, и это было сказано на международном форуме (!):

«Превратив двусторонний вопрос в международный или многосторонний, можно только испортить ситуацию и усложнить процесс разрешения спора». Ян Цзечи отрицал, что в регионе не все благополучно: «Никто не верит в то, что есть факторы, угрожающие миру и стабильности в регионе»⁹. Предсказуемый результат таких заявлений состоял в том, что Вьетнам вместе с Филиппинами устремились в объятия Соединенных Штатов, но это принесло по-

хвалу МИДу КНР и, без сомнений, лично Ян Цзечи, со стороны «левых» националистических кругов КНР. В китайской системе политику делают партийные лидеры в узком составе, так что МИД – всего лишь исполнительный орган, которому не следует придавать чрезмерного значения. Но у МИДа явно есть свое поле для маневра, внутри которого он может преследовать собственные цели, при довольно гибкой форме коллективного руководства страной, преваляровавшей во времена Ху Цзинтао¹⁰.

Третье объяснение состоит в том, что китайские лидеры верят, будто напористая, даже угрожающая риторика и провокационные действия могут способствовать достижению результата: побудить другие страны к переговорам по поводу старых споров, которые китайцы, вероятно, даже попытались бы вести в примирительной манере; эта вера, помимо прочего, глубоко укоренена в китайском менталитете. Данный вопрос будет исследован ниже, сейчас же отметим, что сдвиг в поведении КНР после 2008 года, который подметили многие наблюдатели, имел место в реальности, хотя миролюбивая и внушающая оптимизм официальная доктрина «мирного развития» (Zhongguo heping fazhan), более известная под своим оригинальным названием «Мирный подъем» (Zhongguo heping jueqi), представленная миру старшим советником Ху Цзинтао Цжень Биляном (Zheng Bijian)¹¹, не была отменена или дополнена.

Напротив, стратегическая, а не конъюнктурная приверженность миролюбивой и неагрессивной политике была официально подтверждена в пространной (7 тысяч слов) статье компетентного высокопоставленного чиновника – государственного советника Дай Бингуо (Dai Bingguo)¹². Хотя это, несомненно, была примирительная инициатива, сама пространность защиты официальной политики «мирного развития» вызывает вопросы относительно силы «левой» (националистической) и военной оппозиции, которая публично требует более напористой внешней политики. Наконец, 31 марта 2011 года Цжень Билян, чей возросший авторитет проявился в той роли, которую он сыграл в визите Ху Цзинтао в Вашингтон в январе 2011 года, направил дуайену иностранных корреспондентов в Пекине Франческо Сиши (Francesco Sisci) официальное заявление, начинавшееся признанием того факта, что подъем Китая вызывает обеспокоенность, требуя тем самым подтверждения политики «мирного подъема»¹³.

К концу 2010 года сдвиг в поведении Китая, казалось бы, уступил место обратной тенденции, включающей в себя официальные визиты, призванные укрепить двусторонние отношения, разнообразные миролюбивые инициативы, обнадеживающие декларации и обещания увеличения инвестиций и импорта тем странам, которые особенно обеспокоены ростом китайского экспорта.

Двумя самыми заметными эпизодами этой фазы были визит премьера госсовета КНР Вэнь Цзibaо в Индию в сопровождении примерно 400 бизнесменов и менеджеров и визит председателя КНР Ху Цзинтао в США, который стартовал в Вашингтоне 19 января 2011 года.

Ни один из визитов не имел отрицательных последствий, но они даже приблизительно не достигли заявленной цели, хотя от визита Ху Цзинтао ожидали многого, о чем автор этих строк узнал наперед от главного инициатора поездки – Цжень Биляна, который сопровождал Ху Цзинтао в Вашингтон и был вторым по табелю о рангах на официальном обеде в честь китайской делегации. Рассказав мне на встрече в Пекине о предложенной КНР повестке дня из десяти пунктов, Цжень Билян решительно настаивал на том (хотя, вероятно, в большей степени вследствие собственного желания, чем уверенности), что китайская сторона готова предпринять свою часть усилий для решения срочной задачи прекращения эрозии китайско-американского сотрудничества и восстановления духа доброй воли в двусторонних отношениях.

Китайские ожидания относительно результатов этих двух визитов (слишком оптимистические из-за тех опасений, которые сами эти визиты и вызвали) характеризовались своим ярко выраженным невниманием к беспокойству других стран, которое я назвал «великодержавным аутизмом». Американские и русские версии этого явления более известны, но китайский вариант этой болезни особенно опасен, так как она поразила страну с самым большим населением, формировавшуюся в изоляции от любого сравнимого по масштабу государства¹⁴.

3. Определение великодержавного аутизма

Во всех больших государствах внутривластная жизнь столь насыщена, что их лидеры и те, кто ответственен за принятие решений, не могут уделять равное внимание внешним делам, разве что во время какого-нибудь кризиса. Им не свойственно постоянное беспокойство о событиях на международной арене, присущее малым странам сходного уровня развития. В конце концов, индивидуальное восприятие и интеллектуальные способности людей одинаковы как в странах с устоявшимся способом правления, чье население составляет несколько миллионов человек, так и в мега-странах, таких как Российская Федерация, США, Индия и Китай, где лидеры каждый день имеют дело с внутренними проблемами или даже чрезвычайными ситуациями в дополнение к обычным рабочим заседаниям и официальным обязанностям.

В результате мы имеем нечто большее, чем просто невнимательность к внешнему миру. Это не только возможная, но и обычная позиция лидеров великих дер-

жав, и даже целых правящих политических элит, когда внимание внешним делам уделяется только ради приятного отвлечения от тяжелых проблем внутренней политики, где почти каждое решение приемлемо для одних, но недопустимо для других. В то время как без политической поддержки иностранцев можно и обойтись.

Великодержавный аутизм хуже, чем простое невнимание к внешним делам, потому что в отсутствии серьезного и тщательного изучения вопроса (срочные внутренние заботы делают это невозможным) ответственные за принятие решений люди не могут вникнуть в существо дела со всеми его деталями и сложностями, даже если им предлагается необходимая информация (что маловероятно: сотрудники разведки, чтобы их карьера не пострадала, отнюдь не придерживаются правила говорить высшим руководителям то, чего те не хотят слышать). В действительности решения по внешнеполитическим вопросам обычно принимаются на основе очень упрощенных, схематичных представлений о сложных, плохо управляемых реальностях, которые тем самым искажаются, чтобы совпасть с общими понятиями, ожиданиями и перспективами. Только таким образом политик из Массачусетса или Мичигана, считающий себя недостаточно квалифицированным для того, чтобы высказаться по местным проблемам, скажем, по поводу Миссисипи («слишком чужой, чтобы разбираться в локальной политике»), может уверенно выразить свою точку зрения на то, что, по его мнению, лучше всего подходит для Афганистана, Ирака или Ливии.

Несомненно, именно поэтому умнейшие люди Пекина способны убедить самих себя в том, что визит в Индию премьера Вэнь Цзыбао (Win Jiabao) может успокоить многочисленные опасения и тревоги, вызванные новыми китайскими инициативами¹⁵, посредством предложения Индии привлекательных перспектив выгодных коммерческих сделок с Китаем. В этом случае, как часто бывает, схематичное представление выступает в роли всем известного кривого зеркала: так, для многих китайцев китайский бизнес – это действительно бизнес, а индийский бизнес – это сама Индия, поскольку ее внутренние экономические интересы не сильно отражаются на внешней политике, где доминируют интересы профессиональных дипломатов и позиции наиболее идеологических из избранных политиков (если бы это было не так, отношения между США и Индией не были бы такими ограниченными, какими они являются начиная с 1947 года и до последнего времени).

Таким образом, всевозможные соблазнительные сделки, которые лидеры китайского бизнеса и обычные предприниматели предлагают своим индийским коллегам, обычно не имеют никакого значения для тех, кто принимает решения в Индии. Тамашние официальные лица прежде всего уделяют внимание геополитическим, а не экономическим интересам; что касается политиков, то

их, разумеется, можно заинтересовать личной выгодой, но никак не экономическими интересами страны в целом. В любом случае, как индийские чиновники, так и политики прекрасно понимают, что они не могут допустить территориальных уступок без того, чтобы немедленно не потерять свою должность, если не нечто большее.

Это, наверное, сложно понять китайским лидерам, которые в последнее время почти добровольно уступали территории или как минимум отказывались от давнишних территориальных притязаний для того, чтобы урегулировать территориальные споры с соседними странами. В ходе двусторонних переговоров, китайская сторона уступила 100% своих притязаний на территории Афганистана, 76% – Лаоса, 66% – Казахстана, 65% – Монголии, 94% – Непала, 60% – Северной Кореи, 96% – Таджикистана и 50% – Вьетнама на суше (что сильно контрастирует с неуступчивостью Китая в отношении границы с Вьетнамом по морю). С Советским Союзом, а затем и с Российской Федерацией переговоры также были успешно завершены на основе 50%-ных уступок каждой стороны¹⁶.

Очевидно, территории, являвшиеся предметом переговоров, прагматически рассматривались китайцами как предмет торга, и так как они были относительно небольшими и не слишком ценными, равно как и их население: небольшое и в основном не китайское, – уступки были сделаны. Одна из целей Китая состояла в расчистке пути для трансграничной торговли, что экономически было не особенно значимо на национальном уровне, но политически важно для отдельных регионов, поскольку способствовало обогащению и стабилизации строптивного некитайского населения пограничных территорий КНР; другая цель состояла в том, чтобы убрать препятствия сотрудничеству в области безопасности в отношении тех же самых народностей, живущих по большей части в сопредельных государствах. Для того чтобы обеспечить сотрудничество пограничных властей по обе стороны границы в деле подавления оппозиционно настроенных инородцев, было необходимо определить и демаркировать эти самые границы в духе взаимного согласия, и китайцы были готовы заплатить эту цену.

Деловые сделки-компромиссы урегулировали территориальные споры с 12 китайскими соседями путем раздела спорных территорий на суше, так как с китайской точки зрения это были обычные обмены собственностью, к тому же эти территории не отличались экономической привлекательностью.

С другой стороны, для Индии (именно для реально существующей Индии, а не для той, которую схематично нарисовали себе китайцы) границы имеют совершенно иное значение, не оставляющее места для прагматических компромиссных сделок типа раздела спорной территории. Это так потому, что

индийские границы являются наследием бывшей метрополии – Англии – и у них нет индийского исторического происхождения или какой бы то ни было легитимации. Поэтому любая уступка части территории времен 1947 года (когда Индия получила независимость) может подорвать легитимацию всех границ Индии¹⁷.

Британцы произвольно исключили Бирму, Цейлон и Сикким из Индийского Союза, прежде чем предоставить последнему независимость, и в то же время включили в союз Ассам, который был не более хиндигворящим или «индийским», чем Цейлон или Бирма, от которой Ассам был отторгнут.

Объект китайских территориальных притязаний – штат Аруначал Прадеш – сам был выкроен из Ассамы, так же как штаты Нагаленд, Мегалайя и Мизорам, поэтому отдать один из них как не принадлежащий Индии или «не индийский» значило бы отказаться и от других.

Сменявшие друг друга индийские правительства различного политического толка, столкнувшись со сложным вопросом легитимации, не могли предложить какие-либо варианты решения территориального спора в непрекращающемся конфликте Джамму—Кашмира; в результате, затронутая пограничным конфликтом территория оказалась неотделима от легитимации индийского суверенитета над всей этой территорией. По тем же соображениям ни какое потенциальное индийское правительство не сможет уступить даже части Аруначал Прадеша Китаю. Но, похоже, что те, кто принимает решения в Пекине, не видят Индию такой, какой она есть на самом деле, а вместо этого действуют на основе схематичного представления о ней – будто бы схожей с Китаем в отношении прагматичного отношения к собственной территории.

Китайские аналитики, несомненно, подчеркнут, что американцы тоже подвержены как великодержавному аутизму, так и представлению своих соседей в кривом зеркале. К тому же, этот кривой зеркальный образ других стран присущ всего-навсего узкой прослойке городских секуляристов, которая не может выступать представителем всего американского общества. Например, эта элита часто интерпретирует религиозные дебаты как меркантильное выражение политического или экономического недовольства, а не как всплеск религиозного недовольства вторжением современности – хотя такие чувства разделяют многие простые американцы, которые ходят в церковь.

Точно так же и русские обычно интерпретируют мотивы других почти исключительно в русских же понятиях. Классическим примером этого является расширение НАТО после окончания холодной войны путем принятия в свои ряды пяти бывших коммунистических стран-сателлитов СССР и трех бывших советских прибалтийских республик. Для американцев это был самый быст-

рый и дешевый путь стабилизации хрупких демократических режимов в этих странах (процедуры принятия в Европейский Союз были гораздо более медленными); предполагалось, что русские также примут участие в этом процессе и получат от него выгоды. Они были приглашены не только к внешнему, но и к внутреннему сотрудничеству внутри Североатлантического Альянса, который более не являлся антисоветской организацией и не имел никаких причин становиться антирусской.

Тем не менее, для русских (то есть почти для всех представителей политической элиты России, которых автор знает либо лично, либо по их работам)¹⁸, расширение НАТО было просчитанным и, конечно, наступательным по своему замыслу, враждебным ходом американцев, размещением военного потенциала ближе к Москве, как того страстно желал «Пентагон». Кроме того, этот ход был вероломным с их точки зрения, так как перед выводом советских войск из Восточной Европы США дали устное обещание, что НАТО не будет расширяться на Восток. Это соответствует действительности, но не имеет никакого значения в глазах американцев, так как у них не было враждебных намерений.

Существует еще множество более мелких примеров кривозеркального изображения русскими чужих мотивов, и нет сомнений в том, что единственной структурной скрепой, объединяющей эти схематичные изображения более сложных реальностей, является приписывание другим каких-либо нехороших мотивов поведения. Обычным русским предположением является то, что иностранцам нужна более слабая, бедная, небезопасная и менее счастливая Россия, а все благожелательные слова и даже дела – не более чем камуфляж. В этом состоит подтекст ежедневного представления русскими СМИ иностранных новостей, причем речь идет не только об официальных СМИ. То, что авторитарным лидерам выгодна такая ложная интерпретация, не умаляет того факта, что они и сами в это верят.

Китайские лидеры – еще более синоцентричны, чем русские – русскоцентричны, а американцы – американоцентричны, тем самым они больше подвержены аутизму, в первую очередь потому, что их внутренние реалии не только более масштабны, но и динамично нестабильны: каждый день в каком-нибудь уголке Китая случается достаточно серьезная чрезвычайная ситуация, чтобы приковать к себе внимание высшего руководства страны, будь то землетрясение, большое наводнение, этнические столкновения, неожиданные экономические явления вроде резкого роста цен на продукты питания, реальная или воображаемая внутривнутриполитическая угроза.

Многочисленные свидетельства подтверждают тот факт, что лидеры Коммунистической партии Китая (КПК) в своих оценках значительности тех или

иных политических угроз проявляют чрезмерную предусмотрительность – если только это подходящее наименование для свойственного им неистового преувеличения даже малейших угроз стабильности режима. Хотя, возможно, огромный аппарат органов госбезопасности специально раздувает значение внутренних угроз. Но, в любом случае, внимание лидеров КПК легко поглощается этими угрозами, а также, и даже в большей степени, – теми цепными реакциями, которые провоцируют их собственные чрезмерные репрессивные меры. Например, весной 2011 года очень робкие попытки импортировать в Китай североафриканскую («жасминовую») модель народных волнений, спровоцированных призывами социальных сетей к собраниям и демонстрациям, привели к серьезным проблемам. В то время как реальные попытки не вышли за пределы нескольких сообщений в социальных сетях, большое количество воинственно настроенных сотрудников полиции общественной безопасности появилось на центральных улицах, например, пекинской Ванфуцзин (Wangfujing), чтобы подавить несуществующие демонстрации. Невинным прохожим и целым семьям китайских туристов в резкой форме было приказано немедленно удалиться. Не помешало отсутствие ожидавшихся демонстраций и проведению по всему Китаю арестов «обычных подозреваемых» – известных правозащитников, борцов за верховенство закона, независимых профсоюзных организаторов и сторонников политической либерализации. Это, в свою очередь, активизировало юристов, которые обычно безуспешно пытаются защищать этих «штатных подозреваемых», на что власти отреагировали арестами уже самих юристов. Помимо прочего, ко всем был обращен суровый призыв не лезть в эти дела. Для усиления произведенного эффекта превентивного запугивания в пекинском аэропорту с излишним показным драматизмом был арестован самый главный представитель независимо мыслящей, но принадлежащей к правящим кругам китайской интеллигенции, Ай Вэйвэй (Ai Weiwei), когда он пытался вылететь в Гонконг. Волна протеста в защиту Ай Вэйвэй, прокатившаяся по всему миру, спровоцировала уменьшение эффективности крупных китайских инвестиций в павильон Биеннале в Венеции, что существенно увеличило реальные политические издержки от воображаемой «жасминовой» угрозы.

Таким образом, в отсутствие землетрясения, наводнения, крупных беспорядков или резкого экономического спада¹⁹, способных отвлечь внимание китайских лидеров от сложностей внешнего мира, они выдумывают себе проблемы сами, преувеличивая малейшие политические угрозы, прямо-таки внушая себе реальность несуществующих угроз. Эта модель поведения очень важна, так как она отражает постоянный фактор китайской политики: структурную нестабильность власти лидеров КПК, не имеющей, несмотря на ее объективные достоинства, ни демократической, ни идеологической легитимации, на которую могли претендовать их предшественники²⁰. Попытки оживить эту легитимацию с помощью памятных кинофильмов или официаль-

но организованного хорового пения не привели к реальным позитивным эффектам для КПК, вызвав одновременно насмешки и презрение образованного класса.

Китайские руководители, очевидно, осознают свое затруднительное положение: есть явное свидетельство их неуверенности в виде внушительных мер безопасности в районе Пекина. В Москве и Вашингтоне в последние годы меры безопасности также стали весьма заметными, но в Пекине они предназначены для подавления народных выступлений, в то время как в Москве и Вашингтоне – для борьбы против единичных террористических актов.

Еще более удивляет несомненное недоверие высших китайских лидеров к их собственной службе безопасности. Так, прямо у главного въезда в Чжуннанхай (Zhongnanhai), на запад от «Запретного города», располагается огромный огороженный стеной квартал, в котором находятся различные залы заседаний, партийные учреждения и резиденции лидеров вокруг двух больших прудов. Это и есть подлинный китайский Кремль или Белый дом, хотя и гораздо более объемный (тем не менее, по некоторым данным, нынешний верховный руководитель КНР Ху Цзинтао как раз там не живет, но это, естественно, тоже государственная тайна). Недоверие к службе безопасности дает о себе знать на традиционном извилистом пути, маскирующем главный въезд на бульвар Чаньянь (Chang'an) – главную центральную улицу Пекина: этот въезд охраняют три абсолютно разных полицейских формирования – национальная полиция в черной форме, полувоенная народная вооруженная милиция в зеленой форме и полиция безопасности в белом²¹, каждый пост имеет своего руководителя, которые подчиняются абсолютно разным начальникам в разных министерствах.

Видимо, ни одному из этих полицейских формирований полностью не доверяют, и правильно делают: стражи порядка каждый день видят, в какой роскоши живут лидеры КНР, в то время как они сами вынуждены существовать в довольно дорогом Пекине на маленькую зарплату. Потенциал недовольства налицо, и есть, во всяком случае, один прецедент, когда он дал о себе знать. Несмотря на то, что охрана Чжуннанхая была сильно увеличена после мощных демонстраций 1989 года на площади Тяньаньмэнь, недалеко от этого бульвара утром 25 апреля 1999 года граждане, проснувшись, с удивлением увидели примерно 10 тысяч последователей организации Фалун Дафа (Falun Dafa) или Фалун Гон (Falun Gong), которые держались за руки в знак безмолвного протеста.

Это событие было бы абсолютно немыслимо без содействия полиции, или, по крайней мере, пассивности с ее стороны.

Иностранные наблюдатели не обращают внимания на нынешнюю элитическую нестабильность лидеров КПК, тем самым упуская из виду важный источник мотивации их поведения и главную причину их аутизма по отношению к внешнему миру.

4. Исторические корни китайского поведения

Нет необходимости глубоко и со всеми подробностями изучать другую, гораздо более сложную, причину китайского великодержавного аутизма – уникальную историю Китая, являющегося центром вселенной и граничащего лишь с малонаселенными высокогорными плато, полупустынями, пустынями, холодными степями и тропическими джунглями. Несмотря на то, что порой с сопредельных территорий – особенно из степей – приходили существенные угрозы, которые иногда даже приводили к поражению Китая, в округе не было ни одного хотя бы приблизительно сравнимого с Китаем государства или государств, с которыми можно было бы постоянно поддерживать нормальные отношения, извлекая из этого навыки межгосударственного общения. Европейские страны имели возможность приобретения такого опыта, начиная с родственных и часто имевших общие границы итальянских государств.

Имея дело друг с другом на протяжении столетий, находясь в состоянии то мира, то войны, итальянские государства сформировали политические привычки и дипломатические формальности, правила и технику, которые, будучи усовершенствованы, сегодня стали общепринятыми. Они включают в себя абсолютный иммунитет иностранных посланников, которым легально разрешено наблюдать и сообщать домой обо всех событиях в стране пребывания, процедуры заключения договоров, включая профессиональный язык и разделение на статьи, позаимствованное из кодекса Юстиниана, а также неременную правовую доктрину, которая подчиняет внутреннее право международному.

Все это базировалось на презумпции формального равенства всех государств вне зависимости от их силы (например, на равном иммунитете послов всех стран), что как раз и исключала существовавшая более двух тысячелетий система взаимоотношений Китая с сопредельными территориями, где все должны были платить дань императорскому Китаю. На сегодняшний день существуют разные точки зрения ученых на реальный механизм работы этой системы: за пределами постоянной смены терпимости и императорского благоволения (*ren* – находившего отражение в подарках, имело место презрение к малым народам, выражавшееся в дани. Но все интерпретации исходят из одной посылки – формального неравенства между Китаем и его соседями.

И в самом деле, главным благом со стороны империи по отношению к платящим дань сопредельным территориям было включение их в свою этическую и политическую сферу контроля или, точнее, в концентрические круги «Цзянся» (Tianxia), «Поднебесной», которые исходили от самой персоны императора, возвышая таким образом народы, ранее пребывавшие в состоянии дикого варварства. Подданные, в свою очередь, подтверждали этическое и политическое верховенство императора своим смиренным послушанием²².

Логика стратегии и такие ее проявления, как «баланс сил», в целом универсальны, а концепция «цзянся» и система выплаты дани, возникшая при династии Западных Хань (обычно этой династии отводят период с 206 г. до н.э. до 9 г. н.э.) после очень длительной и в конечном итоге успешной борьбы против кочевников хунну²³, – типично китайские.

Прекрасные наездники и стрелки из лука – хунну – долго досаждали армии династии Хань своей конницей, вплоть до тех пор, когда вождь хунну (каган) Лю Юань (Luhanyue)²⁴ после 140 лет войны формально признал верховенство императора Сюань-ди (Han Xiaandi) в 51 году до н.э. Каган оставил сына в качестве заложника, обязался оказывать императору знаки почитания и платить дань, то есть совершать то, что приличествует «внешнему вассалу», – это было существенным умалением по сравнению с предыдущим статусом каганов эпохи доминирования хунну: они были «членами семьи» китайских императоров, чьи сыновья и наследники могли жениться на их дочерях, сами императоры династии Хань платили дань им, а не наоборот.

Важным последствием этого исторического поворотного пункта стало появление в китайском менталитете такого понятия, как «обхождение с варварами» («barbarian-handling» – букв. «обработка варваров» – прим. пер.), которое сохраняется в официальном Китае до сих пор, даже среди основных политических приемов. Хотя этот арсенал был обогащен в ходе последующих отношений Хань с соседними государствами и племенами на протяжении более двух тысяч лет, впервые набор инструментов по «обхождению с варварами» был описан в 199 г. до н.э. почитаемым китайским ученым и советником императора – Лю Цзином (Liu Ching). Лю работал над своим трудом в то время, когда хунну были еще очень сильны, и Хань не только уступали им в тактическом отношении (их колесницы не могли эффективно противостоять конным лучникам), но и до такой степени были раздираемы внутривнутриполитическими противоречиями, что заключенный в 198 г. до н.э. договор обязал Китай платить ежегодную дань натурой (в основном шелком и зерном) и закрепил равенство китайцев и хунну посредством взаимных брачных союзов. Позднее это было формализовано имперскими письмами, ясно подтверждавшими равенство между императором и каганом²⁵.

Первым инструментом в отношениях с варварами, который рекомендовал Лю Цзин²⁶, является то, что по-английски носит название «коррупция» («corruption»), хотя, вероятно, корректнее его передать понятием «зависимость» или более полно – «вынужденная экономическая зависимость». Действие этого инструмента заключалось в том, чтобы сделать первоначально экономически самодостаточных хунну зависимыми от произведенных в Китае товаров, например, утонченных одеяний из шелка и шерсти вместо их собственных грубых мехов и войлока, а также всех прочих товаров, производство которых было за пределами их весьма скромных ремесленных навыков. Такие товары, поставляемые поначалу бесплатно, в качестве дани, позднее, когда китайцы стали сильнее, поставлялись уже в обмен на услуги со стороны хунну.

Второй инструмент обхождения с варварами обычно переводится как идеологическая обработка (англ. «indoctrination»). Необходимо было убедить хунну принять авторитарную конфуцианскую систему ценностей и коллективистские нормы поведения Хань вместо системы ценностей степей, которая состояла в добровольном объединении вокруг кочевых предводителей ради героических (и успешных) сражений. Непосредственное преимущество этого метода состояло в том, что сразу после женитьбы на дочерях императора сыновья кагана подчинялись своему тестю и оставались в таком же положении, когда сами становились каганами. Более важное и долговременное воздействие второго инструмента состояло в том, что постепенно подрывалась вся политическая культура хунну, а сами они попадали в психологическую и экономическую зависимость от императорского влияния, которое им «по-братски» было охотно предоставлено, пока китайцы были слабыми, а затем – изъято, так что хунну обратились в обычных вассалов.

Перемена в отношениях между китайцами и хунну в период между равноправным договором 198 г. до н.э. и вассальным договором 51 г. до н.э. была и является по сей день самым большим успехом китайской политики в обращении с мощным и воинственным государством, роль которого в настоящее время, с точки зрения КПК, несомненно, исполняет США.

Нормы поведения, следующие из предложенной модели, логически взаимосвязаны:

- ❖ Сначала уступи более сильной державе все, что должно, чтобы избежать более крупного ущерба, и получить хоть какие-то выгоды от этого взаимодействия, будь то даже снисходительность сильного.
- ❖ Поймай правящий класс и правителя более сильной державы в сеть материальной зависимости²⁷, что подорвет их первоначальную жизненную силу и мощь, в то время как провозглашение равенства в при-

вилегированных биполярных отношениях позволит исключить как равных все прочие страны (группа «G-2» в настоящее время).

- ❖ Наконец, когда ранее превосходившая тебя по силам держава ослабевает, откажись от всех символов равенства и заставь ее себе подчиняться.

Учитывая длительный период использования такой политики в истории Китая, было бы странно, если бы система вассальных отношений или система иерархических ценностей «цзянся», равно как и манера ее постепенного насаждения не оставили хотя бы подсознательных следов в нынешнем китайском поведении, несмотря на радикальные перемены на международной арене²⁸. Но есть нечто большее, чем исторические предпосылки – сознательная предрасположенность к тому, чтобы манипулировать иностранными державами именно в такой манере.

Одним из наиболее заметных отголосков данной системы является то выдающееся значение, которое официальный Китай придает любым визитам глав правительств, государств, министров и других избранных должностных лиц из любого уголка мира, включая самые малые и самые неактивные на мировой арене страны. Они прибывают в Пекин нескончаемой вереницей, имея или не имея насущных вопросов для обсуждения помимо светских разговоров.

Отсутствие конкретных дел с лихвой компенсируется во время этих визитов обилием церемоний и изысканных официальных обедов, и это лишь часть более щедрого гостеприимства, включающего тщательно подобранные подарки, которые вряд ли можно получить в других странах. И уж, конечно, их нельзя получить в США, где госдепартамент обычно сервирует даже для многочасовых переговоров лишь водянистый кофе без каких-либо закусок (так, в посольстве США в Пекине, что уже почти скандально, все длительные встречи, даже если они начинаются в обеденное время, обычно не сопровождаются предложением поесть, тем самым поощряется гастрономический антиамериканизм, который лишь усиливается, когда измученных гостей отводят в третьесортный ресторан, где им приходится за себя платить).

Очень много времени высшие китайские руководители, например, премьер Вэнь Цзibaо (Wen Jiabao) или даже председатель КНР Ху Цзинтао (Hu Jintao), уделяют своим коллегам из таких стран как Кирибати, Вануату, Уругвай, Латвия, Бурунди и других. Со стороны США ни одному из этих лидеров даже после многолетнего ожидания не досталось бы ничего, кроме краткой фотосессии рядом с Белым домом, что служит существенным подтверждением способности высших китайских руководителей фокусироваться на самых, казалось бы, незначительных частях окружающего мира. Поэтому неудиви-

тельно, что всякое проявление собственно китайского понимания внешнеполитических приоритетов, мотивов и процессов принятия решений почти всегда являет себя как нечто неглубокое, схематичное или попросту ошибочное. Обмен банальными вежливыми комплиментами с сотнями обычно не очень разговорчивых иностранцев из разных уголков мира никак не способствует борьбе против великодержавного аутизма.

Лишь обильное освещение этих тривиальных визитов в СМИ сообщает нам о том, что происходит в реальности. Так же, как и при вассальной системе прежних китайских императоров, бесконечные процессии иностранных правителей (чем они колоритнее и разнообразнее, тем лучше) представляются наилучшим доказательством авторитета китайских правителей, отображающим весь блеск их мудрости и доброжелательной щедрости. Именно поэтому многочисленность и экзотическое разнообразие иностранных визитеров куда важнее реальных результатов всех этих встреч: китайское население в целом надо поразить тем, как много важных иностранных гостей проделывают далекий путь в Пекин, чтобы только иметь привилегию встретиться с китайскими руководителями.

Вторым, очень приятным отголоском вассальной системы является обычай преподнесения иностранным гостям подарков-сувениров, чтобы побудить их приехать снова. Конечно, надо отметить, что в вассальной системе «цзянся» эти гости должны были являться с данью, но можно предположить, что постоянное китайское положительное сальдо в торговле с другими странами, которое лишает их собственной промышленности, вполне сопоставимо с современной разновидностью дани.

Иногда о былой вассальной системе напоминает не только сама ценность подарка, но и процедура его вручения. В качестве современного примера можно вспомнить, что, когда 12 апреля 2011 года, сразу по избрании президентом Бразилии Дилма Русеф прибыла в Пекин с полномасштабным официальным визитом, две китайские авиакомпании объявили о заказе тридцати бразильских региональных самолетов марки Embraer E-190, зарезервировав право на приобретение еще пяти таких самолетов²⁹. Подобных подарков не смогло бы дать ни американское, ни японское правительство: ни японские, ни американские авиакомпании не встанут послушно в очередь, чтобы купить нужные с дипломатической точки зрения самолеты и объявить об этом точно к дате того или иного визита. Китайцы, без сомнения, надеялись, что бразильцы отплатят им такой же щедростью, а именно не станут протестовать против недооценки китайской валюты, которая, содействуя китайскому экспорту, почти полностью уничтожила легкую промышленность Бразилии. Вместо того чтобы самим производить одежду, барные стулья и массу других товаров, Бразилия сегодня импортирует их из Китая, все больше превраща-

ясь в экспортера сырья, несмотря на Embraer. Но по иронии лишь после визита Русеф Бразилия стала реагировать на недооценку юаня, энергично девальвируя свою собственную валюту. Более того, в качестве ответной меры на массовую закупку китайцами сельскохозяйственных земель, Бразилия (как и Аргентина) приняла новые законы, запрещающие продажу земли иностранцам. Такой реакции не было, когда земли скупали европейцы или американцы.

Китайская система подарков, конечно, сыграла большую роль в проникновении Китая в Африку. Нет ничего дурного в поисках китайцами нефти, добыче ими полезных ископаемых или сельскохозяйственном производстве китайских государственных предприятий в Африке. Они работают примерно так же, как их коллеги из Европы или Америки, применяя практику «ты мне – я тебе», с той лишь разницей, что китайские инвестиции создают меньше рабочих мест, поскольку часто рабочие-китайцы (причем даже неквалифицированные) сами приезжают трудиться в африканские страны.

Однако отличие состоит в том, что инвестициям сопутствует программа приглашения в Китай африканских политиков, ответственных за решения по выдаче и отказу в лицензиях на разведку и добычу сырья.

За последние годы в Пекине торжественно и по всем правилам этикета приняли сотни африканских политиков, одарив их ценными подарками, в том числе в твердой валюте.

В прежние времена неотъемлемая часть вассальной системы состояла в беззаботном привлечении к шелковой элегантности китайского императорского двора даже самых невымытых варваров из степей и тундры, если они могли в свою очередь послужить императору, сражаясь против его внешних врагов. Сегодня китайские официальные лица так же неразборчивы в отношении эксцентричности их африканских гостей, из которых мало кого когда-либо приглашали в Великобританию, Францию или США: в этих странах тоже есть свои программы обмена визитами, но они значительно скромнее китайских, менее пышные и невпечатляющие в плане подарков, ограничивающихся тривиальными сувенирами. Неудивительно, что китайская технология гостеприимного обращения с варварами особенно успешна в отношении менее претенциозных гостей, а таковых более чем достаточно.

Что касается самой дани, то в современных условиях она приобретает ценную форму получения правительственных концессий на добычу сырья. Даже если эти концессии предоставляются китайским компаниям-новичкам на тех же условиях, что и уже присутствующим в Африке западным компаниям, это все равно большой успех для китайцев, которые зачастую не могут гаранти-

ровать сохранность окружающей среды или соблюдение достойных условий труда, и которым необязательно привлекать местную рабочую силу, чтобы компенсировать высокие издержки на привлечение иностранных специалистов.

Еще одним эхом вассальной системы, которое можно слышать в отношениях Китая с Африкой, является дипломатия в сфере культуры. Первоначально император добивался покорности своих подданных и почтения данников к его исключительной добродетели, находившей непрестанное выражение в его милости. Современные правители Китая, желая казаться неоконфуцианцами, охотно демонстрируют свой имидж заботливых и милосердных руководителей: как только где-то в Китае происходит стихийное бедствие, заслуживающее внимания премьера Вэнь Цзубао (Wen Jiabao), он немедленно прибывает на место происшествия, специально одетый в неформальную одежду и готовый встретиться с жертвами стихии, похвалить спасателей, и поторопить местных чиновников с оказанием скорейшей помощи пострадавшим.

Во втором ряду результатов такого поведения находится представление о том, что с такими милостивыми правителями в стране должно превалировать благоденствие, так что СМИ обязаны сообщать об этом в соответствующей позитивной манере. Излучающая счастье маоистская пропаганда ушла в небытие, но ее сменили бесконечные истории о прогрессе и движении вперед, которым не препятствуют некоторые общепризнанные трудности.

Это измерение китайской публичной культуры – позитивный тон СМИ, разбавляемый для достоверности некоторыми замечаниями о маленьких недостатках тут и там – очень впечатляет большинство африканских политиков. Господин Самуэль Окуджето-Аблаква, заместитель министра информации Ганы, недавно ясно объяснил, почему так происходит: он похвалил «Синьхуа», китайское информационное агентство, ... [за его] высокий профессионализм в подаче информации о Гане, ... в отличие от других иностранных СМИ, которые обычно выставляют Гану и другие африканские страны в дурном свете (sic!)»³⁰. Окуджето-Аблаква расточал свои похвалы, когда открывал фотовыставку Синьхуа на факультете лингвистики в Университете Ганы.

Третий отголосок вассальной системы проистекает из еще одной его неотъемлемой характеристики: билатерализма. Допускаются лишь два участника сделки: укрощенный варвар, приносящий дань, и милостивый император, готовый отплатить ему за это ценными подарками. Если же на границе возникали проблемы, то вместо милости дозволялось проявление некоторой жесткости и выговор, или, наоборот, в зависимости от соотношения сил, император мог снизить до особо ценного подарка. Лишь одна вещь строго не

допускалась – объединение вождей сопредельных варварских племен в единую группу. Даже если они и объединялись, император не принимал их вместе: вассальные ритуалы были всегда двусторонними.

Эхо такого поведения Китая отозвалось в вопросе об островах Спратли. Страны АСЕАН, предъявляющие права на отдельные сопредельные с ними острова в Южно-Китайском море, чувствуют угрозу со стороны Китая, который претендует сразу на весь этот архипелаг, хотя он находится далеко от ближайшей китайской территории. На собрании представителей разных стран-членов АСЕАН в июле 2010 года было принято несомненно резонное решение провести многосторонние переговоры с КНР, однако оно вызвало гневную реакцию китайского министра иностранных дел Ян Цзечи, по крайней мере, таково было отчетливое впечатление³¹. Разумеется, изначально установленное неравенство сторон в вассальной системе, прежде всего, отвечает китайским интересам, но в то же время это единственная модель внешнеполитического поведения, которая укоренилась в китайской официальной культуре.

Таким образом, китайский великодержавный аутизм усиливается не только вследствие масштабов страны, но и благодаря негласной презумпции своего исключительного положения и иерархического превосходства, традиционных для международной политики ханьской вассальной системы.

Именно это предположение своего иерархического превосходства сделало китайцев такими сверхчувствительными по отношению к «неравноправным договорам» девятнадцатого века, начиная с Нанкинского договора 1842 года, который навязали династии Цин победившие британцы, и который связывал обязательства только китайскую сторону. Китайцев возмущало не само неравенство, а то, что теперь в нетрадиционном для них положении более слабой стороны были они сами – ведь раньше император подчинял себе иностранцев, а не наоборот.

Выдвигаемое здесь утверждение о том, что древняя система вассальных отношений «цзянся» влияет на современную китайскую внешнюю политику, может быть отклонено как недостоверное, предвзятое или враждебное по отношению к Китаю. Поэтому стоит заметить, что местное отделение находящегося в Пекине Института Конфуция, основанное китайским государственным органом Ханбан (Китайский национальный офис по изучению китайского языка как иностранного, орудие культурной пропаганды КНР), выступил одним из спонсоров мероприятия, организованного в мае 2011 года в Стэнфордском университете, и носившем название «Рабочий семинар по Цзянся: культура, международные отношения и всемирная история. Осмысление китайского восприятия миропорядка». Все это звучит как экскурс в историю, но

это не так, о чем свидетельствует приведенное ниже описание целей этого мероприятия:

Практическая ценность традиционного китайского видения мирового порядка, или цзянся... [состоит в том, что]... оно укореняет авторитет универсальной власти в моральных, ритуальных и эстетических основаниях высокой светской культуры, вырабатывая социальные и моральные критерии для справедливого и гуманистического правления, а также для формирования надлежащих социальных связей.

Разнообразные постулаты, вытекающие из цзянся, вновь возникают в современном Китае, ищущем моральные и культурные пути для взаимодействия и взаимосвязи с мировым сообществом. Мы уверены, что это китайское видение может оказаться продуктивным... в нашем наполненном противоречиями и пока еще не взаимосвязанном мире (курсив добавлен. – Э. Л.).

О том, каким образом это может оказаться продуктивным, можно прочитать во вводной брошюре, содержащей подробное описание мероприятия:

По мере того как Китай превращается в экономическую и политическую великую державу, мыслители и исследователи обсуждают теоретические последствия традиционного китайского видения миропорядка. Попытка [Китая]... стать членом мирового сообщества и войти в мировую историю противоречит западному темпераменту, с головой ушедшему в межнациональные конфликты, в геополитическое соперничество и экономическую теорию, основанную на индивидуализме собственников и империалистической экспансии. Эти особенности современного капитализма способствовали усилению чувства разобщенности из-за мистифицированных культурных различий и географического неравенства (курсив добавлен. – Э. Л.).

Затраты Ханбана на описанное мероприятие, несомненно, окупились, так как он получил возможность атаковать основные западные ценности и продвинуть синоцентричную модель международных отношений в одном из лучших западных университетов, причем большую часть расходов на проведение мероприятия Стэнфорд еще и оплатил из собственного кармана³².

5. Грядущее геоэкономическое сопротивление подъему Китая

Вспышки провокационного поведения Китая после 2008 года естественно ускорили появление ответной реакции на подъем КНР. Но эта ответная реакция все же вызвана не провокациями и соответственно не может быть уstra-

нена примирительными жестами со стороны КНР: визитами, укрепляющими политическое положение государства, или успокаивающей риторикой, поскольку эта реакция отражает скорее восприятие китайской мощи как таковой, чем оценку поведения Китая на мировой арене.

Удельный вес такого восприятия и подобных оценок в каждом случае разный.

Во-первых, мощь – это реальность, которая не исчезнет, если даже изменится поведение.

Во-вторых, поведение обычно оценивают постфактум, в то время как восприятие мощи формирует представление о будущем. Кроме того, в отличие от будущей стоимости денег, которая в настоящем приуменьшается, будущая мощь, напротив, представляется еще более внушительной, чем сегодня. В пристальном внимании к нынешним темпам роста мощи видится устоявшаяся тенденция заранее предвидеть их в будущем, которая не учитывает противодействующие факторы и возможные помехи, если только они не очевидны и не особенно внушительны.

«Волна будущего» гораздо больше впечатляет, чем стоячая вода настоящего.

Возвращаясь к основному представленному здесь противоречию, – несоответствию между нынешним стремительным ростом китайской экономической мощи, военной силы и дипломатического влияния – остается определить в конкретных понятиях то, как каждое из этих измерений китайского прогресса может помешать другим странам в ближайшем будущем или мешает им уже сейчас. Ведь противодействие со стороны соседей Китая, других великих держав и прочих стран, которые не относятся ни к тем, ни к другим, – налицо.

Только одно из этих несоответствий имеет явную и узнаваемую форму – противоречие между угрожающей военной позицией и дипломатическим влиянием на любое государство, которое еще пока сохранило автономию, то есть еще не прошло последнюю точку, за которой подчинение более сильной державе должно быть принято как неизбежность. Только тогда растущая военная угроза может производить больше влияния, причем весьма эффективно.

В этом отношении логика стратегии также не может быть линейной: растущая военная угроза обычно усиливает сопротивление ей самой, ведя к потере влияния того, кто угрожает. Если угроза остается и усиливается, то подверженная этой угрозе страна попытается дополнительно вооружиться или найти союзников, или сделать обе эти вещи, если возможно. Но если угроза

усиливается и в дальнейшем, преодолевая как усилия по наращиванию оборонительных вооружений, так и поддержку союзников, то будет достигнута кульминационная точка сопротивления. Если другие факторы или силы не вмешаются в процесс или не прервут его, дальнейшее усиление угрозы в большинстве случаев уже не вызовет адекватного усиления сопротивления, но, напротив, будет способствовать установлению более сговорчивых взаимоотношений, которые даже могут завершиться полным подчинением.

Так как баланс сил во всех сферах – экономический потенциал, военная мощь, дипломатическое влияние – продолжает склоняться в пользу Китая, каждый из его соседей и сравнимых по силе держав должен сделать выбор между принятием усиления китайского влияния на свои дела или, по крайней мере, на дела своих союзников и сателлитов (которые таким образом со временем станут союзниками и сателлитами Китая) и издержками, связанными с увеличением силы своего сопротивления, как путем внутреннего усиления, так и союза с другими державами, которым тоже в той или иной степени и с такими же перспективами угрожает подъем Китая.

Каждая форма реакции на слишком явно возросшую мощь неизбежно имеет свою стоимость. Внутреннее усиление может потребовать не только перераспределить скудные ресурсы на военные нужды, но и поступиться иными важными интересами и даже ценностями или, по меньшей мере, идеологическими постулатами, вроде любимого американского тезиса о «свободе торговли». Так происходит потому, что в наш ядерный век, когда всякий маломальский военный конфликт между ядерными державами исключен, логика стратегии должна найти в себе альтернативные, невоенные проявления в сфере «геоэкономики»³³.

Эти утверждения, конечно, требуют обоснования, и первое утверждение гораздо легче обосновать, чем второе.

У Китая есть ядерное оружие и различные средства его производства, ни то, ни другое само по себе не впечатляет, но, тем не менее, взятые вместе эти факторы оказались достаточно убедительными для того, чтобы устроить Советский Союз во время резкого обострения его отношений с Китаем (и это в то время, когда китайские стратегические ядерные силы еще находились в эмбриональном состоянии). С другой стороны, примеры бесполезного и бессмысленного поведения КНР на международной арене после 2008 года, которые создали Китаю новых врагов, а США – новых друзей, пока даже близко не подошли к той степени полного безрассудства, которая требуется для полномасштабного нападения Китая на Соединенные Штаты или их вооруженные силы.

Это все же оставляет для обеих сторон возможность проведения мелких строго ограниченных локальных акций военного характера, как и для провокаций на море. Но такие мелкие и бескровные столкновения не могут принести США никакой пользы в плане сдерживания экономического роста Китая – корня проблемы, дающего ему возможность наращивать свой военный потенциал. Что касается китайцев, то они неоднократно пытались использовать меры устрашения, чтобы помешать США собирать разведывательную информацию на море и в воздухе: на их счету один инцидент в воздухе со смертельным исходом и несколько близких прохождений ракет на море. Но эти попытки оказались недостаточными для уменьшения американской разведывательной деятельности, а китайцы, в свою очередь, убедились в том, что не стоит применять более эффективные средства, чтобы не спровоцировать полномасштабную войну, исход которой будет означать либо падение китайского режима, либо вынужденное использование ядерного оружия.

Таким образом, можно сказать, что в то время как все эффективные формы боевых действий, которые теоретически способствуют достижению существенных результатов, на настоящий момент уже полностью исключены благодаря осознанию разрушительной силы ядерного оружия (ядерные державы уже прошли кульминационную точку полезного использования своей мощи), тем не менее, некоторые другие формы военного противостояния все еще сохраняются. Это было доказано еще в процессе прохождения через разные стадии Холодной войны, хотя несомненно советские лидеры не были более благоразумны в использовании вооруженной силы, чем их китайские коллеги.

Что касается второго утверждения о том, что логика стратегии просто должна найти альтернативное, невоенное выражение в «геоэкономике», то следует сначала уяснить, что логика стратегии остается прежней и в геоэкономическом контексте, где она выражается уже посредством коммерции, а не войны.

Отсюда следует, что в геоэкономике возможна такая же эскалация до уровня полного или практически полного разрыва торговых отношений, что подтверждается отсутствием экономических отношений между США с Кубой.

Подобная эскалация, немислимая в настоящее время благодаря нормальным экономическим отношениям между США и Китаем, может быстро стать возможной в случае существенного проявления агрессии Китая против третьих стран, включая Тайвань, даже если у США не будет формальных договорных обязательств.

Но наличие такой возможности еще ни в коем случае не подтверждает истинности выдвигаемого здесь тезиса о том, что продолжающийся рост Китая настолько угрожает независимости его соседей и даже партнеров, что в будущем он действительно столкнется с сопротивлением, в котором будут задействованы геоэкономические силы (если совершит поступок, который оправдывает применение такой, почти военной, акции). То есть против него будут применены стратегически мотивированные действия, а не просто – установление более жестких протекционистских барьеров, а также введение запретов на инвестиции и на поставки технологий, и может даже быть установлен запрет на экспорт в Китай сырья.

Данный прогноз делается с учетом самых разных аспектов современной реальности, а именно, с учетом того, что многие страны прилагают активные усилия к расширению экономических связей с Китаем, либо к тому, чтобы экспортировать больше товаров на его растущий рынок, либо к налаживанию производства непосредственно в Китае, или для привлечения китайских инвестиций. Причем любая из этих интенций препятствует (если не исключает полностью) возможности использования тех геоэкономических мер, которые могли бы замедлить китайский рост.

Строго говоря, данный прогноз может иметь силу только при соблюдении двух взаимосвязанных условий: ядерное оружие не будет применяться в указанных целях в силу его разрушительности, но при этом соседи Китая и его контрагенты будут защищать свою независимость, ограничиваясь использованием геоэкономических мер.

Уже сейчас можно наблюдать отдельные несогласованные геоэкономические акции, правда пока это лишь капли в море, но они явно указывают на то, что ждет нас в будущем:

- ❖ В Соединенных Штатах наблюдается возникшее совсем недавно, но постоянно растущее сопротивление властей всех уровней: и федеральных, и на уровне штатов, и местных – против приобретения для госзакупок (для инфраструктуры или прочих дел) китайских товаров. Например, закупленный в Китае мост через залив Сан-Франциско сейчас (июнь 2011 года) вызывает больше вопросов, чем тогда, когда заключался сам контракт на его приобретение бывшим губернатором Калифорнии. Что касается министерства обороны США, то его правило FR 45074 от 2 августа 2010 года прямо запрещает закупки боеприпасов для вооруженных сил США в Китае и контролируемых Китаем источниках. Сейчас конгресс США рассматривает законопроект о полном запрете любых закупок в КНР для нужд американского министерства обороны.

- ❖ Также в США была фактически запрещена закупка в КНР телекоммуникационного оборудования и другого подобного оборудования для инфраструктуры путем угрозы разрыва контракта правительства США с любым поставщиком телекоммуникационных услуг, нарушающим это положение.
- ❖ В Индии такой же запрет был введен правительством в 2010 году, но с той принципиальной разницей, что если США были для Китая лишь потенциальным рынком телекоммуникационного оборудования, то Индия уже являлась на тот момент крупнейшим рынком этой китайской продукции.
- ❖ В Аргентине и Бразилии в последнее время (2011 год) была запрещена продажа сельскохозяйственных земель «иностранцам» – такая мера никогда ранее не применялась, когда огромные куски земли покупали европейцы или американцы, но немедленно была введена в действие, когда на горизонте появились китайские покупатели. Другие латиноамериканские страны также принимают подобные меры.

В Бразилии, где с запозданием осознали, что торговля с Китаем обогащает лишь экспортеров сырья, в то же время лишая страну собственной промышленности, стали выдвигаться требования установления торговых барьеров против китайского импорта. Параллельно такое же требование с осторожностью выдвигается министерством финансов США, последним бастионом сторонников сотрудничества с Китаем любой ценой (включая деиндустриализацию), идеологически приверженным «свободной торговле» все равно чем. Но Бразилия стремительно стала скатываться к роли простого экспортера сырья, и ее центральный банк, наконец, принял меры и сократил процентные ставки (рискуя вызвать рост инфляции), чтобы снизить стоимость бразильского реала для противостояния недооцененному юаню. Другие страны, где еще сохранилась легкая промышленность, наверняка последуют этому примеру

- ❖ В Австралии, где для европейских, японских и американских компаний нет запретов на приобретение любых австралийских производителей минерального сырья, включая даже крупнейших производителей, все подобные попытки со стороны китайских компаний были де-факто предотвращены административными мерами.
- ❖ В Монголии, обладающей, по-видимому, самыми крупными нетронутыми запасами угля с низким содержанием серы на месторождениях в Таван Толгой (Tavan Tolgoi) в районе Цогтетци провинции Омногови, правительство решило в 2011 году строить железную дорогу на север в направлении Российской Федерации (с конечной точкой Порт Восточ-

ный в бухте Врангеля), а не на юг, чтобы сдержать рост экономической зависимости от Китая³⁴.

Ни одна из выше перечисленных мер не является достаточно мощной, и они пока еще не скоординированы друг с другом в единое усилие для того, чтобы помешать экономическому росту Китая.

Но каждый из этих примеров говорит о реальности воспринимаемой этими странами опасности, и каждый пример представляет собой попытку ответить экономическими мерами в узких рамках нынешнего мирового торгового режима, который запрещает применять более жесткие и эффективные меры из-за опасений аналогичной ответной реакции. Привычка разрешать Китаю нарушать этот режим сложилась в то время, когда Китай был еще экономически не очень значимым. Но это оказалось слишком щедрой индальгенцией, которой Китай пользуется для извлечения односторонних выгод: доступа к передовой иностранной технологии, не ограниченного эффективной защитой иностранной интеллектуальной собственности в Китае; для создания неравных условий торговли, при которых, например, разрешен свободный экспорт фильмов, но импорт ограничен двадцатью картинами в год; для экспорта предметов инфраструктуры, причем огромных как, например, цельные мосты, в то время как иностранным компаниям не разрешают участвовать в тендерах на строительство объектов инфраструктуры в самом Китае; список этих примеров можно продолжить.

Все страны нарушают правила международной торговли, если остаются при этом безнаказанными, но лишь в случае Китая мы видим нарушения исключительного масштаба, сопровождающиеся быстрым экономическим ростом.

До сих пор все это пассивно принималось Соединенными Штатами из-за их сильной идеологической приверженности «свободной торговле», но в будущем это переменится, ведь даже такие когда-то ярые борцы за свободу торговли как кандидат в президенты от республиканской партии Митт Ромни заявляют (июнь 2011 года), что Соединенные Штаты могут обоснованно прервать все торговые связи с Китаем, имеющим привычку воровать американскую интеллектуальную собственность³⁵. В более широком смысле, контент-анализ без сомнения покажет резкий рост числа антикитайских экономических мер, предложенных в США во время электоральных циклов, следовавших друг за другом после 2008 года, и, скорее всего, за большим количеством слов последуют некоторые действия.

Остается лишь гадать, окажутся ли когда-нибудь все геоэкономические меры всех стран в состоянии настолько замедлить китайский экономический рост, чтобы, например, сократить темпы этого роста до 4-5% в год с нынешних 9%

или хотя бы до 6%, что более вероятно в среднесрочной перспективе. Надо признать, что, конечно, годовой рост в 4% может оказаться недостаточным для поддержания стабильности режима КПК, но достаточным для сохранения американского лидерства в мире. В любом случае, логика стратегии предполагает геэкономическую борьбу, хотя она не может предсказать ее исход. Автор считает, что как бы то ни было, Китай окажется не в состоянии нарушить равновесие сил в мировой политике, так как китайцы сами будут вести себя более смирно по мере того, как они будут достигать все большего прогресса в культуре и экономике (сегодня в продаже уже два перевода «Илиады»). Конечно, депроvincialизация столь древней культуры, которая к тому же чрезмерно авторитарна, сконцентрирована исключительно на себе и плохо сочетается с устремлением к счастью в мире независимых государств, займет много времени. Лучшей формой геэкономического сдерживания было бы временное решение, способствующее сохранению равновесия во избежание более опасных конфликтов.

6. Рост мощи Китая и глобальная реакция

Китайские власти, несомненно, понимают последствия фактического запрета на применение ядерного оружия, но, по всей видимости, до сих пор справедливо полагают, что могут извлечь выгоду из роста своего военного потенциала не только ради военного престижа, но и для того, чтобы запугивать или даже атаковать строптивные безъядерные страны, лишённые неприступной защиты союзных договоров, такие как Вьетнам.

Другой осмысленной целью наращивания китайского военного потенциала является достижение как минимум локального доминирования над ядерными державами, такими как Индия, Соединенные Штаты и, возможно, Российская Федерация – хотя бы в небольших спорах без боевых потерь. Уже отмечено много инцидентов с проявлением явного недружелюбия, или даже откровенно враждебного поведения (вместо ответа на приветствие корабли НОАК включали радары-детекторы вражеского огня).

Кроме того, возросший военный потенциал Китая может, по крайней мере, замедлить нарастающее доминирование других стран, включая США; разумеется, поначалу это будет происходить только в каких-то особенно благоприятных для Китая ситуациях, но постепенно, по мере роста его мощи, спектр таких ситуаций будет существенно расширен.

Отсюда следует, что не владеющие ядерным оружием соседи Китая имеют веские основания для поддержания своей собственной военной мощи в ра-

зумных пределах, чтобы сопротивляться угрозам или даже – отбить предполагаемые атаки. В этой ситуации война становится вполне возможной.

Учитывая возможные издержки, связанные с сопротивлением возвышению Китая, можно ожидать, что также будет иметь место молчаливое, тщательно завуалированное, и открыто не декларируемое подчинение Китаю; сторонники такого подчинения найдутся среди некоторых соседних стран и даже в Японии³⁶. Но, за возможным исключением Корейской Республики³⁷, политика согласия с китайским доминированием, ведущая к подчинению китайской гегемонии, вряд ли одержит верх над политикой сопротивления – и не только по обычным культурно-политическим или национально-значимым соображениям, но и из-за угрозы сопряженных с ней материальных последствий.

Когда после 1945 года Соединенные Штаты распространяли свое влияние в Восточной Азии, почти все смотрели на них как на благодетеля, а не на хищника, и действительно, открывая свои рынки, США предоставляли этому региону материальную помощь и, следовательно, экспортно-ориентированный рост. Даже марксисты, которые в соответствии со своей доктриной должны смотреть на США как на страну, заинтересованную в иностранных рынках и доступе к сырью, не могли достаточно убедительно представить Соединенные Штаты в роли хищника.

Однако именно так сейчас видят Китай и китайцев в соседних странах и за их пределами, хотя Китай и превратился в солидного инвестора, а в определенной мере – в импортера промышленной продукции: в любом случае, он больше уже не обычный конкурент в экспорте и соперник для местной промышленности этих стран.

Предрассудки против местных китайцев, особенно в Юго-Восточной Азии, ведут к тому, что их роль в создании капитала часто воспринимается как обычная эксплуатация: их обвиняют в утечке того самого богатства, которое они же и создают своей предприимчивостью и экономностью, и конечно же это вносит вклад в негативное отношение к Китаю в целом. Но если этнический фактор остается постоянной величиной, и его значение даже сократилось по мере роста благосостояния – например, в Индонезии – то сегодня внушает опасение именно быстрый рост китайского экономического потенциала и военной мощи.

Соседние страны боятся, что Китай использует свою растущую мощь для того, чтобы отнять у них ценные морские ресурсы. Эта угроза отнюдь не умозрительна в случае Парасельских островов или архипелага Спратли.

Другое опасение состоит в том, что китайцы будут диктовать новые правила взаимной торговли, которые подходят только им, например, станут требовать доступа для своих инвесторов к местным секторам телекоммуникации и другим объектам инфраструктуры, не предоставляя подобного доступа на своей территории.

Пока еще нет никаких признаков того, что возросшая экономическая мощь Китая мешает другим странам – скорее она им помогает. Исключением здесь, конечно, являются развитые в промышленном отношении страны-конкуренты Китая. Но есть много доказательств того, что перемена в поведении по отношению к Китаю наблюдается ж только в развитых странах-конкурентах.

Недавно опубликованные результаты всемирных опросов общественного мнения позволяют показательно сравнить данные 2005 и 2011 годов³⁸. По результатам опросов, всего за шесть лет негативное отношение к экономической роли Китая в мире выросло не только в отдельных регионах, но и глобально: с 31 до 53% во Франции, с 37 до 55% в Канаде, с 44 до 55% в Германии, с 47 до 57% в Италии, с 45 до 54% в Соединенных Штатах. В тех двух странах, где отношение к Китаю было в 2005 году наименее враждебным, оно тоже ухудшилось: с 31 до 41% в Великобритании и еще более резко в Мексике – с 18 до 43%. В Восточной Азии наиболее показательные данные относятся к контексту китайской внешней торговой политики: ее считают «несправедливой» 58% южных корейцев и 70% японцев, хотя пакистанцы и индонезийцы относятся к ней более благожелательно³⁹.

Столь быстрое изменение в восприятии Китая отражает не менее быстрое изменение его удельного веса в мировой экономике. Если бы эти изменения происходили в другом направлении, например, возраставшая стоимость труда делала бы Китай неконкурентным у себя дома и, соответственно, более крупным инвестором за границей, то отношение к Китаю также несомненно бы изменилось.

Правильно или нет, но сегодня путь потакания и подчинения Китаю резко критикуется из-за опасений, что китайская гегемония выльется в эксплуатацию и тем самым станет весьма затратной для объектов этой гегемонии – в отличие от тех исторических прецедентов, когда Китай больше тратился на «подарки», чем получал дани от своих номинальных вассалов. Нынешние китайские теоретики представляют себе нечто другое, когда прославляют систему дани как базис для «китайской школы международных отношений⁴⁰».

Возвышение Китая как военной державы естественно вызывает еще более сильную реакцию, что показывает уже упоминавшийся выше опрос.

В небольших, соседних с Китаем странах респонденты были повсеместно негативно настроены по отношению к нему: 76% в Южной Корее, в новейшей истории которой имперским угнетателем была Япония, а китайское господство длилось более продолжительное время (21% тех, кто позитивно отнесся к Китаю, видимо, слишком хорошо помнят Японию). На Филиппинах 63% относятся к Китаю плохо; население этой страны стало гораздо более проамериканским с тех пор, как возник морской спор с Китаем (29% благожелательно настроенных к Китаю филиппинцев, наверное, включают в себя и живущих в этой стране китайцев); и 76% – в Австралии (которая и не маленькая, и не является соседом Китая, разве что субъективно).

Неудивительно, что в самом Китае опрошенные были весьма позитивно настроены по отношению к растущей китайской военной мощи – 94% и лишь 5% этому оппонировали (что вполне возможно отражает мнение угнетаемых национальных меньшинств); респонденты-китайцы были очень благожелательно настроены по отношению к Пакистану (61% «за» и 11% «против»), что отражает фактически существующий альянс обеих стран против общего противника – Индии.

В Индии только 24% были негативно настроены по отношению к Китаю, а 44% – позитивно, что отражает уровень общей информированности индийского населения. Кроме того, среди опрошенных могли быть маоисты или синофилы, но многие, по-видимому, просто ничего не знают о Китае, учитывая низкий уровень грамотности в стране (грамотность еще ниже в Пакистане, но там очень высок уровень посещающих мечети, где многие проповеди повествуют о внешней политике в контексте вечной борьбы ислама против своих противников).

С другой стороны, 88% японцев выразили негативное отношение к росту военного потенциала Китая, что не удивляет, особенно если учесть, что опрос проводился после 7 сентября 2010 года, когда случился военный инцидент между Японией и Китаем вблизи островов Сенкаку (Дзяотай для китайцев), и еще до катастрофы 11 марта 2011 года (цунами), которая отвлекла внимание японцев от всего прочего.

Еще более примечательно, что такой же процент негативно настроенных – 88% – был зафиксирован в Германии, где только 2% были настроены благожелательно, хотя в отличие от Японии у Германии, как известно, нет никаких территориальных споров с Китаем, и немцам нет смысла видеть угрозу со стороны китайского военного потенциала, до тех пор, пока Китаю противостоят США и Российская Федерация. Но в мировом масштабе больше германских респондентов выразили негативное отношение к росту военной мощи Китая, чем в США (79%), Канаде (82%), Великобритании или России (в обо-

их случаях – 69%), хотя в России только 10% были настроены по отношению к Китаю благоприятно (гораздо меньше, чем в Великобритании с ее 25% подобных респондентов). Наконец, итальянцы, возмущенные торговыми спорами и настроенные более антимилитаристски в целом дали 81% негативно настроенных голосов.

Если исключить ошибочность процитированных данных, то возникает интересная картина: получается, что отношение немцев к росту военной мощи Китая отражает не враждебность, и не опасение, а скорее благоприятную для Китая обеспокоенность. Немцы обычно хорошо помнят свою недавнюю историю, развивавшуюся по молниеносной траектории подъема, начиная с успехов в науке, культуре, промышленности и финансах в конце девятнадцатого века, и кончая катастрофическим разгромом в Первой мировой войне и еще более катастрофическими следующими тремя десятилетиями. Возможно, немцы видят параллели этому в эволюции современного Китая, чей военный потенциал растет пропорционально росту очень успешной экономики, так что он одновременно может восприниматься как соразмерный – внутри страны и как активно угрожающий – на международном уровне.

Подобный темп роста более чем достаточен для того, чтобы спровоцировать запуск противостоящих сил и привести к конфронтации и конфликту. То, что китайское правительство (и, по-видимому, общественное мнение Китая) видит свои быстро растущие военные расходы как «разумные и достаточные» (если использовать выражения из «Национального доклада по обороне»⁴¹ за 2010 год), является прекрасным примером великодержавного аутизма: необходимой предпосылки для массивной стратегической неудачи, что в специфически китайском виде особенно вероятно.

Конечно, вырванные из контекста цитаты могут создать неправильное впечатление, поэтому стоит привести целый параграф из начала главы «Расходы на оборону» упомянутого китайского доклада:

Китай следует принципу скоординированного развития национальной обороны и экономики. В соответствии с потребностями национальной обороны и экономического развития, Китай надлежащим образом определяет величину своих расходов на оборону, распределяет и использует свои средства на оборону в соответствии с законом.

Параллельно с развитием национальной экономики и общества, рост военных расходов Китая держался на разумном и подобающем уровне... Расходы Китая на оборону составили 417,876 миллиардов юаней в 2008 году и 495,11 миллиардов – в 2009 году, превысив уровень каждого предыдущего года на 17,5 и 18,5% соответственно. В последние годы доля китайских расходов на

оборону по отношению к совокупному ВВП осталась в целом постоянной (курсив добавлен. – Э. Л).

Ранее неоднократно случалось, что военные расходы США представлялись в ретроспективе чрезмерными, хотя в другое время по тем же стандартам они виделись недостаточными.

Так или иначе, любой американский документ, сравнимый с «Национальной обороной Китая в 2010 году», начинался бы с оценки угроз (возможно преувеличенных, а возможно и нет), но он бы начинался и с представления «Другого» или «Других» и отслеживания изменений в военном потенциале этих «других», которые требуют того или иного ответа, для того чтобы блокировать, нейтрализовать, отклонить или противодействовать возникающим угрозам.

Именно это отсутствует в «Национальной обороне Китая в 2010 году»: собака, которая не лаяла в «Собаке Баскервилей», молчаливый знак великодержавного аутизма.

7. Неизбежные аналогии

Исторические аналогии, как известно, ненадежные друзья и плохие учителя. Единственные твердые уроки истории состоят в том, что люди никогда, кажется, не извлекают из истории уроков. Но, может быть, аналогии не всегда совсем уж бесполезны.

Сейчас, когда Китай обогнал Японию по главным экономическим валовым показателям и готовится таким же образом обогнать Соединенные Штаты, стоит вспомнить, что к 1890 году Германия обогнала Великобританию по индустриальным инновациям, тем самым завоевав глобальные рынки, накопив капитал и финансируя все больше и больше новых изобретений для того, чтобы обгонять Великобританию во всех остальных секторах экономики. Во все еще сохраняющей свое важнейшее значение сталелитейной промышленности германское преимущество возрастало, а в лидирующей химической отрасли оно было просто абсолютным. Это более или менее обеспечивало германское превосходство в большинстве прочих форм современного промышленного производства, включая возникающую на глазах электротехническую индустрию (правда именно в Великобритании в 1881 году впервые была налажена система электроснабжения для общественных нужд, но генератор переменного тока изготовил немецкий «Сименс»).

Английские предприниматели и менеджеры были слишком плохо образованы, чтобы извлечь пользу из науки и технологии, и в любом случае не британские, а немецкие университеты двигали вперед науку и вводили большинство новых форм обучения.

Более того, на британских рудниках и заводах, которые зачастую представляли собой арену ожесточенной классовой борьбы, профсоюзы яростно сопротивлялись всем новым берегающим труд машинам и технологиям, т. е. практически любой инновации. Немецкие рабочие были в гораздо более безопасном положении и были готовы воспринять инновации. Им только что предоставили первые в мире пенсии по старости и по нетрудоспособности, так же как страхование по болезни и несчастным случаям.

Таким образом, превосходство Германии было более системным: централизованный «берлинский консенсус» был просто намного эффективнее знаменитого «безнадежно запутанного» британского прагматизма. Обе страны были конституционными монархиями, но германская исполнительная власть при своем императоре имела гораздо больше полномочий, которые использовались не только для того, чтобы сдержать парламентскую оппозицию, но и для широкомасштабного продвижения инноваций. Одним из результатов этого была пенсионная система, которую в будущем стали копировать во всем мире, другим – то, что у объединенной Германии была эффективная сеть железных дорог, в отличие от того хаоса, который представляли собой 120 британских железнодорожных компаний, наполнивших Лондон не связанными друг с другом станциями и линиями, иногда параллельно ведущими к разным станциям в одном и том же маленьком городке.

Тенденция к централизации в Германии также влияла и на индустрию, отдавая предпочтение мощным интегрированным компаниям, которые были способны финансировать свои НИОКР, в то время как их британские более мелкие конкуренты не могли этого сделать.

Все это означало, что у британцев не было реальной надежды избежать своего относительного по сравнению с Германией упадка. Германское превосходство во всех направлениях было только вопросом времени, в то время как в науке (причем во всех ее отраслях) англичане уже проиграли: к 1900 году в британских университетах было уже невозможно изучать самые различные предметы от химии до греческой поэзии без хорошего знания немецкого языка, в то время как английский был необходим только для английской литературы. В области финансов более быстро возраставшее поколение нового капитала более динамичной германской экономики превалировало над опытом и глобальными связями лондонских торговых банкиров и их системным преимуществом в виде владения фунтом стерлингов, ведущей мировой ре-

зервной валютой. Семейство Варбургов из Гамбурга казалось судьбой предназначено для того, чтобы обойти Ротшильдов из Лондона, в то время как британские торговые банки уже превзошел «Дойче банк», ставший к 1914 году крупнейшим в мире и являвшийся (и являющийся) по сей день более компетентным в финансовом бизнесе.

По реалистическому тридцатилетнему прогнозу, начиная с 1890 года, к 1920 году Германия должна была обойти все более дряхлевшую Британию по всем направлениям, как следствие реализации выгоды от обладания самой передовой промышленностью мира, лучшими университетами, богатейшими банками и самым гармоничным обществом, благодаря социальному обеспечению, предоставленному государством. Вместо этого к 1920 году Германия проиграла в войне, лежала в руинах и на протяжении следующей четверти века ей были суждены все увеличивающиеся катастрофы, которые никак не сочетались с блестящими и, казалось, реалистичными перспективами 1890 года. Британцы заплатили высокую цену за свою победу, но они смогли изменить грозившее им мрачное будущее и сохранить статус Великобритании как великой державы еще на многие десятилетия.

Немецкое стратегическое высокомерие и некомпетентность – обычный спутник тактического гения – стали необходимой предпосылкой катастрофического национального поражения, которое начиналось с гордости: как и многие китайцы сегодня, многие немцы в то время были просто в эйфории от стремительности своего взлета.

Но именно британская реакция на немецкий подъем обеспечила окончательный исход схватки.

В 1890 году Британия все еще вела ожесточенную борьбу за колонии с Францией в Африке и Индокитае и с наступавшей Россией в Средней Азии – эти страны были врагами номер один и номер два. Такое положение делало невозможным противодействие Германии, чья глобальная торговля, напротив, находилась под защитой британского королевского флота.

Тогда германское правительство пришло к мысли, что поднявшаяся Германия не может оставаться просто великой европейской державой, но должна стать державой глобальной. А значит, ей нужен соответствующий, пропорциональный ее мощи, то есть океанский военно-морской флот, вместо скромного флота для защиты собственных берегов и Балтийского флота, которые были у Германии на тот момент. Начиная с 1898 года, целая серия законов обеспечила финансирование строительства линкоров, тяжелых и легких крейсеров. Так как германская экономика росла быстро, также быстро рос и ее флот: второй германский военно-морской закон от июня 1890 года обеспе-

чил удвоение финансирования кайзеровского военно-морского флота с девятнадцати до 38 линкоров, а за ним последовали другие подобные же законы 1906, 1908, и 1912 годов.

Отличительной особенностью действия стратегии является невозможность достижения прямолинейных результатов при прямолинейных действиях, так как существуют и другие игроки, которые обычно мешают достижению результата⁴². Соответственно, германские действия по постройке океанских боевых кораблей привели не к достижению превосходства на море в неизменном в других отношениях мире, а к глобальной стратегической трансформации, которая привела к конечному нулевому результату с точки зрения германской военно-морской мощи и впоследствии – к поражению Германии. Срочное строительство Германией постоянно возрастающего количества все более мощных кораблей были слишком угрожающими и вызвали британскую ответную реакцию.

Одним из определенно асимметрических ответов Британии было введение в строй дредноута – революционного в отношении своих боевых качеств корабля, который был спущен на воду в 1906 году и немедленно сделал былой многокалиберный линкор устаревшим.

Но главный британский ответ на новые глобальные и морские амбиции Германии был еще более асимметричным: он вызвал настоящую революцию в дипломатии, которая заново перестроила весь стратегический контекст мировой политики.

Франция была главным врагом Британии на протяжении столетий, в последнее время из-за интенсивного соперничества при разделе колоний в разных уголках мира. Поскольку Германия непосредственно угрожала Франции, последняя могла бы стать союзником Британии, если бы все колониальные противоречия были разрешены. С помощью жесткой дисциплины и целеустремленности, которых непременно требует большая стратегия, британцы отодвинули на задний план как все былые, так и вновь возникшие распри и оперативно достигли сразу нескольких договоренностей с Францией: о доступе в Марокко, о правах на рыболовство в районе Ньюфаундленда, о территориальных спорах в Западной и Центральной Африке и о границах Сиамы, о торговле с Мадагаскаром и о принадлежности Новых Гебридских островов (сейчас Вануату).

Все это было сделано к 8 апреля 1904 года, и с того времени доступ Германии к мировому океану зависел уже от совместного согласия британского и французского флотов при условии сохранения Германией мира с обеими странами – в противном случае этот доступ легко перекрывался. Даже пре-

восходящий по силам германский боевой флот в Северном море не мог эффективно осуществить ответную блокаду Англии: он ведь не мог также эффективно заблокировать Францию с ее выходом к Средиземному морю и Суэцкому каналу.

Достичь взаимопонимания с Российской империей для Британии было в целом сложнее, и не столько из-за колониального соперничества в Персии и Средней Азии, сколько из-за сильной внутренней оппозиции в самой Британии тесным связям с открыто реакционным и антисемитским царским авторитарным режимом.

Но стратегия сильнее повседневной политики (как это показало достижение взаимопонимания между Мао и Никсоном в 1972 году – и это только один из бесчисленных примеров), и более подверженная германской угрозе Франция преодолела свои сомнения в отношении России гораздо раньше, заключив союз с Россией в 1892 году. Наконец, в августе 1907 года подписание англо-русской конвенции открыло путь к переговорам на уровне генеральных штабов и более тесной военной координации.

Таким образом, организованная британцами дипломатическая революция к 1907 году привела к окружению Германии путем скоординированных усилий британцев, французов и Российской империи. На Дальнем Востоке русских могли отвлечь японцы, но британцы уже предотвратили возможный германо-японский союз своим собственным договором с Японией в 1902 году – первым по-настоящему равным альянсом между европейской и азиатской странами, базировавшемся на тесном сотрудничестве флотов обеих стран. Наконец, британцы держали под плотным контролем все свои разногласия с США: их дипломатическая доктрина состояла в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с американцами любой ценой.

У Германии остались скорее слабые, чем полезные союзники: Австро-Венгрия, у которой были свои сильные стороны (включая эффективный Адриатический флот), но которая была безнадежно раздроблена соперничающими национальностями; Королевство Италия, союзник согласно договору, но сильно колебавшийся и имевший слабую армию; еще более слабая Болгария, окруженная врагами; и Османская империя, где светские модернизаторы в конце концов не смогли преодолеть мощную реакционную исламскую основу страны. Более того, любой союз с Османской империей мог вызвать враждебность со стороны Италии – обе эти страны воевали друг с другом в 1911 году. На суше Италия не была полезным союзником, но она легко могла запечатать австро-венгерский флот в верхней Адриатике, освободив британский флот от любой угрозы в Средиземноморье. Соответственно, Италия пре-

вратилась в еще одну точку приложения сил для терпеливой британской дипломатии.

Как только все союзники – реальные и потенциальные – заняли свои позиции на каждой из сторон будущей Первой мировой войны, исход этой войны был абсолютно предопределен. Британский, японский и французский флот с их сетью угольных баз по всему миру надежно контролировали весь мировой океан, обрекая германский флот на бездействие в запечатанном ими Северном море. На суше германская армия одержала много побед, но ни одна из них не могла спасти Германию от морской блокады, означавшей недостаток сырья, и конечное поражение из-за экономического истощения, которое привело к социальным беспорядкам и дезинтеграции немецкого общества. Только прибытие на фронт свежих американских войск прервало смертельную экономическую спираль медленной гибели и привело к более быстрому военному поражению: вместо того, чтобы капитулировать в 1919 или в 1920 году из-за голода, германское верховное командование нехотя согласилось на перемирие 11 ноября 1918 года, потому что оно уже не могло больше сопротивляться наступлению союзников.

Как только британцы сформировали свой всемирный альянс, германское правительство (если бы оно понимало механизм действия стратегии) должно было осознать бесполезность всех этих прекрасных немецких боевых кораблей и безнадежную бесполезность мощной германской сухопутной армии.

Но аутизм превалировал над стратегическим мышлением, в частности потому, что немцы считали стратегическое мышление лишь своей прерогативой, – и в самом деле, Карл фон Клаузевиц, основатель современной западной стратегии, был таким же немцем, как и Сун Цзы (Sunzi или Sun Wu, Sun Tzu) – китайцем; тем самым немцы подтвердили, как другим опасно читать такие соблазнительные тексты.

Тактика важна, но более высокий уровень ведения войны – оперативный – доминирует над тактикой; в свою очередь, уровень стратегии театра военных действий, детерминированный географическими факторами, превалирует над оперативным уровнем. Таким образом, 34 километра открытого моря между Англией и Францией и огромная глубина территории России могли нейтрализовать любого самого динамичного агрессора в прошлом, этот фактор сохранился и в настоящем.

Но окончательный исход войны определяется только на высшем уровне большой стратегии, в которой все военные факторы, в свою очередь, находятся под воздействием силы или слабости союзников, промышленного и общеэкономического потенциала, который может быть мобилизован государ-

ством, и в первую очередь политической сплоченностью и качеством лидерства, как отдельных стран, так и военных союзов.

Ни одна из многочисленных тактических и оперативных побед германской армии в 1914-1918 гг. не смогла прорваться на более высокие уровни и достичь самого верхнего уровня – большой стратегии. А значит, все боевые действия не имели никакого результата, как если бы речь шла о самой плохой армии, а не о лучшей в мире.

Стратегически компетентное, не аутичное правительство должно было признать, что только германские невоенные преимущества имели ценность: ее банки, заводы и университеты могли бы и дальше беспрепятственно расти, содействуя процветанию населения и распространяя германское влияние по всему миру, как это и происходило на самом деле до 1914 года. И напротив, германскую армию можно было использовать только для обороны, а германский флот был вообще контрпродуктивным, так как он ничего не мог достичь стратегически, несмотря на свою мощь оперативного характера, в то время как само его наличие мобилизовало британцев для глобального противодействия Германии.

Теоретически Германия могла бы легко преодолеть свое фатальное стратегическое окружение британской, французской и российской империями. Совместно они были очень мощными. Но их союз держался только на боязни германской угрозы каждой из этих стран. Таким образом, наилучшим немецким ответом на англо-русскую конвенцию 1907 года, которая завершила окружение Германии, было просто отказаться от океанской военно-морской мощи, буквально пустить на металл лом линкоры или продать их, желательно – России. Это немедленно лишило бы британцев их основного мотива, из-за которого они и стали создавать глобальный союз против Германии. Что касается франко-русского альянса, то он держался только на совместных опасениях по поводу мощной германской сухопутной армии. Если бы ее численность сократили до уровня исключительно «оборонного превосходства⁴³», то прогерманская партия при царском дворе одержала бы победу, даже если бы Французская республика сохранила бы свой политически щекотливый альянс с царской автократией.

Эти меры не разоружили бы Германию, так как даже сокращенная армия, неспособная проводить масштабные наступательные операции, могла бы отразить любое вторжение в Германию и отстоять ее территорию, включая восточные земли с их беспокойным и мятежным польским населением – своего рода германский Синьцзян.

В ретроспективе превосходно видно, что только не угрожающая в военном смысле и дипломатически мирная большая стратегия наилучшим образом отвечала бы германским интересам, ускоряя мирный подъем Германии к новым высотам культурного процветания. Но к 1907 году и даже намного раньше лучшая стратегия стала просто немыслимой для немецкой политической элиты, включая ее профсоюзных деятелей и социал-демократов в парламенте. Слишком резкий отход от ставшего уже привычным величия и военного роста оказались эмоционально невозможными после многих лет триумфального подъема.

Политически это было также невозможно из-за существовавшего национального консенсуса в пользу сильной армии и растущего флота. В бюрократическом отношении, генеральный штаб сухопутных сил и высшее командование флота при поддержке солидной части общественного мнения, пошли бы на любые меры вплоть до государственного переворота для того, чтобы остановить демилитаризацию. Германия была конституционной монархией, управлявшейся правительством, избираемым парламентом, но пронизывавший все общество милитаризм (даже всемирно известные ученые гордились своей принадлежностью к армии, занимая низкие должности офицеров запаса) придавал огромный авторитет военной элите, чье оперативное искусство действительно вызывало восхищение во всем мире (лишь позднее ее вопиющая некомпетентность на уровне большой стратегии была повсеместно признана. Логика одна и та же на любом уровне, но конкретный бой диктует решительные меры, в то время как большая стратегия предпочитает компромиссы).

Но до переворота с целью остановить демилитаризацию дело все равно не дошло, так как главное препятствие на пути принятия правильного стратегического курса было, как обычно случается, исключительно интеллектуального свойства.

Парадоксальная логика стратегии прямо противоречит обычному здравому смыслу: только в стратегии меньше может быть лучше, чем больше. Проще говоря, более слабая армия и флот лучше, чем более сильные, если последние выходят за пределы кульминационной точки силы, на которую согласна система, возникает более чем пропорциональная ответная реакция, как симметричная, так и асимметричная.

Если мощь находящейся в состоянии подъема великой державы продолжает расти, ранее дружественно настроенные соседи начинают приглядываться, союзники дрейфуют в сторону нейтралитета, бывшие нейтралы становятся противниками, а настоящие противники – старые и новые – вынуждены преодолеть свои разногласия и объединиться против той великой державы, ко-

торая слишком быстро растет. В мире независимых государств даже самая сильная растущая держава может быть побеждена объединением ее противников, которых свел вместе именно рост мощи этой самой державы.

8. Может ли Китай избрать успешную большую стратегию?

Каждый исторический период и каждое государство различны, и обычно это сводит на нет все аналогии. Но парадоксальная логика стратегии всегда одна и та же⁴⁴. Рост мощи Китая вызывает, провоцирует сопротивление, и таким образом Китай может стать слабее на уровне большой стратегии из-за своей собственной растущей военной мощи – это парадоксальное следствие в сфере стратегии, не укладывающееся в привычные рамки здравого смысла. Мягкая и уступчивая дипломатия, свободная от надменности и готовая делать уступки на каждом шагу, может помочь на какое-то время. Но если рост военной мощи продолжается, то такая мягкая внешняя: политика будет интерпретироваться как откровенное введение в заблуждение, как маскировка наращивания военного потенциала.

Из этого следует вывод, что только правильная большая стратегия для современного Китая сможет опровергнуть здравый смысл и противодействовать всем нормальным человеческим инстинктам, отказавшись от любого военного роста, за исключением самого слабого. Дополним, что поскольку власть КПК сохраняется при поддержке военных лидеров (хотя с этим можно поспорить), такая большая стратегия потребует разительной смены политической структуры Китая, либо замены господства КПК демократическим правительством, которое будет держаться антимилитаристского консенсуса (еще одна резкая перемена) или наоборот – еще большего возвышения КПК до уровня непрекаемого авторитета для вооруженных сил. Это, конечно, невероятное предположение, что для создания большой стратегии, не угрожающей другим, КПК, возможно, придется превратиться в сталинистскую партию, опирающуюся на террор секретной полиции, а не на поддержку военных, то есть, если вспомнить известное изречение Мао, власть по-прежнему будет рождена винтовкой, но только меньшего калибра.

Итак, провал Китая на уровне большой стратегии, а также отсутствие государственного руководства со сверхчеловеческой пронизательностью и отвагой, имеет много причин:

- ❖ проведение более скромной внешней политики было бы для Китая не только неправильным, но и абсурдным в силу стремительного роста страны во всех областях;

- ❖ сокращение военных расходов также было бы неправильным, поскольку быстрый рост экономики Китая делает возможным их быстрый рост;
- ❖ для НОАК было бы неправильным согласиться на уменьшение своего влияния на процесс принятия решений.

С точки зрения китайского общественного мнения (если у него вообще есть какое-либо влияние), было бы также неправильным поддержать односторонний отказ от военной мощи, тем более, если принять во внимание воспоминания о военной беспомощности страны. И впрямь, есть серьезные доказательства поддержки обществом военных расходов, причем даже еще более амбициозного их роста, например, приобретения авианосцев.

Согласно результатам опроса общественного мнения, проведенного для Глобал таймз, которые были опубликованы в мае 2011 года⁴⁵, «более 70% респондентов» одобрили приобретение авианосца; 68% одобрили строительство более чем одного авианосца в будущем, и только «четверть» была против. Что касается целей использования авианосца, то 77,8% выбрали «защиту территориальной целостности и отражение агрессии», но 81,3% предпочли «усиление Китая». Однако «более половины» согласились с высказыванием, что «постройка авианосца может вызвать гонку вооружений в Азии». Что касается расходов, то лишь 41% согласились с высказыванием, что «строительство авианосца жизненно необходимо Китаю», в то время как 35,5% сказали, что это «того стоит, ...несмотря на огромные затраты на постройку». И 75,2% ответили, что постройка авианосца «придаст импульс китайской военной технологии и модернизации вооруженных сил (sic!)».

В связи с этим было процитировано высказывание Пен Гуанцзян (Peng Guangqian) из Военной академии НОАК, адаптированное к расхожей в Китае формулировке: «Китайский авианосец, если таковой появятся, явился бы только частью развития военного потенциала страны по принципу оборонительной политики. Он не будет служить никакой стратегии глобальной экспансии или борьбы за лидерство в мире». С другой стороны, Сун Сяочжун (Song Xiaojun) («пекинский военный эксперт») предложил экономическое обоснование:

«Потребности Китая в сырье и энергоносителях растут, и часть из них приходится импортировать из-за границы. Если их транспортировка и торговля будут находиться под угрозой, будут поставлены под вопрос индустриализация и урбанизация Китая».

«Четыре ненормальности», как говорит типично китайская формулировка, уже сегодня являются мощными препятствиями на пути формирования правильной, не угрожающей никому большой стратегии. Но еще большее значе-

ние имеет рассмотренная выше нынешняя форма великодержавного китайского аутизма, которая продолжает усугубляться под влиянием до сих пор живой традиции вассальной системы, возникшей благодаря исходному положению о формальном неравенстве государств, которые изначально были безнадежно ниже Китая. Менее аутичный Китай, более расположенный прислушиваться к чувствам и взглядам других стран, уже снизил бы темпы своего военного роста, учитывая сильную реакцию, которую этот рост вызывает даже на своей эмбриональной стадии – реакцию, которую китайская политическая элита до сегодняшнего дня попросту демонстративно игнорирует. По иронии судьбы, в данном случае преградой на пути к стратегической мудрости является одна из исконных особенностей ханьской стратегической культуры.

9. Стратегическая глупость древних

Таким образом, мы достигли типично китайского и самого странного препятствия формирования успешной большой стратегии: упрямой веры в собственную стратегическую мудрость, которую можно отыскать еще в древних текстах, и вытекающую отсюда убежденность, что Китай всегда сможет обыграть своих противников хитроумными приемами, преодолев их комбинированное сопротивление его подъему.

Станным образом игнорирующая собственную китайскую историю, содержащую много примеров покорения Китая небольшими ордами примитивных кочевников, эта большая вера в китайские стратегические способности отражает невероятный авторитет древних китайских писаний о стратегии и военном искусстве, и в особенности, семи текстов, собранных в канон шестым императором династии Сун – Сун Шеньцзуном (Song Shenzong) в 1080 году⁴⁶. Эти тексты, многократно воспроизводимые и часто цитируемые, хотя и в разных версиях, датируются периодом от нескольких столетий до н.э. до времен династии Тан. Помимо прочего, они служили экзаменационными материалами, что также способствовало их сохранению во времени.

Каждый из семи текстов имеет своих поклонников⁴⁷ и свои особые достоинства. Некоторые посвящены искусству высшего уровня государственного управления, другие подробно разбирают тактические детали и стратагемы, но самым известным текстом является, конечно, Sunzi Bing Fa, который обычно переводят как «Искусство войны» и приписывают автору, известному под именем Сун Цзы (Sunzi), Сун Ву или Сун Цзу, известному также и под другими именами. Сегодня этот трактат стал звездой экрана и сцены⁴⁸. Он знаменит, по крайней мере, уже два тысячелетия: очень похожая версия это-

го текста была найдена на бамбуковом свитке, обнаруженном в гробнице династии Хань в 1972 году.

«Искусство войны» в переводе стало известно даже в отдаленной Европе в 1772⁴⁹ году и гораздо раньше в Японии, где оно вдохновляло самых знаменитых японских полководцев, например, знаменитого Такэду Сингэна, и где этот текст публиковали даже в виде комикса («манга»).

Несомненным достоинством «Искусства войны» является описание универсальной и неизменной парадоксальной логики стратегии в более четкой форме, чем возникшие в то же время эпитафии Гераклита (единство противоположностей и так далее), а также большая краткость и сжатость, чем книга «О войне» Карла фон Клаузевица. Нужно, правда, подчеркнуть, что последняя выше в интеллектуальном смысле, так как Клаузевиц разъясняет ход своих мыслей шаг за шагом, начиная с первого принципа, при этом делает это в философской и в то же время увлекательной манере, в то время как «Искусство войны» безыскусно провозглашает свои постулаты как высшую мудрость. Тем самым «О войне» дает нам систематическую методологию, которая отсутствует в «Искусстве войны», но, несомненно, этот китайский трактат предлагает нам те же (парадоксальные) истины, но делает это более четко.

Одно обстоятельство делает этот блестящий текст наряду с некоторыми другими древним китайскими текстами, посвященными стратегии, способным ввести в заблуждение и даже потенциально опасным, а именно игнорирование исторического контекста: данные предписания делались в течение двухсот пятидесяти лет, в течение всей эпохи «воюющих царств» (Zhanguo Shiida), которая закончилась их объединением в 221 году до н.э.

То, что основным боевым оружием в «Искусстве войны» остаются собратья гомеровских колесниц, хотя к тому времени китайских границ уже достигли целые армии наездников с копьями и конными лучниками, не является проблемой, поскольку фундаментальные стратегические концепции переживут любые военные технологии!

С другой стороны, вполне естественно, что все противники в этом трактате – китайцы: и правители, и генералы, и советники воюющих друг с другом китайских государств – все они действуют в рамках одних и тех же культурных норм, имея одинаковые цели, приоритеты и ценности. Поскольку межгосударственные отношения трактата разворачиваются в рамках одной и той же культуры, то все участники войн обладают исключительно широкими возможностями для дипломатии, шпионажа, секретных операций и политиче-

ской подрывной деятельности, которые облегчаются и одновременно ограничиваются общим языком, менталитетом и едиными культурными ценностями.

Примерно так же обстояло дело в Италии эпохи Возрождения, когда государства постоянно принимали участие в войнах, дипломатической борьбе и переворотах. Результатом в обоих случаях была быстрая смена войны и мира в отношениях между государствами, которые могли заключать и расторгать союзы с одинаковой легкостью, борясь друг против друга сегодня, чтобы стать союзниками завтра: ведь ни между итальянцами, ни между китайцами не было расовой, этнической или религиозной вражды. Более того, когда «воюющие царства» воевали друг против друга, исходное сходство их армий и тактики лишь усиливало ритуальный элемент боевых действий⁵⁰.

Весьма краткий рассказ только об одной короткой фазе (301— 284 гг. до н.э.) из истории «воюющих царств» достаточен, чтобы проиллюстрировать природу войны и мира той эпохи и ее конкретные проявления.

В 300 году до н.э. главный министр царства Ци Меньчжан Чжун (Mengchang Jun) образовал союз с царствами Вэй и Хань. Ослабленное «утренней враждой» царство Цин подчинилось коалиции царств Ци, Вэй и Хань, назначив Меньчжан Чжуна своим собственным главным министром. Спустя два года царство Чжао убедило Цин покинуть коалицию, изгнав Меньчжан Чжуна. В тот момент царства Ци, Вэй и Хань атаковали Цин и после многочисленных боев захватили его территорию для царств Хань и Вэй. После этого коалиция Меньчжан Чжуна, образованная вокруг его царства Ци, победила царства Янь и Чжу.

В 294 году до н.э. Меньчжан был низвергнут в результате дворцовой интриги и бежал в царство Вэй. Ци и Цин тогда заключили перемирие, это позволило Ци напасть на царство Сунн, а царству Цин – атаковать сократившуюся коалицию Хань-Вэй. Спустя шесть лет, Ци и Цин планировали совместное нападение на царство Чжао, и правителя Ци убедили, что от этого выиграет только Цин; вместо того, чтобы атаковать Чжао, он начал формировать коалицию против Ши. Опасаясь изоляции, Цин ответило тем, что отдало обратно территорию, которую оно захватило у Вэй и Чжао.

В 286 году до н.э. Ци полностью захватило царство Сун, что вызвало тревогу царств Цин, Чжао, Вэй и Янь, которые быстро сформировали коалицию под руководством бывшего главного министра самого Ци Меньчжана, который вернулся из эмиграции в царстве Вэй. После этого Янь провело неожиданную мощную атаку против Ци, на которое также напали царства Цин, Чжао и Вэй, что привело к потере Ци большей части собственной территории.

После этого Чжао и Цин начали продолжительную войну друг против друга, что позволило Ци восстановить силы. Тем самым, эти войны шли и шли, так же, как и в Италии эпохи Возрождения.

Можно предположить, что склонность китайских официальных лиц постоянно цитировать постулаты стратегии времен «воюющих царств» в качестве уроков государственной мудрости, дипломатической хитрости и искусства войны – не более чем простое позерство, не имеющее никакого реального значения для поведения сегодняшних китайских лидеров и чиновников. Возможно, то же самое относится к восхищению наиболее успешными деятелями эпохи «воюющих царств» как мастерами государственного управления, интриги и войны, и к священному преклонению перед «Искусством войны» Сун Цзы.

Развивая это предположение, можно сказать, что и эпоха Возрождения не играет никакой роли в политической практике современной Италии, хотя ее характеризует такая же быстрая смена союзов и коалиций, превращение правящих партий в оппозиционные, а иногда наоборот (это весьма точно передают словом *transformismo*; английского эквивалента пока не придумали). Но в обоих случаях это предположение опровергается большим количеством эмпирических доказательств.

Первым заметным пережитком менталитета времен «воюющих царств» и «Искусства войны» (или скорее привычки применять нормы внутреннего конфликта к конфликту международному), является неограниченный прагматизм в межгосударственных отношениях. Ци, Цин, Чжао, Вэй и Янь могли быть сегодня союзниками, завтра – врагами, а затем, возможно, опять – союзниками просто потому, что тогда это было более выгодно. Китайская внешняя политика, очевидно, исходит из того, что иностранные государства могут быть такими же прагматичными и оппортунистическими в своих отношениях с Китаем.

Однако международные отношения вовсе не то же самое, что отношения в рамках одной и той же культурной общности. Так как вместо общей культурно-национальной специфики здесь имеют место национальные чувства, то любая конфронтация между государствами за пределами мелких технических вопросов может в том или ином случае вызвать всплеск эмоций, страха, вражды или недоверия и повлиять на весь комплекс отношений с данным государством. Но уже упоминавшийся выше визит премьера КНР Вэнь Цзibaо в Индию 15-17 декабря 2010 года, тем не менее, видимо, исходил из предположения, что Индия просто отставит в сторону острый спор по вопросам статуса Кашмира и Аруначал Прадеша (который сами же китайцы и оживили в одностороннем порядке) для того, чтобы прагматично использовать возможности для бизнеса в Китае. Для этой цели, как уже упоминалось, Вэнь Цзibaо со-

проводило примерно 400 бизнесменов. Но индийцы не достаточно прагматичны, чтобы вести себя как Ци, Цин или Чжао, поэтому визит прошел в холодной атмосфере, не достиг никаких результатов и уж конечно не способствовал устроению отношений доброй воли между двумя странами, хотя его рассматривали именно как визит доброй воли.

То же самое злоупотребление нормами других стран регулярно проявляется в конфликтах. Например, показательный инцидент 7 сентября 2010 года вблизи островов Сенкаку (Дяоюй для китайцев), за которым последовали пламенные заявления МИД КНР, спровоцировавшие антияпонские выступления китайского населения, аресты некоторых японских бизнесменов, и фактическое эмбарго на поставку редкоземельных металлов в Японию⁵¹. Сразу после этого заявления китайского МИД была подчеркнута важность японо-китайских экономических отношений, население было призвано к прекращению антияпонских демонстраций, а японцы – к продолжению инвестирования Китая. Японцы, разумеется, воспринимали этот конфликт совершенно по-другому: он привел к принципиальной переоценке всех отношений между Японией и Китаем и резкой смене тенденции последнего времени, которая, казалось, свидетельствовала о сближении с Пекином и удалении от Вашингтона. Только катастрофа 11 марта 2011 года отвлекла внимание японцев от «китайской проблемы» и лишь для того, чтобы усилить укрепление отношений с Соединенными Штатами. То, что возможно терпеть в рамках одной культуры, так сказать внутри семьи, способно быстро вызвать длительную вражду при условии, что сталкиваются разные культуры.

Второй пример неправильно применяемых внутрикультурных постулатов из «Искусства войны», искажающих китайское поведение, потенциально является еще более опасным. Речь идет о склонности китайских официальных лиц верить в то, что длительные неразрешенные споры с другими государствами могут быть решены путем искусственного провоцирования кризисов, вызывающих начало переговоров, которые, по их мнению, должны привести к урегулированию спора.

Типичным примером такого поведения является территориальный спор вокруг Аруначал Прадеша и «Южного Тибета» /Саньяна. В мае 2007 года, спустя лишь год после того как Индия и Китай достигли оглашения о повестке дня двусторонних переговоров, Китай неожиданно отказал в визе Ганешу Койю, гражданину Индии и высшему чиновнику Индийской административной службы (Indian Administrative Service, IAS), родившемуся в штате Аруначал Прадеш, заявив, что так как его место рождения «Южный Тибет» – часть Китая, то ему не нужна виза для посещения своей собственной страны⁵².

Тот, кому отказали в визе, был одним из 107 молодых чиновников IAS, которые должны были посетить Китай с целью повышения квалификации. Эта поездка демонстрировала усилия Индии по выполнению индийско-китайского рамочного соглашения о разрешении всех спорных вопросов между двумя странами путем переговоров. Случай с визой не был недоразумением. И сотрудник китайского консульства действовал не по собственному усмотрению, а по указанию из Пекина. Ясно, что этот инцидент был попыткой спровоцировать кризис, чтобы затем решить его путем переговоров. Но индийское правительство не согласилось вступать в такие переговоры. Вместо этого оно отозвало все 107 визовых заявок и отменило всю поездку, а также на несколько дюймов приблизилось к США.

Не добившись ничего, китайцы сменили тактику и шесть месяцев спустя в декабре 2007 года чиновники консульской службы выдали визу профессору Марпе Сора (Marpe Sora), тоже родившемуся в Аруначал Прадеш⁵³. Однако, к тому времени возмущенное и оскорбленное индийское общественное мнение воздвигло оппозицию дружественным отношениям с Китаем в целом.

Жаль, что китайцам в этом вопросе не дал хорошего совета их наиболее верный друг. Книга Генри Киссинджера «О Китае» начинается с изложения решения Мао Цзэдуна найти выход из дипломатического тупика по пограничному спору с Индией в октябре 1962 года:

Мао решил вырваться из тупика. Он использовал для этого древнюю китайскую традицию... Китай и Индия, сказал Мао своим военачальникам, когда-то воевали «одну с половиной войну». Пекин может извлечь оперативные уроки из обеих войн. Первая война произошла 1300 лет тому назад... После китайской интервенции обе страны наслаждались двумя столетиями расцвета религиозных и экономических взаимоотношений. Урок из этой древней войны, согласно Мао, состоял в том, что Китай и Индия не обречены на вечную вражду. Они снова могли бы наслаждаться длительным периодом мира, но для этого Китаю придется применить силу, чтобы «подтолкнуть» Индию к столу переговоров.

Восхищение Киссинджера очевидно:

Ни в какой другой стране невозможно себе представить, чтобы современный лидер использовал для важного национального проекта стратегические принципы тысячелетней давности, как нельзя представить и то, что такого лидера вполне поймут его коллеги по руководству страной⁵⁴.

Но Киссинджеру следовало бы заметить, что неожиданная атака Мао не смогла добиться поставленной политической цели: китайская блестящая во-

енная победа, обернувшаяся унижительным индийским поражением, не только не смогла

«подтолкнуть» Индию к столу переговоров, но и имела прямо противоположный эффект, сделав невозможным политическое урегулирование пограничного конфликта вплоть до сегодняшнего дня. Конечно же, Киссинджер оказался прав, обнаружив влияние на поведение Мао древних китайских текстов, но он так и не смог признать, что этот эпизод обернулся великолепным примером стратегической ошибки, вызванной сомнительными принципами древней глупости⁵⁵.

Сегодня мы можем наблюдать столь же опасное применение того же самого неправильного метода, выражающегося в попытках использовать инциденты на море для продвижения китайских притязаний на масштабную океанскую экспансию и мизерные клочки суши, официально именуемые КНР «Администрацией Парасельских, Спратли и Чжонша островов провинции Хайнань». Этот государственный орган осуществляет китайский суверенитет над всеми тремя архипелагами в Южно-Китайском море, на два из которых помимо Китая претендуют и другие государства, а также частично их оккупируют, или, что больше соответствует действительности, содержат там свои посты – речь идет о Малайзии, Филиппинах, Вьетнаме и Тайване.

Более того, китайцы в последнее время неоднократно прибегали к устрашающей тактике на море против рыболовных судов, патрульных кораблей и буровых вышек иных стран. А именно, не открывая огня, они перебрасывали к месту событий гораздо более крупный корабль, чем у их соперников, чтобы запугать или добиться отступления, угрожая прямым столкновением судов. Еще раз подчеркнем, что целью этих провокаций является не движение к войне, а создание условий кризиса, чтобы заставить другую сторону обратить внимание на определенный вопрос и, в конце концов, решить его путем серьезных переговоров.

Все это, конечно, хорошо, но провоцируя такой кризис, китайцы не могут избежать нежелательных для себя последствий: элита и общественное мнение страны, выбранной в качестве мишени такой стратегии, могут встревожиться и мобилизоваться, а уж если общественное мнение будет настороже, то оно не позволит пойти на какие-либо уступки Китаю.

Позиция китайских официальных лиц, несмотря на ее предсказуемость, вызывает беспокойство: они никак не могут понять, к каким последствиям приводит применение метода провоцирования кризиса, ведь привлечение внимания к предмету спора обычно как раз повышает ценность объекта, оказавшегося в центре событий, и тем самым снижает вероятность уступок. Дру-

гими словами, провоцирование кризиса отнюдь не самый хороший путь для разрешения межгосударственных споров. То, что работало в отношениях между «сражающимися царствами», имевшими одну и ту же культуру, может лишь вызвать бесконечную войну между современными, различными по своей природе государствами.

Третьим пережитком менталитета «Искусства войны», мешающим отношениям Китая с другими странами и препятствующим освоению правильного непровокационного курса большой стратегии, является преувеличенная вера в обман как таковой, а также в хитрости и провокационные ходы, которые равнозначны обману.

Стратагемы и непредвиденные удары играли очень большую роль во время эпохи «сражающихся царств» точно так же, как и в эпоху Возрождения, и по тем же самым причинам: географическая близость, сходство, настоящее кровное родство, культурное единство – все это способствует применению методов, которые требуют глубокого знания противника и быстрого доступа к нему.

Наглядным достоинством таких методов является их доступность и способность давать очень хорошие результаты. Они сопоставимы с наиболее успешными военными маневрами в сравнении с войной на истощение. Кроме того, они являются выражением асимметричного способа ведения войны (война с использованием маневров), самым крайним примером которого является «обезглавливание системы командования и управления» вражеского государства, то есть убийство его правителя. В 222 году до н.э. Цин завоевало Чжао и угрожало царству Янь. Вместо армии Янь послало против противника известного ученого и террориста Цзин Кэ (Jing Ke) для того, чтобы убить правителя Цин с помощью отравленного кинжала, спрятанного в свитке. Цзин Кэ стал в Китае киногероем, причем этот бездарный фильм снимался при финансовой поддержке государства (в западном прокате – «Герой»)56. Он, может быть, и добился бы успеха, но ему помешал дворцовый врач, владеющий хорошей аптечкой; возмущенный правитель Цин послал против Янь армию и завоевал это царство.

Этот пример показывает неотъемлемый недостаток таких методов: все формы маневренной войны – как асимметричные, так и не асимметричные – хотя и являются низкокзатратными, но сопряжены с большим риском, и эти факторы пропорциональны друг другу. Чем меньше затрачивается ресурсов, чем меньше привлекается избыточных сил и чем меньше элемент грубой силы, тем больше эффективность самой акции, но при этом фактор благоприятных условий и четкое исполнение задуманного играют очень большую роль. Только при наличии везения и высокой квалификации стилет или отравлен-

ный кинжал может выполнить работу многих мечей, если все пойдет точно по плану.

Так как очень благоприятные условия, равно как и точное исполнение, по определению довольно редки в отличие от всевозможных неожиданностей, чреватых конфликтом, то покушения наряду с другими формами подрывных действий никогда не занимали большого места ни в западной стратегической мысли, ни в практике. Но в китайской стратегической литературе все было не так: многие рецепты из «Искусства войны» предполагают именно хитрость. Даже самое понятие пути (Тао) ведения войны равнозначно обману⁵⁷. Довольно много места уделяется покушению: в первом китайском систематизированном историографическом труде, в монументальном Шиджи (Shiji) – «Записях великого историка» (The Records of the Grand Historian) или Великого Историографа Сим Цзяня (Sima Qian, Ssu-ma Ch'ien), целый том (восемьдесят шестой) посвящен биографиям террористов, включая Цзин Кэ⁵⁸.

Наиболее опасным последствием неправильного применения одной культурой собственных норм поведения по отношению к другой, а также результатом ошибочной веры в методы «Искусства войны» была бы попытка Китая заставить Соединенные Штаты сесть за стол переговоров путем какой-нибудь внезапной наступательной акции. Остается лишь надеяться, что не более чем незрелыми фантазиями являются обсуждаемые в интернете предположения о том, что нападения на американский военный корабль, и даже на авианосец, могут привести к усилению китайских позиций в районе западной части Тихого океана. Однако то обстоятельство, что некоторые из этих фантазий принадлежат действующим офицерам ВМС КНР (к тому же отнюдь не младшим), – не особенно успокаивает. Не вселяет уверенности в будущее и тот факт, что до последнего времени китайские военные корабли в открытом океане не отвечали на приветствие, а вместо этого включали свои радары распознавания вражеского огня. В последнее время раздавались полуофициальные призывы применить силу для поддержания притязаний Китая на море, – не напрямую против США, но против Филиппин, союзников США по договору, равно как и против Вьетнама, нового неформального союзника США. Одна из последних неподписанных редакционных статей в Глобал Таймс – несомненно, органе правительства КНР – является явным примером такой воинственной позиции: «Китай во все возрастающей степени сталкивается с морскими спорами ... что вызывает воинственные настроения внутри Китая, заставляя правительство что-то предпринимать. Много раз Китай подчеркивал свое нежелание разрешать конфликты на море военными методами... Но некоторые ... страны эксплуатируют эту мягкость китайской дипломатии... Филиппины и Вьетнам верят в то, что Китай находится под давлением разного толка. Они думают, что для них настало подходящее время извлечь из этого выгоду и заставить Китай отказаться от своих прав. В настоящее время

преобладающей точкой зрения в Китае является то, что КНР надо сначала пройти обычный путь переговоров с другими странами для решения споров на море. Но если ситуация примет нежелательный оборот, то могут понадобиться и военные действия. Такие настроения в обществе будут оказывать влияние на будущую китайскую внешнюю политику Страны, вовлеченные сегодня в споры с Китаем на море, наверное, не заметили эту тенденцию в китайском общественном мнении... Таким образом, в Южно-Китайском море, равно как и в других спорных морских районах возрастает риск серьезных столкновений. Если эти страны не изменят свою политику по отношению к Китаю, то им надо готовиться к тому, чтобы услышать звук пушек. Нам надо быть готовым к этому, так как это может оказаться единственным способом разрешения морских споров⁵⁹».

Сейчас, когда Соединенные Штаты находятся в эпицентре серьезного экономического кризиса, который наверняка приведет к сокращению их внушительных военных расходов, можно обратить внимание на присущую американцам воинственность. Как и британцы, американцы прагматичны и до неприличия ориентированы на коммерцию, но, если на них напали, они ведут себя отнюдь не как прагматики или бизнесмены и предпочитают использовать максимум силы, даже если есть более сдержанные и дешевые варианты войны. Таким образом, вера Китая в хитрое государственное искусство «сражающихся царств», которое якобы может принести большую пользу при затрате небольших военных ресурсов, к примеру, символического смелого удара, может столкнуться с катастрофой в виде гораздо более мощного силового ответа американцев. Пример Пёрл-Харбора должен служить предупреждением о такой опасности, но, если бы люди умели когда-либо действительно извлекать уроки из своей истории, она не была бы бесконечной чередой глупостей, приводивших к войне.

Когда речь заходит о стратегической хитрости, особенно направленной против американцев и Соединенных Штатов, вера китайских правителей в ее полезность и осуществимость сильно подпитывается контрастом между их собственным имиджем и тем, как они видят американцев и Соединенные Штаты.

Еще один реликт времен вассальной системы состоит в том, что китайцы обычно приписывали себе лучшие способности к обману противника по сравнению со всеми прочими национальностями, равно как и другие, более возвышенные качества. К тому же, американцев они рассматривают как очень наивных, хотя и сильных и, может быть, даже воинственных, но без труда вводимых в заблуждение. «Нелегко понять Китай, так как Китай – это древняя цивилизация ... [в то время] как американский народ очень прост, [или наивен, или невинен – так в китайском оригинале]» – так спонтанно

рассуждал вице-премьер Ван Цишань (Wang Qishan) 11 мая 2011 года в телевизионной дискуссии во время визита в Вашингтон в качестве главы экономической делегации на ежегодном заседании американо-китайской комиссии по стратегическому и экономическому диалогу60.

Для китайского официального лица это было отнюдь не самое надменное заявление. Даже самая мелкая и едва образованная китайская челядь постоянно утверждает, что Китай и китайцы слишком мудры, чтобы их могли понять некитайцы.

Учитывая то, как низко в Китае оценивают американскую проницательность, в Пекине могут решить, что самой простой формы введения в заблуждение – сокрытия своих замыслов (Tao guang yang hui: «Скрывай свои возможности и выжидай выгодного момента») – может быть вполне достаточно.

К сожалению, может возникнуть впечатление, что такая оценка оказалась в основном справедливой. На протяжении многих лет она триумфально подтверждалась, так как китайцы со все возрастающим удивлением наблюдали, как американцы не делают никаких попыток воспрепятствовать подъему Китая, напротив, имел место разносторонний вклад США в быстрый экономический рост Китая, начиная от одностороннего открытия американского рынка для китайского экспорта до энергичной поддержки китайского членства во Всемирной Торговой Организации (ВТО) – все это американцы делали, ничего не требуя взамен.

В действительности, недружественно настроенные по отношению к США китайцы никогда не переставали изобретать теории, интерпретирующие благосклонность Соединенных Штатов как притворство, стратегически направленное на введение Китая в заблуждение. По одной версии, Соединенные Штаты активно поддерживают глобализацию китайской экономики для того, чтобы сделать Китай крайне зависимым от импорта углеводородов и сырья, и таким образом с течением времени подчинить китайцев и их правительство, посредством простой угрозы прекратить поток импорта по морю. По другой версии, правящий американский класс долго рассчитывал на дешевый китайский импорт, чтобы подчинить свой собственный рабочий класс, прежде чем заняться самим Китаем – это объясняет, почему благосклонная фаза (рассчитанная на обман КНР) продолжалась так долго.

Даже те китайцы, которые не настроены враждебно по отношению к США, могут поверить в одно из этих объяснений просто потому, что не в состоянии придумать другой причины того, что правительство США не мешает подъему Китая. Будучи недавно освобожденными из плена догматической идеологии, многие китайцы до сих пор не поняли, насколько жестко идеологизирована

американская экономическая политика, особенно когда дело касается «свободы торговли» – это идеология, в рамках которой протекционизм рассматривается как смертный грех (а не как один из многих возможных политических курсов), и при которой любое осмысление долговременных структурных последствий (таких как деиндустриализация) кажется несущественным, если учесть принципиальный отказ от вмешательства в экономику.

10. Стратегическая компетентность. Исторический экскурс

Многие иностранцы⁶¹, а не только сами китайцы, склонны приписывать большую стратегическую компетентность китайцам-ханьцам, но история этого не подтверждает. И это не должно никого удивлять. Великодержавный аутизм, необоснованное применение традиционной тактики (обмана и прочих методов), сформировавшейся в рамках своей культуры, в конфликтах с государствами, принадлежащими иным культурным традициям, ритуальное ведение войны и основанное на «цзянься» убеждение в собственном превосходстве – все это являлось препятствием для понимания китайскими правителями ситуации, для их способности формулировать реалистичную большую стратегию и эффективно осуществлять ее дипломатическими или военными методами. Поэтому несмотря на то, что ханьцы всегда считали себя великими стратегами, их регулярно побеждали менее многочисленные или развитые нации, некоторые из которых не удовлетворялись подчинением китайского пограничья, а вместо этого продолжали завоевание центральных китайских областей. В действительности китайские правители держали власть над Китаем в своих руках немного больше трети последнего тысячелетия.

Последняя китайская императорская династия Цин, время которой обычно датируют 1644—1912 годами, была основана говорящими на языке тунгусской группы воинами-кочевниками чжурчженями, пришедшими из северных лесов и тундры под водительством своего клана Айсин Геро, изобретшего имя «маньчжур» (Manchu «сильный, великий») как новое название своего народа в 1635 году, прежде чем избрать для своей династии в 1644 году имя «цин» («светлый»)⁶². До самого конца своего правления маньчжурские императоры сохранили свою самостоятельную этническую идентичность вместе со своим языком и своей письменностью, ведущей происхождение от арамейского алфавита, полученного через согдийцев, уйгуров и монголов. Еще до сих пор этот язык можно видеть вокруг Пекина на прикрепленных к историческим зданиям табличках эпохи Цин (националистическое утверждение, что маньчжуры быстро ассимилировались, и поэтому все их победы и мощь являются китайскими, сегодня уже не поддерживаются учеными.)

Именно маньчжуры создали границы современного Китая, постепенно завоевывая различные территории, которые сегодня представляют собой Синьцзян-Уйгурский автономный район, покоряя монгольские племена, потомки которых теперь находятся в меньшинстве в китайском районе Внутренняя Монголия, и обеспечив хотя бы номинальный сюзеренитет над Тибетом.

Поэтому Китай при маньчжурах был ничем иным, как еще одной покоренной территорией, но в сегодняшнем китайском сознании границы Китая являются границами Маньчжурской империи на пике своего могущества, окончательно сформированными завоеванием Джунгарии в 1761 году при императоре Цянлуэ (Qianlong).

Это интересный случай исторической трансформации сознания, но видя маньчжурские гарнизоны, находившиеся в каждой китайской провинции в качестве оккупационных войск, китайцы-ханьцы того времени хорошо понимали, что они не являются субъектами империи, а всего лишь ее подчиненными подданными. Но сегодня ханьцы регулярно предъявляют права на не-китайские территории, завоеванные маньчжурами. В такой же манере индийцы могли бы заявить права на Шри-Ланку лишь потому, что когда-то и Индию, и Шри-Ланку завоевали британцы.

Династия Мин (датируемая обычно 1368-1644 гг.), правившая до маньчжуров и являющаяся бесспорно и исключительно китайской, в свою очередь наследовала периоду несомненно чужеземной монгольской оккупации. При Кублай-хане (Кублай-хане), внуке Чингисхана, монголы приняли на себя внешние знаки китайских императоров и стали называться династией Юань, время правления которой обычно ограничивают периодом 1271-1368 гг. И снова утонченные китайцы не смогли сдержать грубых монголов, и им пришлось жить под их властью, первоначально хищнически-разрушительной и очень эксплуататорской даже в лучшее для Китая время (дань использовалась не в последнюю очередь для содержания крепостей, почтовых и ямских станций завоевателей).

Более того, в областях севернее реки Янцзы власти монголов предшествовала не китайская, а другая династия чжурчженей – Цзинь, основанная кланом Ваньянь (Wanyan), возникшим в лесах Маньчжурии. Время его правления обычно датируют периодом 1115-1234 гг.

Китайская династия Сун продолжала править в южном Китае, но китайцы-ханьцы исконных центральных областей страны в бассейне Желтой реки жили под чужеземным господством, которое они не смогли предотвратить.

Севернее Желтой реки, включающей «область шестнадцати префектур» (Яньюн Чжили Чжоу – Yanyun Shiliu Zhou), предшественниками Цзинь были тоже не китайцы, а кидани (Khitans или Qitans), происходившие из монгольских кочевников и конных лучников северных степей.

Под предводительством своего клана Чжили (Yelu), они основали династию Ляо, чье правление обычно датируют периодом 907-1125 гг., и именно от их имени происходит нынешнее устаревшее наименование Китая – Cathay, которое Марко Поло на английский манер произносил как Catai. Это имя было известно не только Марко Поло. Сходным образом Китай называют к западу от него вплоть до Болгарии, а именно: Kitai, Qitay, Khitad или Hitai. Сегодня кидани мало кто помнит, но, видимо, в то время они производили неизгладимое впечатление.

Даже предшествовавшая династии Сун (618-907 гг.) династия Тан, которую часто рассматривают как «чисто китайскую», включала в себя очень сильный тюрко-монгольский элемент, явственно запечатленный на изображениях того времени, изобилующих лошадьми, всадниками и даже играющими в конное поло всадницами. Видные полевые военачальники, набранные из элиты воинов Средней Азии, вскормленных волками ашинов (Ashinas, до сих являющихся героями тюркских ультранационалистов), были важной составляющей частью изысканности императорского двора Тан⁶³. Полевые военачальники-ханьцы возможно были лучше знакомы с «Искусством войны» и подобными ей военными текстами, некоторые из них были очень успешными, например, воспетый позднее Ли Цзин (Li Jing, 571-649 гг.). Но императоры династии Тан часто предпочитали полагаться на зарекомендовавшие себя навыки их полевых командиров из клана ашинов.

Из этого очень фрагментарного наброска китайской политической истории, большая часть которой вовсе и не китайская, а скорее история чжурчженей, монголов или тюрков – следует, что сохранявшееся превосходство ханьцев во всех формах гражданских достижений никак не подтверждалось их стратегическими способностями. Ханьцы могли производить больше пищи лучшего качества, чем любая другая нация в мире, они создали самую сложную и тонкую культурную и технологическую надстройку на своем материальном базисе, но гораздо чаще (как минимум в два раза) им не удавалось, во-первых, оценить свое внешнее окружение достаточно реалистично для того, чтобы выявить угрозы и усмотреть возможности, и, во-вторых, разработать эффективную большую стратегию, чтобы использовать свои относительно многочисленные ресурсы для обеспечения безопасности собственной территории и населения.

Стратегическая компетентность, по-видимому, не попала в длинный список достижений ханьцев, так что в то время как ханьские генералы, командующие огромными армиями, цитировали друг другу Сун Цзы, сравнительно небольшое количество конных воинов, закаленных в грубой и эффективной стратегии степной маневренной войны, одерживали над ними победы. Более того, все ханьские интриги и увертки оказались гораздо слабее долгосрочной и широкоформатной дипломатии, столь естественной для степных правителей, которые регулярно объединялись за или против даже самых отдаленных империй. В прошлом все эти печальные последствия отмеченных недостатков могли лишь усиливаться посредством иллюзий о достоинствах ханьской стратегической культуры. К сожалению, судя по частотности цитат из «Враждующих царств» в речах китайских официальных лиц, кажется, что эти иллюзии сохраняются до сих пор. Все прочие последствия исторических реалий Китая представляют собой повторяющийся цикл, ослаблявший династии и предварявший их падение.

Сильная династия означала внутренний мир, законность и порядок. Мир, в свою очередь, означал экономический рост и тем самым увеличение расслоения доходов и распределения богатства, усиление местных богачей. Расслоение в богатстве, в свою очередь, означало переход земель от мелких собственников к крупным помещикам. Став батраками и безземельными поденщиками, бывшие крестьяне превращались в бандитов, если был неурожай. Бандиты, в свою очередь, становились местными мятежниками, а местные мятежи превращались в обширные восстания, если появлялись харизматичные лидеры. Самым ярким примером этого был Чжу Юаньчжан (Zhu Yuanzhang), который начинал как сельский безземельный рабочий, стал мятежником против монгольской династии Юань, достиг лидерства среди мятежников и, наконец, основал династию Мин в 1368 году как император Хуньу.

Таким образом, налицо внутренний цикл упадка, начинающийся с дифференциации богатства, ведущий к появлению местных олигархов, которые во все большей степени контролируют местные власти, что позволяет им сосредотачивать в своих руках еще больше богатства... внутри этого цикла есть и внутренний круг официальных лиц, который начинается с ученых-чиновников, всерьез принимающих конфуцианство с его моральными нормами, и тем самым устанавливающих закон и порядок, ведущий к имущественному расслоению, позволяющему богатым содержать своих детей вплоть до того, как они сдадут экзамен и сами станут чиновниками, которые, в свою очередь, будут использовать власть, чтобы и дальше обогащать свои семьи, до тех пор пока вся система не рухнет. По-видимому, нынешние социальные реальности Китая в этом смысле не случайны.

11. Неизбежно растущее сопротивление

Первый вывод, который ниже будет подтвержден содержанием двух последних, полномасштабных программных документов, официально представляющих китайскую внешнюю и оборонную политику⁶⁴, состоит в том, что китайские лидеры полны решимости продолжать преследовать взаимоисключающие цели: очень быстрый экономический и военный рост и соразмерный рост глобального влияния.

Сама логика стратегии диктует невозможность одновременного продвижения во всех трех сферах: не случайно китайский военный рост уже провоцирует реакцию противодействия – прежде всего потому, что рост этот очень быстрый. Эта ответная реакция уже мешает и будет в дальнейшем еще больше мешать китайскому одновременному продвижению во всех трех сферах, экономической, военной и дипломатической, хотя и, несомненно, в различной степени.

Высказанные утверждения самоочевидны до тех пор, пока среди соседей Китая и равных ему по мощности держав будут сохраняться независимые государства.

На сегодняшний день, хотя это только начало, быстрый военный рост Китая вызывает враждебность и сопротивление вместо того, чтобы обеспечить Китаю больше влияния в мире.

Тем самым, остается определить лишь формы, степень, содержание, время и интенсивность растущего сопротивления отдельных стран, и выяснить, скоординированы или даже скомбинированы ли усилия отдельных пар или спонтанно возникших группировок стран. Возможно также, что они объединятся в форме многостороннего альянса под руководством США – такая перспектива не только весьма маловероятна, но также и очень нежелательна, по причине того, что она вполне может подтолкнуть Российскую Федерацию в китайский лагерь, а это само по себе может оказаться решающим фактором.

Логика стратегии не является самореализующейся, но она заставляет лидеров действовать, ибо некоторая ответная реакция на подъем Китая уже существует, несмотря на отсутствие официально провозглашенной позиции отдельных государств в этом вопросе, и недостаток попыток (которые находятся сейчас в эмбриональной стадии) международной координации в этом направлении. Впрочем, только за последние двенадцать месяцев эти органические ответные меры, вызванные восприятием все более сильного и потенциально опасного Китая, проявились следующим образом:

- ❖ начало стратегического диалога между Индией и Японией, который уже вылился в практические меры, такие как: обмен слушателями в военных учебных заведениях и более тесное сотрудничество в области разведки, нацеленной на Китай;
- ❖ японская помощь Вьетнаму, также направленная на усиление способности последнего противостоять китайским провокациям на море;
- ❖ визит в Японию премьер-министра Австралии в 2011 году, который прибыл со стратегической повесткой, четко сориентированной на Китай;
- ❖ усиление активности Филиппин на море для того, чтобы отстаивать свои права на острова Спратли;
- ❖ продолжающаяся (хотя и очень медленно) переориентация всех военных усилий США от бесполезных чаепитий в Афганистане на сдерживание Китая. С конца 2011 года спонтанные, не скоординированные, почти инстинктивные реакции на военный рост Китая были дополнены появлением новой американской концепции совместного боевого применения различных родов войск в тихоокеанском бассейне и у берегов Китая. Концепция называется «воздушно-морское сражение», что звучит как оперативное решение, хотя преподносится как стратегическое. Данная инициатива уже обзавелась своей лоббистской структурой во главе с трехзвездным офицером.

Возможная роль отдельных государств в китайском и в антикитайском мире, равно как и различные организационные связи между ними, будут рассмотрены в последующих главах. Но главным вопросом здесь является вопрос о природе ответных мер. Ответные меры, ограниченные военной сферой, такие как превентивное наращивание заслуженных сил, ответная передислокация войск и тому подобное не могут быть адекватны сами по себе. Если экономика Китая продолжит расти гораздо быстрее, чем экономика его соседей и равнозначных Китаю великих держав, если процентная доля ВВП, которую КНР направляет на военные нужды, останется такой же, то любые ответные меры в виде наращивания и передислокации войск скоро будут преодолены Китаем. К тому же, тем временем соперники Китая даже могут от него отстать, так как они будут направлять больше ресурсов на военные приготовления, что ни к чему не приведет, но только поглотит ресурсы, которые можно было бы направить на рост экономики.

Таким образом, большие военные расходы, направленные против Китая, стоит серьезно поставить под вопрос, так как они в реальности не ответят на вызов дестабилизирующего роста Китая. С другой стороны, в ядерную эпоху невозможно что-либо, похожее на войну Китая и «Анти-Китая», с армиями на

поле боя, военно-морскими сражениями и бомбардировками с воздуха. Китай может сделать такую же колоссальную ошибку, какую сделала кайзеровская Германия после 1890 года, но такое развитие событий не приведет в случае Китая к новому 1914 году – еще одной войне на уничтожение. Существование ядерного оружия не полностью отрицает боевые действия между теми, у кого оно есть, но серьезно ограничивает формы этих боевых действий, так как любой их участник должен сделать все, чтобы не допустить эскалации конфликта до уровня применения ядерного оружия. Такой сценарий по-прежнему позволил бы Китаю вести ограниченные боевые действия против Индии в виде пограничных стычек, и, может быть, даже сделает возможным более серьезные боевые действия против какого-нибудь неядерного государства, но при условии, что этому государству не придут на помощь США или Российская Федерация, если эта страна – Монголия или одна из республик Средней Азии, не говоря уже о попытках нападения на явных и потенциальных союзников США.

Впрочем, несомненно, необходимы какие-либо приготовления, нацеленные на то, чтобы не допустить доминирование Китая в регионе и в мире, а также предотвратить или, если потребуется, отразить возможные военные акции, которые Китай все еще может в том или ином виде предпринять, несмотря на ядерное сдерживание (речь идет, разумеется, не о нападении на Японию или другую, более крупную державу, но, например, о локальной пограничной войне против Индии).

Такие «необходимые приготовления» заведомо будут недостаточными, поскольку они не могут объединить в себе все то сопротивление, которое Китай должен вызвать своим быстрым экономическим ростом и военным усилением, если и то, и другое продолжится в ближайшие годы.

Аксиома, состоящая в том, что независимые государства будут всеми средствами бороться за сохранение своей независимости, неминуемо найдет свое выражение в том единственном виде, который воспрепятствует полномасштабной войне, а именно в «геоэкономических мерах». Так логика стратегии проявится в грамматике коммерции (мы об этом уже упоминали выше, и предоставим более детальные разъяснения ниже). Если Китай продолжит использование своего экономического роста для приобретения пропорционального могущества, развиваясь гармонично внутренне, и в то же время, нарушая устоявшиеся внешние балансы силы и соразмерность, то ответ, исходя из предположения, что какие-либо ответные меры вообще могут быть эффективны, должен воспрепятствовать экономическому росту Китая.

Напротив, военные расходы могут быть не только бесполезными, но и контрпродуктивными, если они приведут исключительно к усилению скорости китайского роста.

Неотвратимая необходимость замедлить китайский экономический рост будет гораздо легче воспринята другими странами, которые более склонны к меркантилистскому подходу, но в случае Соединенных Штатов она столкнется с наиболее неприкасаемой идеологической догмой, равно как и с важными политическими и экономическими интересами. Но стратегия сильнее политики.

12. Почему нынешний политический курс Китая сохранится

Упорство Китая, с которым он движется к большим неприятностям, если не к краху, проходя кульминационный уровень, перед которым еще не было сопротивления его росту, «предопределено» целым рядом факторов:

Великодержавный аутизм, который мешает правильно воспринимать ситуацию в мире – болезнь, которую Китай разделяет с США и Российской Федерацией, а также с Индией, но в китайском случае этот аутизм, по крайней мере, пропорционально больше, и он отягощен относительным отсутствием опыта на международной арене. Непосредственным следствием этого является снижение способности режима ясно воспринимать мировые реалии, и в том числе растущую враждебность по отношению к Китаю, которую показывают даже опросы общественного мнения.

- ❖ Историческое наследие Китая в области внешней политики базируется на вассальной системе и презумпции своего центрального положения в концентрических кругах «цзянься». Отсюда следует склонность к надменному поведению и недооценка важности любых признаков растущего сопротивления во внешнем мире. Все эти сигналы фильтруются аутистским барьером.
- ❖ Пренебрежение и враждебность к другим странам, наблюдаемые как в народе, так и среди элиты КПК. Они часто хорошо скрыты, но прекрасно ощущаемы, и иногда резко выходят наружу. Их появление проистекает, прежде всего, из почти столетней слабости Китая: период иностранных вмешательств и вторжений продолжался до 1949 года, но в конечном итоге причиной всего этого являются многие века подчинения китайцев-ханьцев более слабо развитым в культурном отношении иностранным завоевателям. В результате наблюдается мощная эмоциональная оппозиция даже самой идее ограничения китайского военно-

го роста, несмотря на то, что на определенном уровне все-таки существует интеллектуальное понимание возможных необратимых последствий.

- ❖ Влияние НОАК и военно-промышленного комплекса на китайскую политику и поведение. Необязательно разбирать сложности этого вопроса, чтобы предположить, что НОАК и связанные с ней группы не будут поддерживать отказ от военного роста Китая (пропорционального экономическому) для того, чтобы предпочесть вместо этого военную стагнацию, которая, несомненно, сослужила бы лучшую службу интересам Китая и китайского народа в целом. Если учесть нынешний уровень военного потенциала Китая, официально провозглашенная политика НОАК по продолжению быстрого военного роста вполне понятна, и, кажется, ее поддерживает общественное мнение. Но логика стратегии часто требует непопулярной политики, а подчас даже и неестественной.
- ❖ Многообразии других проявлений китайской мощи – организационные структуры, среди которых государственные предприятия, а также различные департаменты госаппарата, желающие и способные проводить экспансионистскую политику, возможно, исключительно по своим внутренним мотивам. Не стоит перечислять все эти организации, достаточно лишь обратить внимание на то, что может самостоятельно создать не самая влиятельная государственная структура – силовое подразделение Администрации Рыболовства и Рыболовных Портов (zhong hud ren min gong he guo yu zheng yu gang jian du quan li), официально являющееся частью министерства сельского хозяйства. Даже когда КНР после целого года жесткой дипломатии с конца 2010 года перешла к стратегии «шарма» и доброй воли, 26 декабря 2010 года Чжао Циньву (Zhao Xingwu), директор Рыболовной администрации (здесь РА), энергично провозгласил свою собственную политику, идущую в прямо противоположном направлении⁶⁵:

Китай намерен интенсифицировать развитие рыболовной промышленности на своей территории. В 2011 году будет организовано регулярное патрулирование для охраны рыболовецких районов вокруг островов Дзяотао в Восточно-Китайском море [= в настоящее время вокруг этих островов, называемых японцами Сенкаку, патрулируют японские суда и в последнее время там появились и японские гарнизоны].

Защита рыбной ловли путем сопровождения траулеров военными патрульными кораблями будет усилена вокруг островов Наньша... чтобы нанести удар по незаконному рыболовству.

Упомянутые здесь острова Наньша более известны как острова Спратли, на большинстве из которых расположены военные посты или даже гарнизоны Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Тайваня, но не Китая.

У РА уже сейчас есть мощный флот в составе 2287 судов и катеров, включая 528, построенных за последние 5 лет, и весьма современный корвет дальнего радиуса действия водоизмещением 2500 тонн Yuzheng 310 («Ючжень»). Но, видимо, все это РА отнюдь не удовлетворяет. Чжао Циньву продолжил свою речь, чтобы дать понять это:

Современные китайские патрульные корабли слишком малы и не могут гарантировать эскортирование на длительные расстояния... А патрулирование в открытом море – это особая вещь... потому что, если что-нибудь произойдет [= инциденты], подкреплению потребуется очень много времени, чтобы дойти до места происшествия, и, если сами корабли плохо подготовлены для таких событий, они не могут прибегнуть ни к чьей помощи, что осложняет предоставление им своевременной защиты.

Корвет Yuzheng 310 – вовсе не маленький корабль (с водоизмещением 2500 тонн), и в любом случае помимо него есть еще 4000-тонный Yuzheng 311. Что касается «иных ресурсов», то есть еще и 1500-тонная плавучая база Yuzheng 88 – все это боевые корабли, выкрашенные белой краской. Что бы ни говорили китайские лидеры о взаимном сотрудничестве на разных саммитах, ясно, что господин Чжао Циньву имеет свой собственный план действий: получить еще больше кораблей (и самолетов), чтобы быть более активным для отстаивания прав Китая в спорных участках морей и достичь в будущем, если произойдут какие-либо инциденты, доминирования на этих территориях. Дальше – хуже. Самым активным и наиболее агрессивным китайским морским ведомством является не РА, а Служба наблюдения за морем КНР (China Maritime Surveillance, CMS; Zhongguo haijian), входящая в Государственную океанскую администрацию. Ее главной задачей является патрулирование исключительной экономической зоны Китая – 200-мильной зоны вокруг любого клочка суши, который еще сам по себе является спорной территорией. На этом основании Китай ныне предъявляет притязания на все Южно-Китайское море, включая участки, расположенные в сотнях миль от его территории, но почти в пределах видимости от Филиппин. В этой связи следующая стандартная формула китайского информационного агентства Синьхуа является официальной: «У Китая более 18 тысяч километров побережья и три миллиона квадратных километров территориальных вод» (площадь Южно-Китайского моря – 2,59 миллиона квадратных километров).

У CMS есть свои собственные самолеты, как и 3000-тонные большие патрульные корабли Haijian-83 помимо прочих судов, хотя 1500-тонные и более

быстроходные Haijiam-51 были более активны в столкновениях с японцами. Хватает у CMS и амбициозных планов. Заместитель директора этого ведомства Сун Шуцзян (Sun Shuxian) высказывался следующим образом: «Наши морские силы будут доведены до уровня резервного соединения ВМС, и этот шаг сделает наши патрули на море лучше вооруженными... нынешняя оборонительная мощь CMS – неадекватна». Соответственно, CMS находится в процессе приобретения новых патрульных судов, некоторые из которых представляют собой внушительные 4000-тонные военные корабли с достаточно высокой боевой мощью и таким образом лучше подходящие для «боевого патрулирования».

В дополнение к динамично развивающейся РА и даже еще более активной CMS, есть еще Администрация морской безопасности (Maritime Safety Administration, MSA) министерства транспорта. Там работает более 20 тысяч оперативных сотрудников, что превосходит и РА, и CMS, а значительный флот этой структуры включает в себя 3000-тонные корабли Haixim-11 и Haixim-31, которые не следует путать с Haijing 1001, самым современным кораблем военно-морской полиции, входящей в состав Народной вооруженной полиции (People's Armed Police) – еще одного игрока на этом переполненном поле.

Таким образом, постоянный комитет политбюро КПК может приказать министерству иностранных дел заменить надменные угрозы радушными заверениями, как это, несомненно, было сделано в конце 2010 года; но для того, чтобы обеспечить такое же поведение всех выше перечисленных ведомств и побудить их избегать инцидентов, а не провоцировать их, инспекторам политбюро придется находиться на борту всех кораблей РА, CMS и MSA, как и на кораблях ВМС КНР, которые, как уже упоминалось, отвечают на приветствие на море тишиной, сопровождающейся включением радаров-детекторов вражеского огня.

Еще одним фактором является довольно странный феномен, который можно назвать «синдромом приобретенной стратегической неполноценности» Китая (СПСН), в котором обычный здравый смысл и даже слабое восприятие парадоксальной логики стратегии заменяются явной тенденцией уповать лишь на введение в заблуждение, большие и малые хитрости и технологию «обхождения с варварами», похожую на трюкачество. Китайский СПСН, который выражается в злоупотреблении собственными ресурсами, проистекает из упомянутой выше стратегической глупости древних времен, и ведет к переоценке способностей китайского правительства предотвращать возможное сопротивление путем стратегического обмана и хитро обходить его, если оно все-таки возникло.

Непосредственным следствием китайского СПСН на сегодняшний день, когда подъем Китая еще во многом уязвим или, в любом случае, полностью не завершен и не консолидирован, является нежелание прибегнуть к единственно действенной контрмере для предотвращения растущего глобального сопротивления – ликвидации его источника путем замедления своего собственного роста. Вместо этого китайский СПСН предпочитает контрпродуктивные в конечном счете трюки и маневры, которые способны лишь добавить недоверия к самому Китаю. Они затемняют многие положительные аспекты китайского разностороннего развития, включая всевозможные и действительно различные формы государственного управления. Чрезмерное упование на обман, свойственное ответственным за безопасность официальным лицам и многим творцам общественного мнения за пределами Китая, увеличивает склонность видеть в китайской политике только угрожающую экспансию и агрессивность вместо более стабильной реальности, которая включает в себя и благоприятные для мирового сообщества стороны китайского роста.

Значение каждого из вышеперечисленных факторов для удержания Китая на прежнем курсе, конечно, спорно, и, возможно, они не такие важные, как представлены в этой книге. Тем не менее, их очень много. И их значительно-му многообразию противостоят лишь смутное осознание китайской элитой растущего сопротивления росту Китая и неправильные оценки последствий этого сопротивления, которые в действительности приводят скорее к надменности, чем к мудрой сдержанности.

13. Австралия.

Создание коалиции

Все государства без исключения претендуют на абсолютный суверенитет, но не все имеют политическую культуру, в равной мере препятствующую любому подчинению иностранной власти (даже британская метрополия не смогла избежать этой участи в двадцатом веке). В любом случае, юридические барьеры, например, запрет каботажа, могут быть эффективны, в пределах своей компетенции, в сдерживании каких-то конкретных форм иностранной активности. Тем не менее, обилие таких формальных запретов, ограничивающих активность иностранных государств на своей территории, как раз свидетельствует о том, что политическая культура данной страны не так уж и невосприимчива к иностранному влиянию. То же самое справедливо и в отношении чрезмерно обостренного чувства национальной гордости – такие чувства чаще всего появляются в тех странах, которые с очень большой вероятностью попадут под влияние более мощной державы⁶⁶.

Австралия – не из такого рода стран, и несмотря на свое этническое многообразие она полностью сохранила англо-саксонскую воинственность. Только так можно объяснить то обстоятельство, что эта страна, удаленная от всех конфликтных зон мира (кроме одной), умудрилась после 1945 года отправить войска для участия в столь разнообразных военных операциях, как война в Корее, восстание в Малайе, конфликты вокруг Индонезии, война во Вьетнаме, бесполезные в целом акции в Сомали, стабилизация в Восточном Тиморе, интервенция на Соломоновых островах и длительные войны в Афганистане и Ираке, потребовавшие больших издержек.

Поэтому не удивительно, что Австралия оказалась первой страной, которая ясно выразила свое сопротивление растущей мощи Китая и начала создавать коалицию, как это и предписывает логика стратегии.

Уже в 2008 году, когда Китай еще добровольно соблюдал ограничения в духе политики «мирного роста» (то есть до возобладания надменности в китайском поведении), австралийское правительство выпустило документ «Защита Австралии в Азиатско-Тихоокеанском столетии: вооруженные силы до 2030 года», представленный в Белой книге по вопросам обороны от 2009 года⁶⁷ (такие документы издаются не каждый год, например, издания 2010 года не было)⁶⁸.

Китайские официальные лица постоянно критиковали этот документ как алармистский и подстрекательский. Это само по себе интересно, так как авторы его как раз попытались представить сбалансированную оценку наиболее сдержанным языком, как это можно видеть уже из названия раздела, посвященного Китаю,

«Стратегические последствия подъема Китая»:

4.23. Если не случится серьезного кризиса, то к 2030 году Китай станет основной движущей силой в сфере экономики и не только в регионе, но и во всем мире, и будет оказывать стратегическое влияние далеко за пределами Восточной Азии. При соблюдении определенных условий Китай сможет обогнать Соединенные Штаты и стать самой крупной экономикой мира к 2020 году. Но экономическая мощь является еще и производной от торговли, экономической помощи и финансовых потоков, и по этим критериям США, возможно, останутся лидерами.

4.24. Самыми значимыми отношениями и в регионе, и в мировом масштабе, будут отношения между Китаем и США. Характер отношений между Вашингтоном и Пекином будет иметь огромное значение для стратегической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Тайвань останется источником

возможных стратегических противоречий между этими двумя государствами, и всем сторонам придется плотно поработать над тем, чтобы их отношения с Тайванем оставались мирными на годы вперед. Правительство подтверждает многолетнюю политику «одного Китая», которой придерживается Австралия.

4.25. У Китая есть реальная возможность в ближайшие десятилетия стать ключевым игроком в деле обеспечения развития и стабильности глобальной экономической и политической системы. В ближайшие годы вклад Китая в глобальную экономическую систему станет еще более существенным, другие крупные страны также внесут более значительный вклад в экономические успехи Китая. Китайское политическое руководство, по всей видимости, сохранит понимание необходимости продолжения усилий по укреплению региональной безопасности и глобального миропорядка, основанного на четких правилах, при этом вклад Китая в общее дело должен быть ощутимым (курсив добавлен. – Э. Д.).

Здесь авторы документа, по сути, побуждают Китай к тому, чтобы действовать умеренно, предполагая, что Китай так и поступит.

4.26. Китай также будет самой сильной военной азиатской державой, обладающей к тому же большим преимуществом над соперниками. Его военная модернизация во все большей степени будет характеризоваться приобретением средств для распространения своего влияния. Такая большая держава, как Китай, должна развивать военные инструменты глобального воздействия, соразмерные ее масштабам. Но скорость, масштабы и структура китайской военной модернизации обладают потенциалом, способным вызвать у соседей Китая озабоченность, если только со стороны Китая не последует подробных разъяснений, и если Китай не попытается совместно с другими странами создать атмосферу доверия вокруг своих военных планов (курсив добавлен. – Э.Л.).

В данном случае авторы утверждают, что смягчающая дипломатия может компенсировать «создание Китаем значительного с глобальной точки зрения военного потенциала». Они не рассматривают того, что может произойти потом (после того, как соседние страны будут в достаточной мере успокоены действиями китайского правительства по созданию атмосферы доверия вокруг своих добрых намерений). Как они будут реагировать на продолжающееся наращивание Китаем своего «значительного с глобальной точки зрения потенциала», который превратит их самих (соседей Китая) в военных карликов?

4.27. Китай уже стал делать это в последнее время, но он должен прилагать для этого еще больше усилий. Ведь если он этого не сделает, то в умах его

соседей (других стран региона) возникнет вопрос о долгосрочной стратегической цели развития вооруженных сил Китая, в частности потому, что его военная модернизация кажется выходящей за рамки того, что необходимо для разрешения конфликта вокруг Тайваня (курсив добавлен. – Э. Л.).

Здесь авторы устанавливают гораздо более низкий лимит для размеров приемлемого китайского военного потенциала, чем в упомянутом выше «потенциале глобального значения», то есть, они имеют в виду вооруженные силы регионального, а не глобального масштаба, достаточные для того, чтобы воевать против Тайваня, но не против, скажем, Японии; они были бы функционально ограничены тем, что нужно для завоевания Тайваня, а не для проведения более масштабных военных операций.

По сути, авторы в данном случае вплотную подходят к поддержке, или даже к скрытому одобрению паназиатского консенсуса о том, что Китай имеет право на завоевание Тайваня силой оружия, даже несмотря на то, что этого не стоило бы делать; такая позиция Австралии и других азиатских стран, но не Японии или США, основана, вероятно, на существовании де-юре «одного Китая», и данную точку зрения разделяют все эти страны.

После публикации «Белой книги» Австралия начала повышать свой потенциал сопротивления, как путем инвестирования в военные средства дальнего действия⁶⁹, так и, может быть даже более последовательно, путем усердного создания коалиции своих союзников.

Китайское правительство выразило предпочтение, или, можно сказать, оно настаивает на том, что все спорные вопросы могут быть решены на двусторонней основе со всеми желающими странами, в том числе и относительно споров на море; это, конечно, обеспечит на таких переговорах благоприятный для Китая баланс сил.

Австралия предпочитает нечто диаметрально противоположное: создание работающей системы коллективной безопасности в Восточной Азии и западной части Тихого океана, которая является пока еще не четко определенной, но приоритетной целью Австралии, а также обеспечение того, чтобы ни одна из стран-участниц такой системы не осталась один на один с Китаем на переговорах по безопасности или территориальным вопросам, а также в случае конфронтации, если дело дойдет до этого.

Очевидно, все это потребует создания действующего механизма консультаций, который может быть, а может и не быть частью системы АСЕАН, такого как «Встреча министров обороны стран АСЕАН и стран-партнеров» – за исключением, по крайней мере, одной из этих стран, не являющихся членом

АСЕАН (если эта система будет рабочей). Что касается непосредственно конфронтации на море, то это может потребовать соглашений о быстром сборе эскортных судов, патрульных кораблей, судов береговой охраны и даже кораблей ВМС разных стран, если в этом возникнет необходимость. Но все то, что здесь сокращенно именуется «совместными консультациями» или «совместными действиями», пока что является делом будущего и остается предметом двусторонних консультаций, а не вопросом реального планирования.

И все же того, что уже происходит, вполне достаточно, чтобы показать решимость правительства Австралии сделать предметом своего уже многолетнего двустороннего диалога с заинтересованными странами новую стратегическую цель создания коалиции для сопротивления китайскому экспансионизму.

Об этом, к примеру, явственно свидетельствует официальная презентация австралийско-вьетнамских отношений в совместном документе, принятом 7 сентября 2009 года, чье заглавие «Полномасштабное партнерство Австралии и Вьетнама» показательно характеризует ту движущую силу, которой руководствуются обе страны⁷⁰. После таких разделов, как «Развитие политических связей и обмен визитами», «Содействие экономическому росту и развитию торговли», «Продолжение оказания помощи в вопросах развития и технического содействия», в этом документе следует такой интересный пункт, как «Развитие связей в области обороны и безопасности»:

Австралия и Вьетнам признают, что безопасность и процветание обеих стран тесно связано с безопасным будущим Азиатско-Тихоокеанского региона. Подтверждая свое уважение национальной независимости и суверенитету, Австралия и Вьетнам будут взаимодействовать на региональных форумах с целью развития надежной архитектуры безопасности [= механизмов коллективной безопасности] и работе по снижению риска возникновения в регионе конфликтов путем укрепления доверия.

Это в основном касается компонента совместных переговоров, далее идет то, что относится уже к «совместным действиям»:

Австралия и Вьетнам будут поощрять большую открытость и сотрудничество в сфере обороны путем продолжения обмена специалистами и опытом в деле военной подготовки, визитов кораблей, а также путем укрепления механизма обмена мнениями по вопросам региональной и глобальной безопасности, представляющих взаимный интерес посредством ежегодного диалога между официальными лицами министерств иностранных дел и обороны.

Учитывая то, что обе страны сотрудничают также по целому ряду других вопросов, включая борьбу против торговли людьми (во Вьетнаме на постоянной основе аккредитованы полицейские атташе Австралии), интересно отметить, что в ряде случаев они сходят с этого пути, чтобы обеспечить более высокий приоритет своему взаимодействию по вопросам безопасности, ориентированному на наблюдение за Китаем.

Подтверждением тому послужило вьетнамское официальное заявление, «Вьетнам отмечает день вооруженных сил в Австралии», выпущенное 12 сентября 2009 года⁷¹. После перечисления австралийских официальных лиц, принявших участие в праздновании, в заявлении говорится: «Было достигнуто согласие в том, что после установления дипломатических отношений между двумя странами в 1973 году мы продвинулись во многих областях, особенно в безопасности и национальной обороне (курсив добавлен. – Э. Л.)». К 2012 году стороны достигли еще большего прогресса, и был налажен полномасштабный стратегический диалог в целях координации практических действий⁷². Действие – подъем Китая – требует ответного действия, в данном случае создания коалиции. Естественно, что Вьетнам – фронтовое государство по отношению к Китаю – продвинулся в этом направлении гораздо дальше, чем другие, но они следуют его примеру.

Анализ непростой ситуации в Индонезии мы приводим в главе 18, а что касается Австралийско-малазийских отношений в сфере безопасности, то они вполне однозначны, потому что их двухстороннее сотрудничество в сфере обороны четко закреплено в виде формального соглашения в «Малазийско-австралийской совместной программе в сфере обороны», которое заменило бывшие договоренности 1992 года. Оно охватывает подготовку в Австралии малазийских военных, обмен офицерами и ежегодные совместные военные учения.

Придется пройти еще длинный путь, чтобы подготовить почву для «совместных действий» и создания системы коллективной безопасности, если «совместные обсуждения» не смогут предотвратить конфронтацию. И в дополнение ко всему следует сказать, что, хотя «Соглашение пяти стран по вопросам обороны» от 1971 года (FPDA)⁷³ появилось на свет как последняя попытка Британии удержать свои позиции «к востоку от Суэца», оно все еще остается в силе и действует.

Формально это соглашение обязывает Австралию, Новую Зеландию и Соединенное Королевство «консультироваться по отражению любого вооруженного нападения или угрозы против Малайзии или Сингапура», и тем самым ясно определяется роль Британии как защитницы бастионов неокOLONИализма. После 1971 года Великобритания отказалась от своих последних претензий

на какую-либо роль на Дальнем Востоке, а Новая Зеландия отказалась от активной военной политики за пределами своих границ (она присутствует в Афганистане, но только в виде «команды по восстановлению», которая хотя и состоит из солдат, но вряд ли может считаться боевым подразделением). Однако Австралия все еще рвется в бой и взяла на себя лидерство в FPDA как в рамочном механизме по проведению совместных военных учений, так как это соглашение также включает в себя Сингапур. Нечего и говорить, что безопасность на море расценивается как высший приоритет этих учений.

Сингапур не является стороной спора вокруг островов Спратли, но его от природы активное правительство готово полностью участвовать в будущей системе коллективной безопасности, направленной на сдерживание Китая. Более того, Сингапур проводит очень амбициозную военную политику, имея непропорционально большие для города-государства вооруженные силы: при населении в 3,1 миллиона жителей они включают в себя 77 000 военно-служащих активной службы и 350 000 обученных резервистов. Еще более необычно то, что эти вооруженные силы содержатся в состоянии повышенной боевой готовности, серьезно тренируются и имеют первоклассное вооружение, включая самые современные американские боевые самолеты и произведенные в Израиле ракеты воздушного запуска (air-launched missiles).

Не удивительно, что в сингапурско-австралийских отношениях помимо военного есть еще и шире понимаемый аспект безопасности, ставший предметом отдельного соглашения 12 августа 2008 года («Меморандум о взаимопонимании по военному сотрудничеству»), подписанного премьер-министром Сингапура Ли Кьен Луном (Lee Hsien Loong) и премьер-министром Австралии Кевинном Раддом. Среди его практических последствий можно отметить то, что сингапурские вооруженные силы могут использовать для своей боевой подготовки обширную австралийскую территорию: такие австралийские базы, как Шоалуотер Бэй (Shoalwater Bay Training Area) и аэродром Оуки (Oakey Airfield) в Квинсленде, а также базу ВВС Австралии – Пирс (RAAF Base Pearce), расположенную на западе страны.

Каждые два года эти две страны проводят заседание «Совместного сингапурско-австралийского комитета министров», но помимо этих встреч данная инициатива предполагает более широкий круг взаимодействий. Так, опубликованное в 2009 году коммюнике заканчивается довольно-таки четкими для таких документов формулировками, когда дело доходит до стратегических взаимодействий⁷⁴. Во-первых, в разделе двустороннего сотрудничества в сфере безопасности в документе говорится:

4. Министры отметили, что двусторонние отношения в сфере обороны стали глубже и шире, основываясь на истории тесного со-

трудничества и стратегических взглядах на будущее, разделяемых обеими странами... (курсив добавлен. – Э. Л.).

5. Министры подчеркнули важность сотрудничества между вооруженными силами для противодействия общим угрозам безопасности обеих стран...

Затем под утешительным заголовком «Другие области двустороннего сотрудничества» в коммюнике говорится:

17. Министры обменялись мнениями по широкому кругу глобальных и региональных вопросов. Они отметили, что США, Китай, Япония и Индия играют большую роль в поддержании безопасности и стабильности в регионе. Министры обязались продолжать совместную работу по продвижению регионального сотрудничества, укреплению стабильности и взаимного процветания.

Ничего сверхъестественного, но коммюнике демонстрирует логику стратегии в ее действии: подъем Китая ведет к образованию коалиции стран, чувствующих угрозу.

Любая из данных австралийских инициатив исходит из принятого ранее принципиального решения строить структуру коллективной безопасности шаг за шагом, а не отдавать все на откуп американцам. Эта позиция в конечном итоге базируется на ревизионистских взглядах на австралийскую историю в период двух мировых войн, в которых австралийцы, как утверждают ревизионисты, заплатили слишком высокую цену за небольшой выигрыш, потому что они отдавали свои войска чужим командирам (хотя на самом деле австралийские дивизии находились под командованием своих генералов, а эти дивизии входили в состав британских корпусов и армий).

Слишком высокая цена означала непропорционально большие потери австралийцев. Низкий выигрыш выразался в недостаточном весе Австралии на переговорах о мире (австралийцы, например, хотели предать императора Хирохито суду).

Эта старинная история получила новую жизнь, когда вместо британцев руководящую роль взяли на себя американцы. Это случилось после участия австралийцев во вьетнамской войне, в которой их потери были мизерными по стандартам Галлиполи (Gallipoli standards): 500 убитых, 3129 раненых, но война во Вьетнаме в ретроспективе была оценена как несправедливая и бездарно осуществленная. Из этого извлекли следующий урок: если Австралия будет пассивно следовать за американцами, те могут увести ее в неправильном направлении, и некомпетентно руководить австралийцами на тактиче-

ском уровне. То же самое подтвердилось и в ходе войны в Ираке. Потерь там было гораздо меньше, но исход не расценили как успешный, учитывая послевоенное состояние Ирака, который стал источником нелегальной миграции в Австралию.

Итак, еще раз подчеркнем, что все процитированные выше документы очень ясно показывают, что австралийцы осознают свое положение перед лицом стратегической угрозы – на этот раз со стороны Китая, который слишком быстро растет по всем направлениям, а также демонстрирует готовность расширяться территориально. Но на сей раз австралийцы явно не хотят просто ждать, когда их призовут под свои знамена американцы, чья компетентность в военных вопросах вызывает у них недоверие: они боятся, что в случае кризиса или усиления китайского влияния, требующего вмешательства, Соединенные Штаты будут действовать слишком быстро или слишком поздно, слишком напористо или не слишком уверенно. И, кроме того, даже самые жестко настроенные по отношению к Китаю австралийцы хотели бы сдерживать Китай и остановить его, если в этом будет необходимость, сохраняя при этом хорошие отношения с предельно широким кругом китайцев и рассчитывая в длительной перспективе скорее на сотрудничество, чем на враждебность.

В то же самое время австралийцы не сомневаются ни в добрых намерениях Соединенных Штатов, ни в их конечной способности встать на защиту Австралии, если до этого дойдет дело. Эта уверенность была подтверждена в ноябре 2011 года, когда два правительства объявили, что американские войска впервые после Второй мировой войны будут дислоцированы в Австралии; выбранное для американской военной базы место – Дарвин в Северных территориях – расположено менее чем в 400 морских милях от индонезийской территории⁷⁵. Австралийцы, со своей стороны, как во время войны, так и в период мира делают все возможное для того, чтобы сохранить свой статус второго по надежности союзника США, претендуя в борьбе за этот титул на более привилегированное положение, чем прочие соперники, причем не только благодаря своей роли в глобальной американской системе сбора разведывательных данных (только Австралия, Канада и Новая Зеландия в полной мере участвуют в американско-британской сети сбора разведданных).

Эти два потенциально противоположных подхода к США – один довольно подозрительный, другой преисполненный безграничного доверия, – сведены вместе тезисом о том, что любые независимые австралийские инициативы по созданию элементов системы своей безопасности всегда будут дополнять, но ни в коем случае не ослаблять американско-австралийский альянс по сдерживанию Китая. Например, у австралийцев прекрасные контакты с малазийскими вооруженными силами, а у США – нет, кроме того, Австралия может также

сыграть роль моста в отношениях между США и Индонезией. Что касается Вьетнама, о котором будет рассказано в 15-й главе, австралийцы все еще могут внести дополнительный вклад во взаимоотношения этой страны с США в сфере безопасности, хотя бы потому, что они меньше напевают на тему прав человека, чем американцы со всей их силой.

Синергия двусторонних отношений Австралии с соседями и ее поведение в рамках союза с соединенными штатами достигает апогея, когда речь заходит о Японии. Австралия с беспокойством отнеслась к исходу японской политической чехарды, когда в 2009 году национальным лидером стал такой человек, как Одзава Ичиро (Ozawa Ichiro), несмотря на его сомнительное прошлое⁷⁶ и весьма почтительное отношение к Китаю. Реакция Австралии состояла в том, что она вновь сосредоточила свое внимание на Японии и бесцеремонно пытается повлиять на ее внешнюю политику, несмотря на громадные различия в богатстве и в потенциале обеих стран.

Самым ярким проявлением этой бестактности стал визит премьер-министра Австралии Джулии Джиллард в Японию в апреле 2011 года сразу же после мартовского цунами и вызванной им цепи катастроф (естественно, она не смогла отказать себе в посещении северных районов Японии, объятых страхом радиоактивного заражения). В дополнение к тому, чего и так следовало ожидать в ходе подобного визита, 22 апреля премьер-министр Джиллард в своей тщательно подготовленной речи в Национальном пресс-клубе Японии уверенно подчеркнула приоритет коллективной безопасности, причем не в последнюю очередь благодаря тому, что упомянула эту тему второй после катастрофы и оказанной Австралией помощи:

Япония – самый близкий партнер Австралии в Азии. ... Например, есть австралийские самолеты, сотрудничающие с силами обороны Японии, транспортирующие японские грузы и использующие американские базы в Японии при поддержке США.

Мы много говорим о трехстороннем сотрудничестве Австралия-Япония-США. Но это слова, подтвержденные делами... как премьер-министр, я полностью привержена этим очень важным отношениям в сфере безопасности.

Япония и Австралия – близкие стратегические партнеры.

Мы стоим перед лицом важных для обеих наших стран вызовов в сфере безопасности. ... Взаимоотношения Австралии и Японии в области обороны и безопасности успешно развиваются и стали очень тесными и важными для обеих стран. ... Наши министры иностранных дел и обороны встречаются регулярно в формате «2+2».

В таком формате Япония проводит подобные встречи только с Австралией и США, а Австралия в формате «2+2» из всех стран Азии встречается только с Японией. ... Мы усилили наше участие в совместных военных учениях. ... Австралия готова к новым формам сотрудничества⁷⁷.

Далее премьер-министр уточнила, что результатом сотрудничества является претворение в жизнь японско-австралийского соглашения о совместном обслуживании военной техники, ратифицированном японским и австралийским парламентами, которое позволяет вооруженным силам обеих стран оказывать друг другу логистическую поддержку. Учитывая большую удаленность Австралии от других частей мира (что налагает определенные ограничения на ее стратегические возможности), это было очень важно и открыло новую фазу и так уже далеко продвинувшегося сотрудничества в военной сфере и в вопросах безопасности между Японией и Австралией. Как бы то ни было, сотрудничество в области транспорта, обслуживания авиатехники и логистики активно развивается. Учитывая это, Япония уже не обречена только на сотрудничество с США в вопросах безопасности, что само по себе важно.

Кроме того, премьер-министр Джиллард сообщила о проведении на тот момент переговоров по заключению соглашения об информационной безопасности с целью создания юридических рамок для обмена секретной информацией путем совместного анализа и изучения различных тем и, что более важно в случае кризиса, – для быстрого обмена разведанными между командованием и отдельными подразделениями сторон.

Далее, премьер-министр Джиллард раскрыла некоторые сведения о соглашении по совместной разработке «нового видения сотрудничества в сфере обороны» между Австралией и Японией, цель которого, согласно ее описанию, не вызывает сомнений: «улучшить наш механизм двустороннего сотрудничества в случае кризисной или чрезвычайной ситуации, либо в Японии, либо в Австралии, либо в регионе в более широком смысле». Значение слова «кризис» вполне самостоятельно в данном контексте, так как далее речь идет о «чрезвычайной ситуации», тем самым «кризис» – это нечто антропогенное в отличие от природных катастроф.

Детальное перечисление различных практических шагов по усилению не только политической координации, но и совместных военных мер, несомненно, имеет своей целью придание отношениям в сфере безопасности максимальную практическую значимость – честно говоря, речь здесь идет именно о военных мерах, так как сотрудничество дипломатическое считается вещью уже само собой разумеющейся. На японцев все это произвело большое впечатление, поскольку им прекрасно известно, какую долю в беспрецедентное процветание Австралии внес ее экспорт в Китай. Поставив военное сотруд-

ничество во главе списка приоритетов, премьер-министр Джиллард обратилась к внешнеполитической координации только в конце, притом в решительных выражениях:

Региональное процветание не может быть обеспечено лишь экономическим сотрудничеством. Ему также нужна здоровая атмосфера в области безопасности.

После этого она описала желаемую с точки зрения Австралии ситуацию, подтвердив единство Японии и Австралии в поддержке «продолжающегося передового базирования» Соединенных Штатов в западной части Тихого океана. Это относилось как к американским вооруженным силам, включая авианосцы, которые Китай считает орудием вмешательства, так и к американской дипломатии:

«Стабильность и безопасность жизненно зависит от интегрирующей роли Соединенных Штатов». Но этого было недостаточно с точки зрения премьер-министра Джиллард, которая далее подчеркнула необходимость развивать «правильную региональную архитектуру для поощрения сотрудничества по вызовам в сфере безопасности и по мирному решению споров». В этом контексте слово «архитектура» означает набор конкретных соглашений о том, как реагировать на весьма конкретную проблему – китайские притязания на море, масштаб которых все время растет: в декабре 2011 года СМИ КНР определили китайские территориальные воды не только в пределах исключительно экономической зоны, но включили туда фактически все Южно-Китайское море. Тем не менее, премьер-министр Австралии, разумеется, не упомянула Китай как реальную или возможную угрозу, хотя на самом деле ничто иное не может оправдать все те австралийско- японские усилия, которые она описала, равно как и большие расходы, связанные с операциями австралийских вооруженных сил в тысячах миль от их родных баз. Угроза не была упомянута потому, что есть лишь один кандидат на эту роль, если только не предположить, что австралийцы планируют воевать в Корее.

Дипломатическая активность Австралии имеет и еще одно достоинство: она позволяет более робким лидерам Малайзии, Филиппин, Сингапура и Вьетнама отвечать на надменное поведение Китая (которое усилилось после 2008 года) хотя бы возможностью стоять рядом с Австралией и кивать в знак согласия до тех пор, пока они не будут готовы громко высказаться. То же самое можно было наблюдать и в Японии в апреле 2011 года.

И снова повторим: то, что произошло в Восточной Азии и изменило там политический ландшафт – это всего лишь действие логики стратегии и его весьма реальные последствия для Китая, чье поведение запустило последователь-

ность реакций. Сейчас Китаю вместо того, чтобы вести дела с соседями только на двусторонней основе, позволяющей ему подчеркнуть свое превосходство, приходится наблюдать, как эти отношения приобретают многосторонний характер, причем не в последнюю очередь из-за австралийских инициатив, которые предвосхищают американские усилия в том же направлении. Это и есть «архитектура», которая должна быть «сильной» – функциональный эквивалент многостороннего договора в сфере безопасности.

14. Япония.

Отход от отхода

Для страны, которую и хвалят, и ругают за ее неповоротливый консерватизм, политика Японии по отношению к Китаю и, соответственно, по отношению к США в последнее время удивительно резко менялась.

Отчасти это было спровоцировано недовольством, которое вызвало присутствие вооруженных сил США в перенаселенной стране: в особенности это касается базы ВВС морской пехоты США Футенма (Futenma), расположенной прямо в центре города. Но в большинстве своем эти изменения были вызваны оценкой периода после 2008 года, которая отмечала упадок США на фоне стремительного роста предлагаемых Китаем возможностей. Таким образом, не уделяя должного внимания долгосрочной перспективе, предпочтения японской политической элиты начали дрейфовать в сторону более тесных связей с Пекином, даже ценой более прохладных отношений с Вашингтоном. Начало этого дрейфа было встречено резко негативной реакцией большей части чиновников МИД Японии, как и ряда других представителей элиты страны. Однако этот дрейф имел и серьезных политических сторонников.

Во-первых, стоит сказать о позиции старшего поколения японских политиков, которую выражает, например, бывший премьер-министр Ясухиро Накасонэ (Nakasone Yasuhiro, занимал этот пост в 1982-1987 гг.), служивший во время войны офицером японских ВМС в Токио и соединивший в себе чувство вины за те преступления, что японцы совершили во время войны в Китае, с живым восприятием возможностей для японского бизнеса в Китае, а также благожелательной интерпретацией японского прошлого и возможного будущего в рамках китайской системы «цзянься» (Tianxia)⁷⁸. Согласно такой точке зрения на японскую историю, Япония успешно развивалась в первые века своего существования как независимая страна, которую китайские правители, тем не менее, рассматривали как входящую в сферу своей гегемонии. Из этого убеждения следует, что Япония все равно будет продолжать процветать, даже если она окажется не вовне, а внутри китайского периметра безопасности, вследствие экспансии китайского стратегического влияния. Един-

ственная роль, отведенная в такой картине будущего мира Соединенным Штатам, – потихоньку испариться. Эта точка зрения, естественно, дополняется пессимистическим взглядом на будущее самой Японии, согласно которому ничто не может помешать упадку и превращению Японии в среднюю державу с сокращающимся и стареющим населением.

Наряду с данной философской позицией, у которой есть свои достоинства, в 2009 году появилась гораздо более резкая точка зрения Ичиро Одзавы: Америка идет вниз, Китай – вверх, поэтому пойдем вместе с Китаем, и тем самым нам уже не понадобятся морские пехотинцы США на Окинаве. В более нюансированной версии речь идет о том, что Китай может контролировать Северную Корею, а США могут нанести КНР ответный удар лишь в случае ядерного нападения на Японию. Есть и иные подобные комбинации.

Но возможно, все гораздо проще: Одзава просто не любит американцев, и к тому же, как генеральный секретарь Демократической партии Японии, которая уже в течение долгого времени находится в оппозиции, он нуждается в выдвижении альтернативной внешнеполитической линии, чтобы иметь возможность воспрепятствовать постоянно побеждающей и приходящей к власти Либерально-демократической партии (ЛДП).

10 декабря 2009 года у Одзавы появился шанс воплотить свои внешнеполитические взгляды в жизнь, когда он во главе делегации из 143 депутатов парламента от Демократической партии (ДП) и более чем 470 политических сторонников приехал в Пекин в рамках начавшейся программы обменов «Великая стена» между своей партией и КПК.

Конечно, форма здесь явно превалировала над содержанием: это был ритуальный визит данника без дани, но имела место и тридцатиминутная встреча Одзавы с Ху Цзинтао; неудивительно, что они договорились «усилить японо-китайские отношения и ускорить реализацию программы обменов по линии ДП-КПК». Такие темы, как Восточно-китайское море, продажа подделок под японские пельмени гиоза (имеющая место в китайском экспорте) и отсутствие транспарентности в китайском военном бюджете, тоже были упомянуты, но их явно не обсуждали серьезно.

Тем не менее, после встречи, или точнее говоря, аудиенции⁷⁹, Одзава заявил, что встреча внесла свой вклад в развитие дружественных отношений, что уже само по себе не мало. Он также сказал, что представился Ху как «командующий полевыми операциями Армии освобождения Японии». Освобождения от слишком долго правившей ЛДП? От бюрократии? От Соединенных Штатов? – От всех трех, вне всякого сомнения.

На второй день своего визита, 11 декабря, Одзава встретился с министром обороны и генералом НОАК Лян Гуанли (Liang Guanglie) для того, чтобы «выразить озабоченность продолжающимся наращиванием китайского военного потенциала». По словам Одзава, он следующим образом обратился к Ляну: «В Японии есть настроения, которые видят в модернизации Китая угрозу. Если Япония тоже начнет укреплять свои вооруженные силы, это не принесет положительных результатов для будущего Японии и Китая»⁸⁰. Лян, конечно, ответил, что НОАК «служит целям защиты большой территории и протяженных границ и не хочет никакой гегемонии».

Другими словами, пекинские заседания не имели ничего общего с переговорами, не было достигнуто никаких договоренностей, однако декабрь 2009 года стал низшей точкой в политических отношениях между Японией и США. Тем не менее, не претерпели изменений⁸¹ ни доминирующие бюрократические взгляды в японском МИД, ни единая точка зрения в министерстве обороны Японии, а именно: что Китай стал «главной угрозой» для безопасности Японии, что его относительный потенциал растет быстро и что поэтому Японии необходимо:

- a. усилить свою собственную военную мощь;
- b. беречь альянс с США, преодолев связанные с ним проблемы, начиная со споров вокруг базы американской морской пехоты Футенма на Окинаве;
- c. расширить базу для собственной безопасности посредством участия в создании системы коллективной безопасности в Восточной Азии.

Естественно, имели место серьезные трения между двумя министерствами и контролируемой Одзавой Демократической партией. Оба министерства подверглись атаке в рамках проводимой Одзавой кампании борьбы против бюрократии в верхних эшелонах власти, которую (бюрократию) он охарактеризовал как недемократичную и неэффективную. Он также обвинил МИД в излишней жесткости по отношению к Китаю и излишней мягкости по отношению к США.

Так как бюрократов в целом можно было обвинить в длительной стагнации Японии, антибюрократическая кампания была успешной, даже на фоне снижения влияния ДП и проблем с законом самого Одзавы, вызванными обычными для Японии причинами: махинациями с финансированием предвыборной кампании на грани обычной коррупции. Но это только усилило атаки ДП против МИД и уверенность партии в том, что политику следует формировать силами членов ДП, а не бюрократов. Даже масштабная смена ориентиров

внешней политики Японии с Соединенных Штатов на Китай в то время не казалась чем-то невозможным.

Высшей точкой японо-китайского сближения 2009 года стало совместное коммюнике для прессы, выпущенное в Пекине 20 марта 2009 года министром обороны Японии Хамада Ясуказу (который заявил, заступив на эту должность:

«Моя миссия состоит в том, чтобы сделать Японию более комфортабельной страной для жизни») и министром обороны Китая генералом Лян Гуанли⁸². Значимость этого документа в том, что в нем были обозначены совместные инициативы, которые выходят далеко за рамки обычных мер доверия между потенциальными противниками и представляют собой зачатки соглашения по коллективной безопасности и даже эмбриональный альянс.

Во время переговоров обе стороны согласились в том, что:

1. Будет продолжен обмен визитами высокого уровня. С целью нанесения ответного визита министр обороны КНР Лян Гуанли прибудет в Японию в 2009 году.
2. Стороны проведут консультации по вопросам обороны и безопасности в Токио в 2009 году.
3. Будет создан механизм японо-китайских консультаций по вопросам обороны и безопасности для укрепления связей между политическими департаментами военных ведомств, будет вестись обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким, как международные миротворческие операции, борьба со стихийными бедствиями и пиратством, усиление сотрудничества при обмене информацией, особенно по вопросу борьбы с пиратством в Аденском заливе и в водах Сомали.
4. Заместитель начальника генерального штаба сухопутных сил Японии и начальники генеральных штабов ВВС и ВМС посетят КНР в ответ на визиты китайского командующего ВВС и заместителя начальника генерального штаба, начиная с 2008 года...
5. Продолжатся консультации по скорейшему созданию механизма контактов по военно-морской линии между министерствами обороны Китая и Японии...
6. Продолжится обмен визитами военных кораблей на основе первого обмена визитами, состоявшегося в 2007 и 2008 гг. Китайские военные корабли посетят Японию в 2009 году.

7. Усилятся консультации на рабочем уровне для осуществления ежегодного плана военного сотрудничества. Обе стороны обсудят возможность диалога на уровне офицеров штабов всех родов войск, включая Объединенный штаб Японии.
8. Будет проработана возможность обмена визитами между военными округами Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и армиями сухопутных сил самообороны Японии.
9. Продолжится обмен офицерами на уровне рот и взводов в различных рамках.
10. Будет развита практика обменов между Университетом обороны Китая, Китайской академией военных наук и Национальным институтом оборонных исследований Японии, а также между китайскими университетами, такими как Научный и технологический университет НОАК и Военно-морская академия НОАК в Даляне, и Национальной оборонной академией Японии...

[В заключение] министр Хамада выразил благодарность министру Лян Гуанли.

Учитывая отсутствие заявления под присягой Хамады Ясуказу о том, что все это было сделано безо всякой искренности и только для того, чтобы ввести в заблуждение наивных китайцев, этот список совместных мер поражает и даже внушает тревогу.

Однако все очень резко изменилось после инцидента с рыболовством в районе островов Сенкаку 7 сентября 2010 года. В основном это произошло из-за непродуманной реакции Китая, которая включала в себя массовые погромы связанных с японцами магазинов, арест японских бизнесменов, находившихся с визитами в Китае, прекращение поставок редкоземельных металлов в Японию и в высшей степени провокационное (хотя и юридически необходимое) требование компенсации и принесения извинений, выдвинутое МИД КНР.

В целом все это привело к кристаллизации опасений относительно истинных намерений Китая и даже к построению логической цепочки: опасения видимо были усилены быстро растущей китайской мощью. Таким образом, воздействие этого инцидента на японское общественное мнение было не только очень сильным, но и, несомненно, структурным. После инцидента стало абсолютно ясно (хотя, видимо, не китайским лидерам), что новое отношение японцев к КНР будет носить длительный характер, и его уже не смогут изменить различного рода визиты доброй воли и пропагандистское наступление.

Немедленным результатом всего этого было то, что Одзава и его единомышленники замолчали, и уже не могли более сопротивляться министерствам иностранных дел и обороны, когда последние стали наращивать усилия по трем направлениям: укреплять национальные вооруженные силы, наращивать альянс с США и расширять рамки коллективной безопасности, придерживаясь в целом австралийского сценария. Poleмика вокруг базы Футенма не завершилась, как не завершился и спор относительно шумной базы ВВС морской пехоты США в самом центре города Гинован на Окинаве, но степень интенсивности спора была значительно снижена.

Однако даже до инцидента вокруг островов Сенкаку в поведении Китая прослеживалось учащение провокационных действий⁸³. Перехват китайских самолетов, приближавшихся к воздушному пространству Японии, является количественным подтверждением этого факта: между 2009 и 2010 годами количество вылетевших на перехват самолетов ВВС сил самообороны Японии выросло с 274 до 386. Из перехваченных самолетов 264 были российскими; это тридцатипроцентное увеличение отражает возрождение российской военной активности на Дальнем Востоке. Только 96 вторгнувшихся самолетов были китайскими, но это представляло собой рост на 250% с 2009 года. Самый близкий к японскому воздушному пространству перехват имел место, когда два китайских самолета-разведчика дальнего радиуса действия Y-8 подошли на 50 км к границам Японии. Интересно, что некоторые наблюдатели в Японии связали рост китайских нарушений воздушного пространства не с общим ростом активности НОАК в целом, а с приходом к власти в Японии правительства Демократической партии и с последовавшими трениями в японо-американских военных отношениях. Такая точка зрения была подтверждена анонимным источником в министерстве обороны Японии, который сказал: «...[Зарубежные государства], возможно, проверяют на прочность японский оборонный потенциал, так как считают японо-американские отношения ослабленными»⁸⁴.

Произошедшее 11 марта 2011 года «великое восточно-японское землетрясение» и более разрушительное цунами, естественно, оказали большое воздействие на все стороны жизни в Японии, и не в последнюю очередь на японские силы самообороны, хотя в этом случае воздействие было противоречивым. С одной стороны, имеет место перераспределение бюджетных средств, которое сделает невозможным значительное увеличение бюджета министерства обороны и сил самообороны, не позволяя серьезно относиться к растущим угрозам Японии. Но с другой стороны, финансирование вооруженных сил Японии может быть увеличено и уж точно не будет сокращено, подобно финансированию других министерств, причем не только потому, что инцидент с Китаем не забыли и не простили, но и потому, что вооруженные

силы оказались чуть ли не единственным инструментом государства в борьбе против природных бедствий, обрушившихся на Японию после землетрясения.

В самом деле, японские вооруженные силы весьма адекватно действовали при ликвидации последствий землетрясения: работали с состраданием (проводя похороны с почестями), героически (выливая из шлангов воду на реакторы, излучавшие опасный уровень радиации), эффективно (при распределении продовольствия), безропотно (в различных, часто опасных условиях) и масштабно, немедленно задействовав сухопутные силы, элементы ВМС и ВВС – 100 000 человек личного состава (40% от общей численности сил самообороны).

Для только что созданных сил самообороны Японии это было первой возможностью продемонстрировать обществу свои качества и некоторые из своих физических возможностей (премьер-министр Муаяма Томичи, первый и пока единственный социалист на этом посту, во время большого землетрясения Ханшин в январе 1995 года отказался привлекать силы самообороны, к которым он долгое время находился в оппозиции). Среди первых фотографий, ставших достоянием общественности после землетрясения, были снимки крепкого солдата, несущего на спине спасенную пожилую женщину, спасения вертолетами 81 рабочего доков, которых вынесло в море на обломке корабля, и спасения школьников, оказавшихся на крыше школы – за этими драматическими эпизодами последовали и многие другие.

Наверняка силы самообороны извлекут выгоды из такого сдвига в восприятии японского общественного мнения – это конечное освобождение японских военных от своего позора 1945 года.

Таким образом, даже в период большой бюджетной экономии, военный бюджет все равно может рано или поздно вырасти просто потому, что нынешние военные расходы незначительны в процентном отношении к ВВП (менее 1%) и к общим расходам правительства (3% в 2009 финансовом году).

Таким образом, Япония – это страна, которая сможет позволить себе резкий рост и даже удвоение военных расходов без нарушения общего фискального баланса.

Если на общество произведет впечатление польза авианосцев при ликвидации стихийных бедствий и при операциях по контролю над морскими пространствами, то, возможно, дело даже дойдет до нарушения торжественного табу на приобретение авианосцев, поскольку Китай в лице министра обороны генерала Лян Гуанли официально высказал такое намерение. 20 марта 2009 года в Пекине в ответ на вопрос министра обороны Японии Хамады

Ясуказу Лян Гуанли, по некоторым сведениям, сказал: «Китай должен разработать собственный авианосец, потому что он – единственная мировая держава, у которой пока нет авианосцев»⁸⁵, – тем самым он как бы отнес не имеющую авианосцев Японию к державам не столь высокого класса.

Природные катастрофы марта 2011 года и последовавшие за ними спасательные операции также радикально изменили восприятие общественным мнением американских войск в Японии и вокруг нее. История началась с того, что американские боевые корабли Ronald Reagan, Chancellorsville и Preble⁸⁶ очень быстро появились на месте наводнения – прямо напротив самой пострадавшей части берега префектуры Фукусима – чтобы служить в качестве базы снабжения для вертолетов спасателей, но этим дело не закончилось. Во-первых, все гражданские аэропорты поблизости от места катастрофы либо перестали работать, либо работали не на полную мощность, что резко увеличило эффективность американских авианосцев; во-вторых, Ronald Reagan также послужил в качестве базы для вертолетов ВМС сил самообороны Японии (S-70), наглядно демонстрируя очень высокую степень слаженности действий и взаимного доверия (иностранным вертолетам и даже вертолетам сухопутных сил и ВВС самих США никогда не разрешали приземляться на авианосцах ВМС США); в-третьих, моряки на борту авианосца Ronald Reagan и сопровождающих его кораблей за один час подверглись воздействию радиации в объеме месячной нормы; наконец, все эти стороны спасательной миссии ВМС США стали широко известны японскому обществу путем очень эффективной работы ВМС США со СМИ. Сами, будучи очень чувствительными к угрозе радиации, японцы в целом были очень тронуты репортажами об американских моряках, которых обеззараживали (холодной водой) во время их активного содействия японским спасательным вертолетам на палубе авианосца. Показательно, что весьма популярный японский мультимедийный блог по спасательной операции начал свою работу с нескольких видео об операциях авианосца Ronald Reagan⁸⁷.

Спор вокруг базы ВВС морской пехоты США Футенма, который и в самом деле является колоссальным раздражающим фактором для японского города Гинован (неудивительно, что мэром Гинована является коммунист), окружающего базу, был хорошим индикатором общего состояния американо-японских отношений в сфере безопасности в последние годы.

В 2009-м казалось, что вместо того, чтобы сталкиваться со сложностями в случае перевода базы ВВС морской пехоты в другую часть Окинавы или Японии, правительство Японии потребует полного вывода американских войск с Окинавы. Действительно, был установлен срок – 2014 год – для окончательного вывода войск. Сейчас, напротив, после изменения оценки как Китая,

так и военного присутствия США на Окинаве, два японских правительства просто тихо отказались от любых намерений по перемещению базы⁸⁸.

Именно в условиях этого радикально изменившегося контекста в апреле 2011 года состоялся визит очень активной главы правительства Австралии Джулии Джиллард, который дал прекрасную возможность подверженному сильной критике правительству Демократической партии Японии окончательно отказаться от своей былой внешнеполитической стратегии и вместо этого подтвердить приверженность альянсу между Японией и США, даже при условии одобрения дополнительного союза между Восточной Азией (за исключением Китая) и Австралией.

Так как две из трех контрмер, предлагаемых Министерством иностранных дел и министерством обороны Японии для сдерживания растущей мощи Китая, уже реализованы, то сейчас наращиванию и диверсификации японского военного потенциала не мешает уже ничто, кроме очень жесткой экономии бюджетных средств, сменившей в этой функции внутривнутриполитическую оппозицию, которая ранее была непреодолимым барьером.

Можно сомневаться в том, что целью китайской политики было укрепление альянса Японии с Соединенными Штатами или некое высвобождение военного потенциала Японии, но именно это случилось из-за ускоренного китайского военного роста.

Представление Накасонэ о процветающей Японии внутри китайской системы цзянься и даже внутри стратегического периметра Китая никогда не было реальной альтернативой для японской внешней политики, так как для этого требовалось не только тактичное, неизменно вежливое китайское правительство, но и мощный и в то же время никому не угрожающий Китай, а это – непреодолимое противоречие.

Что касается утверждения о том, что японский бизнес в интересах успешной торговли с Китаем предпочтет или даже будет стремиться к податливой политике по отношению к Китаю, ведь Китай, вне сомнения, большой и растущий рынок, то стоит признать, что слухи на этот счет циркулировали во время кризиса вокруг островов Сенкаку, произошедшего в сентябре 2010 года. Однако такой подход был бы возможен, только если во главе японских корпораций стояли бы бизнесмены китайского стиля, стремящиеся к максимизации прибыли любым путем, а не менеджеры с самурайской концепцией лояльного служения родине.

По сравнению с прочими японцами менеджеры больших, имеющих политическое значение японских корпораций гораздо более сосредоточены на между-

народной политике, намного больше знают об окружающем мире и, следовательно, сильнее осознают преимущественное значение тех самых вещей, на которые не обращают внимания в Китае, начиная с демократии и правового государства, которые в Японии, конечно, не боготворятся как в англосаксонском мире, но до сих пор ценятся в качестве лучшей из доступных иностранных (gaijin) альтернатив типично японским формам политической самоорганизации. Более того, из всех японцев именно те, кто занимается бизнесом в Китае, меньше всего склонны поддерживать политику японского подчинения власти КПК.

Есть и прямо противоположные мнения, но пока они высказывались преимущественно журналистами, а не бизнесменами. В последнее время говорят о том, что если до цунами японским компаниям для обслуживания китайского рынка было достаточно иметь сбыт в Китае, то после цунами, когда в Японии не все гладко с электроэнергией, они должны также производить в Китае компоненты для не китайских рынков. Показательно, что такие веские доводы обычно сопровождаются жалобами на несостоятельность японского правительства и деморализацию страны⁸⁹.

Но лишь добровольное подчинение доминированию Китая может прервать цепь ответных мер против растущей китайской мощи, которые логика стратегии неумолимо требует от Японии, а стратегия всегда сильнее политики со всеми ее сдерживающими факторами.

Ради того, чтобы произвести впечатление на своего австралийского союзника, стратегия, несомненно, потребует от Японии гораздо больших жертв, чем отказ от промысла китов в Антарктике: придется если не отказаться, то хотя бы отодвинуть на задний план столь дорогие японцам притязания на Хоппо Риодо, так называемые «северные территории», которые русские считают самыми южными островами Курильской гряды и оккупируют их после 1945 года.

Курильские острова нельзя считать мелкими клочками суши: острова Итуруп, Кунашир и Шикотан имеют в общей сложности площадь в 4,854 квадратных километра – 1,874 квадратных миль – не считая четвертый компонент Хоппо Риодо – скалу Хабомаи.

У японцев к тому же сильная юридическая позиция, как у других стран, которые были подвержены советским аннексиям после Второй мировой войны: Польши, Чехословакии и Румынии, хотя только последняя из трех перечисленных атаковала Советский Союз в альянсе с Германией, в то время как Япония (как и Польша) не нападали на СССР, а сами подверглись атаке с его стороны.

Однако в возникающей международной расстановке сил сильная юридическая позиция Японии не имеет никакого значения. Если Китай продолжит свой быстрый рост, как в экономическом, так и в военном отношении, и не только в ближайшие годы, но и в ближайшие десятилетия, сохранение независимости Японии будет во все большей мере зависеть от мощи антикитайской коалиции в целом. Конечно, решимость самой Японии и поддержка со стороны США будут иметь насущное значение, но союз с Российской Федерацией будет весьма важным и может, в самом деле, стать решающим фактором, как сам по себе, так и из-за сопредельных государств: Монголии, Казахстана, Узбекистана, Киргизстана, Таджикистана и Туркменистана, на которые Россия продолжает оказывать существенное влияние. В качестве гаранта их безопасности от нависающего Китая и защитника от фанатиков из исламских стран к югу от них Российская Федерация вряд ли утратит свою гегемонию в странах Центральной Азии. А это умножает стратегическую важность России, особенно в смысле геоэкономики.

Если в качестве ответной меры на агрессию Китая или на кровавое подавление беспорядков внутри КНР Соединенные Штаты и их сторонники прервут торговые отношения с Китаем – более чем возможная альтернатива военной эскалации, которую сдерживает наличие ядерного оружия – Китай все равно сможет закупать нужное ему топливо и сырье у Российской Федерации и у ее союзников, если они сами не станут частью антикитайской коалиции.

Каким бы немыслимым ни казалось сегодня прерывание торговых отношений с Китаем, оно сразу же встанет на повестку дня в случае нападения Китая на Тайвань, или масштабных репрессий против тибетцев, уйгуров или монголов (или бунтующих студентов), причем вне зависимости от любых геоэкономических реакций. Торговля оружием между США, Западной Европой и Китаем была прервана кровавым подавлением демонстраций студентов на площади Тяньаньмэнь в 1989 году и с тех пор она не была возобновлена.

Если потребности Китая в сырье будут удовлетворять Россия и ее вассалы, Китай не станет уязвимым из-за прекращения торговли с ним по морю, и таким образом будет ослаблен самый сильный инструмент против агрессивного Китая, который мог бы быть применен без угрозы сползания ко всеобщей войне, которая может стать ядерной.

Напротив, если бы Российская Федерация и ее союзники участвовали бы в торговых санкциях против Китая, присоединившись к США, Японии, Австралии и другим государствам, то Китай был бы реально окружен сильной коалицией, которую он не смог бы запугать – коалицией, которой потребовались бы не солдаты, а всего лишь таможенные чиновники для оказания немедленного и мощного давления на китайское правительство.

Уже предвидение такого развития событий должно бы заставить Китай отказаться от любых неверных мер на международной арене не в меньшей мере, чем прямая угроза силой. Но если этого все-таки не случится, и Китай не откажется от своего неверного поведения, то торговые санкции могут все же заставить его образумиться – при условии, что в них будет участвовать Российская Федерация со своими хорошо обеспеченными ресурсами союзниками.

Таким образом, если возникнет мир, разделенный на Китай и его противников, то Москва окажется в роли решающего стратегического игрока, и ее власти получат в свои руки рычаги воздействия, которые они наверняка используют. Это очень нежелательный исход, но все же лучший, чем Средняя Азия под властью Китая.

Конечно, это вызовет массу трудностей для Соединенных Штатов и их союзников, особенно если российское правительство останется таким же авторитарным, как сегодня. Такое положение сильно осложнит возможное сотрудничество, так как авторитарные российские лидеры, тем не менее, будут стремиться поддерживать распространенное в народе недоверие к окружающему миру, включая новых стратегических союзников России (сталинский режим делал это на протяжении всей Второй мировой войны без особых сложностей или последствий для своей власти⁹⁰).

С другой стороны, сотрудничество с Россией и Монголией не должно принести Японии много проблем, поскольку, исключительно экономическое по своему содержанию, оно будет ограничиваться коммерчески выгодными проектами – а для хороших отношений между правительствами ничего больше и не нужно (если учесть, что самые ярые японские правые настроены не только антироссийски, но и антикитайски, японскому правительству будет не сложно преодолеть их оппозицию в тот момент, когда мощь Китая растет, а мощь России в лучшем случае стагнирует). Этого будет достаточно, чтобы открыть путь для японских инвестиций и проектов японского менеджмента в Российской Федерации, и особенно в Дальневосточном федеральном округе. Он простирается по необъятной Восточной Сибири до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов, но все его население составляет всего 6 миллионов человек – меньше, чем живет в одном соседнем китайском городе Харбин. Все население Монголии – три миллиона человек – меньше, чем население города Баотоу в автономном китайском районе Внутренняя Монголия (Nei Menggu). Понятно, что правительства России и Монголии обеспокоены не только будущими последствиями демографического дисбаланса с Китаем, но и растущим уровнем китайской экономической активности на своих территориях.

Таким образом, с точки зрения обоих правительств было бы предпочтительным, если бы место китайских инвесторов, менеджеров и техников заняли какие-нибудь другие иностранцы из менее опасных стран, расположенных подальше – все что угодно, чтобы хотя бы немного избавиться от китайского присутствия и замедлить его рост.

В то время как японцев уважают в Монголии, но не очень-то любят в России, они в любом случае подходят на роль желанных иностранных инвесторов и предпринимателей, и у них есть все необходимое: организация, технология, рынок сбыта и капитал.

Капитал здесь действительно занимает последнее по значению место, поскольку больше всего как Монголии, так и российскому Дальнему Востоку необходима растущая экономическая активность, а не просто капитал. В Монголии экономическая активность Японии может повысить квалификацию местной рабочей силы, в то время как на российском Дальнем Востоке она бы помогла удержать местное население. Если человек получит работу в японской компании, то он уже вряд ли уедет в более комфортабельные для жизни западные районы России. В дополнение к низкой рождаемости, причиной депопуляции региона является высокая внутренняя миграция, особенно в московский регион.

Япония может многое сделать для того, чтобы вовлечь Россию в антикитайскую коалицию – на самом деле даже больше, чем любая другая страна.

Конечно, верно то, что русские и японцы не особенно любят друг друга, но также справедливо и то, что японские компании, которые вели дела с Россией, а до этого с Советским Союзом, периодически подавали не очень хорошие примеры, включая одностороннее и нечестное расторжение договоров. Но если японское правительство усвоит стратегический императив, то оно отодвинет в сторону вопрос о «северных территориях», будет воздерживаться от бессмысленных жалоб⁹¹, и прекратит отговаривать японский бизнес от экономической активности на российском Дальнем Востоке. Это уже само по себе перекроет дорогу симметричной активности китайцев в этом же регионе, служа одновременно импульсом к участию России в антикитайской коалиции.

15. Непокорный Вьетнам. Новый американский союзник?

Покорная готовность согласиться на китайское доминирование, по меньшей мере, не принадлежит к чертам вьетнамского национального характера, не-

смотря на географическую близость Вьетнама к Китаю и явное неравенство сил. Более того, кажущееся сходство в идеологии и внутривластной жизни между вьетнамской коммунистической партией (Dang Cong san Viet Nam, VCP, КПВ) и компартией Китая (ССР, КПК), а также и их совместное наследие в виде ленинских методов, сталинской технологии власти и засилья тайной полиции, лишь усиливают решимость лидеров КПВ сопротивляться намерениям КПК в отношении Вьетнама.

Решительная победа коммунистического Вьетнама над Соединенными Штатами и их местными союзниками, помощниками и союзными войсками из других стран в 1975 году также усиливает решимость правительства Вьетнама твердо противостоять китайской мощи и, по сути, игнорировать двусторонний баланс сил.

Тем не менее, отрицание баланса сил по соображениям его неприятия, гордости или твердой решимости отказываться от уступок, которые диктует реальность – все это верный рецепт для еще больших потерь, унижений и даже возможного уничтожения в будущем⁹².

Но то, что сейчас делает руководство КПВ – отнюдь не ошибка, а наследие длительной борьбы, увенчавшейся победой в 1975 году, это дипломатическая, военная и целостная стратегическая культура, которую характеризует трезвый реализм и неприятие военного авантюризма или нереальных проектов в том, что касается региональной и мировой политики.

Тем самым, правительство Вьетнама отказалось склониться перед гораздо большей мощью Китая только потому, что оно было в состоянии отрицать его превосходство, либо опираясь на собственный военный потенциал, либо ища союзников, которые были бы готовы помочь Вьетнаму сдержать Китай.

Именно таким образом Вьетнам выжил во время китайского вторжения в феврале 1979 года – или скорее ответного вторжения, так как в январе того же года примерно 150 000 вьетнамских военнослужащих вторглись, разгромили и оккупировали территорию союзной Китаю Камбоджи или Кампучии, которой управляли «красные кхмеры», подвергшие свой собственный народ геноциду.

Руководствуясь и другими мотивами, но все же, в первую очередь, стремясь заставить Вьетнам вывести войска из Кампучии, 17 февраля 1979 года НОАК атаковала на двадцати шести участках 480-мильной вьетнамско-китайской границы, задействовав от 200 до 250 тысяч солдат и офицеров⁹³. На оперативном уровне цель мероприятия, по всей видимости, состояла в том, чтобы измотать вьетнамские войска, заставив их защищать близко расположенные

к границе центры своих провинций: Лаокай, Каобанг, Донгданг и Лонгшон. Но не были достигнуты ни стратегические, ни оперативные цели: вьетнамцы не ушли из Камбоджи и не бросили свои полевые войска против ударных сил НОАК. Вместо этого они смогли сдержать китайцев силами своих пограничных частей (примерно 100 000 человек), которые применили тактику эластичной беспокоящей обороны, дополненной целым рядом рейдов на территорию Китая, для ударов по линиям снабжения, складам с боеприпасами и топливом НОАК.

Таким образом, в то время как китайцы на отдельных участках продвинулись на глубину от 30 до 40 километров, тем самым заняв несколько провинциальных центров, их наступление все-таки было медленным: потребовалось 17 дней боев, а их потери – высокими: по общеизвестным данным, было убито, ранено и взято в плен 20 000 китайцев⁹⁴. Начав войну 17 февраля, НОАК отошла на исходные позиции 16 марта, не добившись реализации своей цели – «преподать Вьетнаму урок» или заставить его вывести войска из Кампучии.

Умелое применение военной силы, сохранение больших оперативных резервов и в целом численности вьетнамских полевых войск (можно было даже перебросить части из Камбоджи), способных остановить новые волны китайского наступления – были необходимыми, но недостаточными условиями для спасения Вьетнама от пятой эпохи китайского доминирования⁹⁵.

Если бы у Вьетнама не было союзника в лице какой-нибудь великой державы, способной удержать Китай от полномасштабной войны, то ему пришлось бы столкнуться с новыми крупномасштабными китайскими действиями, которые оказались бы в конечном итоге успешными.

Но у Вьетнама как раз был этот необходимый ему союз: «Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР» от ноября 1978 года, который по иронии судьбы, видимо, был навязан Вьетнаму как предварительное условие советской военной помощи (что явно усилило враждебность Китая по отношению к Вьетнаму⁹⁶) и предоставил СССР военные базы в Камрани и Дананге для советского флота и стратегической авиации.

Советская военная помощь (по некоторым оценкам – US \$ 800 миллионов в 1978 году) помогла Вьетнаму совершить операцию в Камбодже, а после нападения Китая она возросла до ожидаемой суммы в US \$ 1,4 миллиарда, включая замену потерянного в боях против НОАК снаряжения.

Но особенно важно то, что договор и военная помощь в конечном итоге поставили бы СССР непосредственно прийти на выручку Вьетнаму, если бы это было необходимо – путем удара по Китаю с севера, так как с точки зрения

логистики было бы очень трудно отправить советские сухопутные силы прямо во Вьетнам. В 1979 году обе стороны мобилизовали свои силы на советско-китайской границе, причем несколько советских бронетанковых дивизий нацелились прямо на Пекин.

В дополнение ко всему можно предположить, что НОАК не стала пытаться бомбардировать Вьетнам с воздуха или применять тактическую авиацию для поддержки своих наземных сил не только потому, что у Вьетнама была сильная и закаленная в боях ПВО, но и потому, что в ответ в бой вступили бы советские реактивные истребители, превосходящие по своим качествам китайские самолеты – и необязательно с территории Вьетнама.

Обстоятельства словно специально объединились для того, чтобы не допустить сближения Китая и Вьетнама после конфликта 1979 года: этническая антипатия, которая так жестко проявлялась в преследовании вьетнамцев в КНР или выдворении из Вьетнама этнических китайцев; историческая вражда из-за столь долгих веков китайского доминирования над Вьетнамом; новая вражда из-за только что произошедшей пограничной войны; спор из-за регионального влияния в Индокитае, начавшийся в Камбодже; территориальные споры на многих участках границы; и взаимные претензии на участки морской акватории.

Но был один момент, который объединял Вьетнам и Китай, особенно после 1989 года: и КПВ, и КПК угрожал коллапс социализма в Европе, делегитимизация ленинского учения как такового и быстрое исчезновение всех этих былых институтов общества и образа жизни в странах социализма. В случае с Китаем последствия были такими серьезными, что пришлось применить оружие в самом центре Пекина.

В то время, пока Китай еще не вступил на свой нынешний путь ускоренного военного роста, и когда соперничество вокруг Камбоджи потеряло былую остроту, общая идеологическая угроза КПВ и КПК стала, по-видимому, движущим фактором «нормализации» отношений, о которой сначала велись секретные переговоры, а потом объявили генеральный секретарь КПК и председатель центральной военной комиссии КПК Цзян Цземин, а также генеральный секретарь КПВ До Муай (Do Muoi)⁹⁷.

Это, в свою очередь, привело к началу переговоров о делимитации границы, которые первоначально исходили из принципов и прецедентов прошлого (соглашения между Францией и Китаем 1887 и 1895 гг.⁹⁸). Переговоры эти начались в 1993 году.

Но прошло еще шесть лет пока, наконец, обе стороны не подписали договор о границе 1999 года, так как возникло много препятствий, некоторые из них сохраняют свою актуальность и по сей день.

Одним из таких препятствий было желание китайской стороны сконцентрироваться на делимитации границы на суше и в Тонкинском заливе, чтобы как можно скорее сделать возможным трансграничную торговлю и инвестиции (тогда приграничная торговля была любимым инструментом для ликвидации бедности на отдаленной периферии по всему Китаю). Напротив, вьетнамская сторона хотела достичь соглашения и по двум другим спорам – о Парасельских островах (часть из которых была насильственно захвачена Китаем после сражения с южновьетнамскими ВМС в 1974 году) и об островах Спратли.

Китайцы тогда выиграли этот спор, но в результате споры на море между Китаем и Вьетнамом не разрешены и по сей день. Другим препятствием было нежелание обеих сторон вести переговоры так, как им приказывало политическое руководство их стран. Доброй воли не наблюдалось. Более того, НО-АК, по некоторым сообщениям, вообще отказалась от участия в делимитации границы⁹⁹.

Наконец, в июле 1997 года Цзян Цземин и До Моай снова встретились (по истечении шести лет) и пришли к согласию дать своим переговорщикам указание завершить работу до 31 декабря 1999 года. Соглашение, как и приказано, было достигнуто, хотя и не ранее 30 декабря, но в целом на основе компромисса «50 на 50». Однако то было только началом эпической борьбы за непосредственное размещение 1533 пограничных маркерных маяков. На размещение всего шести из них ушло три года.

Наконец, 23 февраля 1999 года, спустя десять лет после подписания соглашения о делимитации, был установлен самый последний пограничный маяк номер 1117 – не случайно, что это произошло именно в Пинсяне, китайском автономном регионе Гуанси-Чжуань, напротив вьетнамского Лангшона, где бои в 1979 году были особенно интенсивными и опустошающими¹⁰⁰. Заявление спикера МИД на церемонии, проведенной государственным советником Дай Бингуо и заместителем премьер-министра Вьетнама Фам Зиа Кхиемом было кратким: «Обе стороны разрешили сложные вопросы в открытой и дружественной атмосфере». Споры на море остались неразрешенными и неупомянутыми.

Как было отмечено выше, проблема Китая для его соседей состоит не только в грубых заявлениях или наступательных действиях, с которыми они сталкиваются; не ограничена эта проблема и масштабом нерешенных территориальных споров, скорее она вытекает из очень быстрого военного роста Китая

как такового, чей огромный потенциал дестабилизирует баланс сил повсюду. Будущая мощь не подлежит дисконтированию, как и будущие деньги, но как раз наоборот, как уже было сказано. Таким образом, угроза независимости соседей Китая проистекает из военного усиления последнего.

Это в равной мере относится и к Вьетнаму – и даже более того, поскольку как народная, так и официальная интерпретации того периода, когда Вьетнам был подчинен Китаю, лишены той благосклонности, которую можно наблюдать у некоторых японцев и гораздо большего числа корейцев. Напротив, национальная идентичность вьетнамцев сформировалась путем сопротивления вторжениям из Китая, и именно поэтому, как только в 1975 году нарочито интернационалистская КПВ установила контроль над Южным Вьетнамом, она немедленно выдворила из страны столько хуа (этнические китайцы во Вьетнаме), сколько возможно, причем многих просто депортировали через границу или отправили морем в утлых лодках. Наверняка можно сказать лишь то, что преобладающее отношение вьетнамцев к китайцам и их стране несовместимо с участием Вьетнама в системе цзянся под руководством Китая в любой, даже самой мягкой форме. Так или иначе, даже если отбросить расхождение культур, Парасельские острова и острова Спратли не являются недостаточно значительной проблемой для провокации конфликта, имеющего место в случае мизерных островков Докдо/Такесима. Они состоят из сотен островов, скал и рифов, с экономической зоной между ними в размере до 648 000 квадратных миль.

Одним из инструментов сопротивления по-прежнему остается мощь вьетнамских вооруженных сил, которые страдают от устаревшего вооружения, но никак не от отсутствия боевого духа и недостаточной квалификации солдат и офицеров. Но сейчас, как и в 1979 году, Вьетнаму нужна великая держава, которая способна остановить Китай, если дело до этого дойдет, и Вьетнам в этой связи вроде бы остановил свой выбор на Соединенных Штатах и, возможно, дополнительно на Индии и Японии.

Будучи полностью готовыми взять на себя инициативу – образование коалиций (естественная реакция на усиление Китая, требующая, однако, практических шагов) – вьетнамцы в 2010 году использовали свое председательство в АСЕАН для «интернационализации» морских споров путем формирования форума для многосторонних переговоров. Их целью видимо было заставить Китай вести переговоры в многостороннем формате.

Первоначально американская позиция состояла в пассивном нейтралитете в споре об островах Спратли по отношению ко всем заинтересованным сторонам: Брунею, Китаю, Индонезии, Малайзии, Филиппинам и Тайваню, а также Вьетнаму. Такая позиция США сохранялась даже на начало 2010 года, так

что вьетнамцам пришлось ограничиться подтверждением со стороны США их же собственных принципов транспарентности (недопущение более никаких неожиданных размещений на рифах и скалах каких-либо сооружений), верховенства права и свободы морской навигации.

Но вьетнамская дипломатия при поддержке своих американских друзей, начиная с сенатора Джона Маккейна III, бывшего в плену во Вьетнаме, а также Австралии, смогла изменить политику США – если только не предположить, что это изменение было самостоятельным следствием военного усиления Китая. В июле 2010 года на встрече министров иностранных дел стран АСЕАН в Ханое госсекретарь США Хилари Клинтон подтвердила то, что свобода мореплавания является «национальным интересом» США, и заявила, что США выступают против использования силы или угрозы силой со стороны любого участника территориального спора (хотя это и не было какой-то новой позицией), но потом она провозгласила, что «легитимные права на морское пространство в Южно-Китайском море должны быть обоснованы исключительно легитимными правами на побережье», а это – новая позиция, которая подрывает притязания Китая на весь этот морской район и в то же время полностью соответствует позиции Вьетнама.

Последовал немедленный и (по некоторым данным) возмущенный ответ от министра иностранных дел КНР Ян Цзечи, который обрушился на всех тех, кто поднял этот вопрос на встрече АСЕАН, считая весь этот район не более чем суверенной территорией Китая, как любую иную часть провинции Хайнань. «Все это наше и обсуждать здесь нечего» – таков был «левый», националистический выпад со стороны министра иностранных дел, которого многие националисты в Китае, очевидно, вправе считать интернационалистом: он много лет жил в Лондоне и Вашингтоне.

По истечении менее чем пяти месяцев, в декабре 2010 года на встрече стран АСЕАН в Индонезии, китайская делегация согласилась вести переговоры именно в таком многостороннем формате, который предложили Вьетнам и США (это была вынужденная мера ради выработки многостороннего Кодекса поведения стран в территориальных спорах).

Существует множество различных причин, которые могут объяснить изменение китайской позиции. Одним из возможных объяснений этого отступления является то, что оно было частью более общего отступления после периода пост-2008 года с его надменными эскападами и было совершено по приказу высшего эшелона власти КПК, как то разъяснил и оправдал Дай Бингуо (Dai Bingguo) в своей длинной статье «Приверженность пути мирного развития» (Jianchi zou heping fazhan zhi lu), вышедшей 6 декабря 2010 года как раз накануне встречи стран АСЕАН.

Другая возможная причина состоит в том, что притязания Китая не могут получить поддержки в мире просто потому, что острова Спратли находятся слишком далеко от территории Китая и гораздо ближе к берегам всех других участников спора (за исключением, как ни странно, Тайваня). Сама географическая карта враждебна китайским притязаниям, в то время как ссылки на посещения этих островов отдельными безымянными китайскими рыбаками, имевшие место в далеком прошлом, могут лишь вызвать улыбку.

Третье возможное объяснение состоит в том, что первоначальная бескомпромиссная китайская позиция сделала сам спор очень эффективным средством формирования антикитайской коалиции: в действительности, она привлекла на сторону противников Китая даже Филиппины, обычно не имеющие никакой твердой линии, а также как правило несговорчивое правительство Малайзии.

Четвертое возможное объяснение состоит в том, что госсекретарь Клинтон обладает даром убеждения или в том, что этим даром обладает министр обороны США Гейтс. Во всяком случае, на встрече министров обороны АСЕАН в октябре 2010 года в Ханое Гейтс говорил примерно в том же духе, что и Клинтон. Формат этой встречи, «ADMM+8», был провозглашен после согласия Вьетнама и Сингапура на соответствующую инициативу в ходе встречи 10-11 мая в Ханое в рамках предыдущего формата «ADMM+6» членов АСЕАН и партнеров организации (Китай, Индия, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Южная Корея), с двумя дополнениями – Соединенные Штаты и Российская Федерация.

Официально провозглашенная цель включения в этот механизм двух великих держав состояла в «повышении легитимности АСЕАН как блока регионального сотрудничества и подключении США и России к вопросам взаимодействия в Восточной Азии». Но реальный результат, конечно, состоял в ослаблении веса Китая на этом форуме, где до тех пор он был единственной великой державой – и это еще одно неизбежное последствие реакции других стран на военный рост КНР. Возможно, вьетнамцы приветствовали этот форум еще и потому, что в будущем из него можно будет вычистить одну страну – Китай – и этот механизм станет региональным советом безопасности.

Но самое вероятное объяснение состоит в том, что Вьетнам является одним из самых главных претендентов на острова Спратли, и что бескомпромиссная позиция Китая в этом вопросе привела к вьетнамско-американскому сближению, которое началось как дипломатическое партнерство и стало преобразовываться в осторожный военный альянс, причем в такой, который может стать очень эффективным.

Это было отнюдь не естественным продолжением установленных в 1995 году дипломатических отношений между США и Вьетнамом. Именно из-за китайских демаршей, которые, возможно, были даже не скоординированы на уровне Пекина, Вьетнам двинулся к более тесным отношениям с США. Достаточно лишь освежить в памяти неполный перечень инцидентов на море последнего времени¹⁰¹:

2 февраля 2010 года китайский патрульный катер остановил вьетнамское рыболовное судно, высадил на него команду, которая конфисковала улов, навигационные приборы, запчасти и инструменты.

22 марта 2010 года китайские патрульные суда задержали вьетнамское рыболовное судно и его экипаж из 12 человек, который находился на стоянке недалеко от Древесных островов в Парасельском архипелаге. Китайские власти потребовали заплатить штраф в размере US\$ 10 000. Это вызвало протест Вьетнама от 30 марта того же года.

13 апреля 2010 года китайский морской патруль захватил еще одно вьетнамское рыболовное судно и его экипаж из 9 человек недалеко от острова Да Лой (вблизи Парасельского архипелага) и потребовал уплатить штраф в размере US\$ 10 000.

4 мая 2010 года сотрудники китайского рыболовного ведомства (Chinese Fishery Administration) захватили вьетнамское рыболовное судно в Парасельском архипелаге и потребовали уплатить штраф в размере US\$ 8 000.

В июне Китай захватил три вьетнамских рыболовных судна и арестовал их экипажи в водах восточнее Тонкинского залива и недалеко от Парасельских островов.

11 сентября 2010 года Китай захватил вьетнамский рыболовецкий траулер и арестовал его экипаж в составе 9 человек в водах поблизости от Парасельского архипелага. Через четыре дня Китай официально уведомил Вьетнам, что судно арестовано, и его экипаж задержан за нарушение китайских территориальных вод.

Вьетнамские рыбаки не похожи на своих коллег с Аляски, не сходящих с телеэкранов: для них US\$ 10 000 – это огромная сумма. Положение не улучшилось и в 2011 году.

13 мая МИД Вьетнама заявил протест против одностороннего китайского заявления о запрете рыбной ловли в Парасельском архипелаге (Hoang Sa) с полудня 16 мая до полудня 1 августа. Причем это заявление было сделано на сайте правительства провинции Хайнань (КНР) 11 мая, то есть буквально пе-

ред вступлением запрета в силу. Это заставило спикера МИД Вьетнама Нгуэн Фом Нга (Nguyen Phuong Nga) сделать категорическое заявление¹⁰²:

Вьетнам имеет непререкаемый суверенитет над архипелагами Хоан Са (Парасельскими) и Труонг Са (Truong Sa; Спратли), а также суверенитет и юрисдикцию над их исключительной экономической зоной и континентальным шельфом. ...Односторонний китайский (sic!) запрет на рыболовство в Восточном море, является нарушением вьетнамского суверенитета над архипелагом Хоан Са.

В политическом отношении Вьетнам и США должны были бы быть принципиально разделены сохраняющейся диктатурой КПВ, при которой происходит постоянное и хроническое нарушение прав человека, а также оформленным на политическом уровне отказом от предоставления населению основных демократических политических прав.

Напротив, у правительства КПВ во Вьетнаме есть прекрасные причины для того, чтобы стремиться к хорошим отношениям с правительством КПК в Китае, и наоборот. Не будем игнорировать реальность и признавать коммунистическими партиями такие режимы, как одна из семейных диктатур Латинской Америки или шаманский культ другой семьи в Корее. Хотя, следует признать, что солидарность между правящими коммунистическими партиями стала очень редким явлением, но она все-таки должна проявляться между КПК и КПВ. Кроме того, у Вьетнама есть прекрасные экономические причины для сотрудничества с Китаем.

И в самом деле, тщательное квалифицированное изучение китайско-вьетнамских отношений позволяет выявить следующие тенденции¹⁰³:

Существует явный парадокс во вьетнамско-китайских отношениях. С одной стороны, между этими странами в последние годы отмечены сильнейшие трения по территориальным спорам в Южно-Китайском море. Среди большей части вьетнамской политической элиты распространены решительные антикитайские националистические настроения.

Военный комплекс Вьетнама наращивает усилия по оснащению армии новейшей техникой, что выразилось в больших закупках вооружения, например, в приобретении дополнительно многоцелевых истребителей Су-30 и дизельных подводных лодок класса Kilo по натовской классификации.

С другой стороны, высокопоставленные члены партийного, военного и государственного руководства Вьетнама и Китая продолжают обмениваться визитами и экспрессивно говорят о двусторонних отношениях (далее автор описывает систему внутрипартийных и межгосударственных отношений).

Но всегда и везде стратегия сильнее политики (и сильнее торговли), поэтому результатом, продиктованным именно логикой стратегии, в данном случае является гораздо более неестественный в политическом отношении альянс.

Что может означать вьетнамско-американский альянс на практике, было продемонстрировано на примере «Инициативы по нижнему Меконгу» (LMI), состоящей из США, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Таиланда (слово «нижний» удачно исключает Китай и его вассала Мьянму)¹⁰⁴. Это собрание посвящено воде и рыбе и тому подобному, но интересно, что инициаторами проекта стали министры иностранных дел этих стран (поэтому их встреча прошла как раз в ходе визита Клинтон в Ханой в октябре 2010 года). Повестка дня Инициативы по нижнему Меконгу включает в себя все: от изменения климата, инфекционных болезней рыб, политики в сфере образования до обмена информацией по вопросам, касающимся управления водных ресурсов (Комиссия по Меконгу и Комиссия по Миссисипи договорились наладить «речное партнерство» по обмену практическими навыками и экспертными данными). Кроме того, в повестку дня добавлен маленький пункт, который, однако, придает импульс всему проекту: LMI должна наблюдать и координировать реакцию на строительство плотин – в особенности, хотя и не исключительно, тех, что сооружаются в Китае. Такое окружение Китая является очень осторожным (осторожность ему придает формулировка «не исключительно»), но, тем не менее, – окружением.

К чему может привести вьетнамско-американский альянс, было в более драматичной форме продемонстрировано в ходе визита в августе 2010 года американской ударной группы авианосца George Washington (CVN 73), включавшей такие корабли, как Curtis Wilbur (DDG 54), Chung-Hoon (DDG 93) и McCampbell (DDG 85), а также прекрасно названный эсминец McCain (DDG 56).

Это событие было отменно описано в двух различных текстах, один из которых появился на свет в офисе по связям с общественностью ВМС США, а другой – из-под пера искусных пропагандистов КПК¹⁰⁵. Версия ВМС США была исключительно фактологичной, высказанной как бы сквозь зубы:

Продолжавшаяся неделю серия совместных действий с народными военноморскими силами Вьетнама... касалась в основном мер небоевой подготовки, таких как устранение ущерба, поиск и спасение на море, и обмен навыками в таких областях, как приготовление пищи, ремонт и уход за кораблями... Были проведены мероприятия по укреплению дружбы, такие как медицинское и стоматологическое обслуживание... и американско-вьетнамские спортивные мероприятия.

Естественно, никто не может чувствовать угрозу от вьетнамско-американских кулинарных, медицинских или спортивных проектов. Конечно, не обошли вниманием и вьетнамских руководителей:

Группа военных и гражданских руководителей прилетела из города Дананга (Ad Nang) на авианосец George Washington (CVN 73) для встречи с руководством ВМС и для наблюдения за операциями ударной группы в Южно-Китайском море.

Эти операции вряд ли были стоматологическими или кулинарными: ведь тогда бы не было никакой необходимости прилетать на эсминец John S. McCain, который стоял на якоре в Дананге начиная с 10 августа. Абсолютно без особой надобности пресс-релиз ВМС США разъяснял, что «корабль был назван в честь отца сенатора Джона Маккейна, уважаемой во Вьетнаме личности, который был в плену в Ханое во время войны во Вьетнаме». После еще одного упоминания о «медицинских, стоматологических и инженерных гражданских проектах ... [и даже] о мероприятиях по помощи местным властям», пресс-релиз процитировал контр-адмирала Рона Хортон, командира группы 73, относительно целей всех этих мероприятий: «Такие обмены как этот, жизненно необходимы для флотов наших стран с целью установления большего взаимопонимания между ними и для выстраивания важных отношений на будущее» (очевидно, что не для лечения зубов и обмена кулинарными рецептами).

Далее пресс-релиз напомнил о предыдущих визитах американских кораблей во Вьетнам: двух визитах в 2008 году, первом прилете в 2009 году на корабль John C. Stennis (CVN 74), также о визите в 2009 году флагманского корабля 7-го флота ВМС США Blue Ridge (LACK 19) и эсминца Lassen (DDG 82), которым не случайно командовал американец вьетнамского происхождения, коммодор Х. Б. Ли (который естественно привлек большое внимание СМИ), и визит в первой половине 2010 года госпитального судна Мерсу (T-AN-19).

Еще более важно то, что с учетом очень больших логистических сложностей для кораблей ВМС США, оперирующих вдали от родных берегов, пресс-релиз упоминает о предложении со стороны Вьетнама более серьезной поддержки, которую может дать порт базирования:

Корабль по поиску и спасению на море Safeguard (T-ARS 50) и сухогруз по перевозке боеприпасов Richard E. Byrd (T-AKE 4) были отремонтированы на верфи портов Камрань, Хонкой, Ванфон.

Вторым документом по этому событию является опубликованная 13 августа 2010 года статья «Соединенным Штатам и Вьетнаму не следует вести себя

бесцеремонно в Южно-Китайском море», хорошо написанная известным комментатором Као Вэймином (Kao Weimin) для выходящей в Гонконге на китайском языке газеты Ta Kung Pao¹⁰⁶. Основанная в 1902 году для пропаганды демократии в императорском Китае, эта газета после 1949 года, подпав под власть КПК, пропагандирует иные ценности, что и демонстрирует статья Као Вэймина:

После заявления Хилари (sic!) во Вьетнаме, в июле, о том, что «у Соединенных Штатов есть национальные интересы в Южно-Китайском море», авианосец США George Washington и эсминец John S. McCain... проведут «беспрецедентные» совместные военно-морские маневры в Южно-Китайском море. ... Вопрос о том, «как вести себя со все более уверенным в себе Китаем» является исходным аргументом для американских СМИ и академических кругов. Некоторые говорят, что ...Соединенным Штатам срочно нужна «новая китайская стратегия», [начиная] ...с политики в Южно-Китайском море.

В эпоху, предшествовавшую своему подъему, КНР могла бы опереться на автоматическую поддержку стран, которых все еще называют «неприсоединившимися» (хотя это и анахронизм). Малайзия, слишком вестернизированная за исключением своих исламских правителей, призывается на помощь в статье, в то время как другие страны скромно не называются:

Однако Малайзия и другие страны предупредили США: «Вы не должны вмешиваться в дела в Южно-Китайском море, вы лишь привнесете туда сложности...».

10 августа американский эсминец John S. McCain пришвартовался в порту Дананг в центральном Вьетнаме... Новости от пресс-службы 7-го флота США сильно подбавили пороха в этот визит: «Эсминец John S. McCain и авианосец George Washington будут проводить совместные «беспрецедентные» военно-морские маневры с ВМС Вьетнама».

Не сложно заметить ...что Вьетнам специально использует эти учения для того, чтобы неуклюже ворваться (sic!) в нынешнюю сложную ситуацию в Южно-Китайском море, в противном случае он должен был бы послать сильный сигнал дружбы Китаю для сбалансирования эффекта от маневров.

Хорошая идея – даже находясь под угрозой и стремясь заручиться протекцией США против нее, правительство Вьетнама оказывается должно все равно подтверждать несуществующую дружбу с Китаем, потому что Китай есть Китай, и он заслуживает учтвого почтения в любом случае. Однако автор статьи далее предлагает совершенно реалистическое объяснение новой вьет-

намско-китайской дружбы, которое он, правда, скромно приписывает неким анонимным источникам, а не самому себе:

Общественное мнение указало на причину, почему США и Вьетнам, враги во времена холодной войны, сегодня начинают медовый месяц – это вызвано исключительно враждой Вьетнама по отношению к Китаю по вопросу о спорных островах, а Соединенные Штаты пытаются сдержать китайскую мощь в Южно-Китайском море; опасения обеих стран опять совпали. ...Китайские территориальные амбиции уже привели к беспокойству во Вьетнаме (курсив добавлен. – Э. Л.).

Као Вэймин затем сменил тему, чтобы заклеить США под подзаголовком «Обычное негодующее рычание США в адрес Китая».

Сразу после ссылки на возмущенное общественное мнение, свидетельствующей о том, что именно Китай начал весь этот процесс угрозами в адрес Вьетнама, автор противоречит сам себе, пытаясь свалить вину на США, чье поведение, как он пишет, «становится все более и более жестким... в американских СМИ появляется все больше статей с критикой Китая».

Далее мы сталкиваемся с подлинно китайским специфическим взглядом на Международную политику, с присущими ему искажениями, что существенно затрудняет разумное рассуждение даже для весьма дальновидных китайских аналитиков, а ответственным за принятие решений препятствует действовать осмотрительно. Никогда не отличавшиеся наивностью и не склонные серьезно относиться к официальным заявлениям других правительств многие китайские наблюдатели в эти дни, кажется, впали в противоположную ошибку: они считают материалистические мотивы не просто важными (каковыми они являются), а сверхважными, затмевающими все остальное. Именно так рассуждает Као Вэймин, предсказывая, что в изоляцию попадут США, а не Китай, потому что у американцев есть только боевые корабли, а у китайцев есть деньги. Страны АСЕАН могут хотеть заручиться поддержкой США по спору в Южно-Китайском море, но они также понимают, что Соединенные Штаты «не могут помочь им ни в чем, за исключением военных вопросов и проблем безопасности», в то время как «экономически страны АСЕАН все больше и больше зависят от Китая».

Такая гипертрофированная вера в (недиалектический) материализм не так наивна, как была бы противоположная позиция – если бы правительства постоянно подчиняли государственные заботы и вопросы безопасности цели обогащения, то ход истории человечества был бы иным, в целом более достойным, вероятно, с меньшим количеством глупостей, и точно уже с меньшим количеством преступлений. Только в версии троянской войны Гомера

героические воины сражаются за плененных красавиц, серебро и добротные доспехи, вместо более отвратительных идеологий, политических мотивов и личных диктаторских амбиций, которые являются причинами современных войн.

В статье Као Вэймина упоминаются неназванные «малазийские СМИ» как голос разума. Якобы они опубликовали «призыв ко всем сторонам сохранять спокойствие», и призыв этот автор относит в адрес Вашингтона, который «не может активно (sic!) вмешиваться в региональные дела без того, чтобы не создавать трудности». Это подготавливает почву для собственного предостережения автора, которое выглядит жалким и опирается на его прежнюю уверенность в торжестве материализма:

Находясь перед лицом внутреннего противостояния и массивного вмешательства США в Южно-Китайском море, страны АСЕАН должны четко заявить Соединенным Штатам, чтобы они не вели себя в Южно-Китайском море без оглядки на интересы других (курсив добавлен. – Э. Д.).

Но хотя автор, утверждающий, что поведение Китая в Южно-Китайском море было «сдержанным», считает, что Китай может защитить свои «права и интересы», а также обеспечить «общую стабильность», потому что он не находится в «конфронтации со странами по своей периферии» (для них это наверняка новость), тем не менее, Вьетнам занимает изолированную позицию как вероятное исключение. По мнению автора, Вьетнам находится в состоянии конфронтации, вина за которую лежит лишь на нем, потому что он «очень эгоистичен и думает только о себе, не заботясь о странах вокруг себя». Вьетнам, пишет он, очень часто являл жесткое поведение по отношению к спорам в Южно-Китайском море, «и демонстрировал, что пойдет даже на войну за расположенные там острова (курсив добавлен. – Э. Л.)». Для Као Вэймина, по-видимому, Вьетнам – очень странное создание, так как готов сражаться за территорию, которой он владеет или на которую он претендует. Видимо, ему надо бы смириться и склониться перед превосходящей силой (жертвы, которые идеалистически сопротивляются превосходящей силе вместо того, чтобы немедленно сдаться, наверное, очень странно выглядят с точки зрения агрессора). Более того, официальные вьетнамские лица слишком «смелы» – и это не комплимент, учитывая, что, по мнению автора, им надо вести себя смиренно – так как они открыто называют Китай противником и, что еще хуже, они «вводят в игру других». На этот раз в качестве голоса разума автор цитирует «мировое общественное мнение»:

Некоторые вьетнамские официальные лица публично критикуют Китай. В международном общественном мнении сейчас распространена точка зрения, что Вьетнам пытается интернационализировать и мультилатерализировать

(sic!) китайско-вьетнамский спор о территориях в Южно-Китайском море, и хочет заручиться поддержкой США, в настоящее время (курсив добавлен. – Э.Л.) самой сильной державы мира, против Китая в Южно-Китайском море.

Далее следует завуалированное предостережение: «Вьетнам обостряет конфронтацию между Китаем и США... и недовольство китайского общества Вьетнамом быстро усиливается, а это обязательно окажет комплексный эффект на будущую политику Китая по отношению к Вьетнаму». Сдержанный выбор терминов («комплексный») обычно служит для того, чтобы смягчить остроту конфронтации, но в этом случае за завуалированным предостережением последовала прямая военная угроза. Это видимо было и главной целью всего этого опуса: запугать Вьетнам тем аргументом, что военно-морская мощь США не сможет защитить его, если Китай решится на нападение, вероятнее всего, на суше.

Если между Китаем и Вьетнамом дело действительно дойдет до конфронтации, ни один авианосец ничьей страны не обеспечит Вьетнаму безопасность...

Вьетнам не должен играть в опасную игру между Китаем и США: он тем самым играет с огнем.

Эту статью делает такой откровенной то, что Као Вэйминь сначала ссылается на «общественное мнение», чтобы открыто признать – во всем виновен китайский территориальный экспансионизм («США пытаются сдержать рост китайской мощи»; «территориальные амбиции Китая уже вызывают беспокойство во Вьетнаме»), но потом утверждает, что раз Китай – это Китай, Вьетнаму надо заткнуться («официальные лица публично критикуют Китай») и уступить ему все, что ему нужно, потому что «никакой авианосец ничьей страны» не защитит от китайской мощи, если она начнет действовать.

Что касается такого предостережения, то стоит отметить, что оно, наверное, было бы более правдоподобным, если бы относилось к другой стране. Для вьетнамцев такие угрозы нисколько не значимы, а скорее убеждают их продолжать сопротивляться Китаю. Для национальной идентичности Вьетнама характерен комплекс «убийцы гигантов», проявившийся в войне против США. Он берет свое начало в форматирующем опыте сопротивления гораздо более сильной державе, чем какая-то китайская империя: речь идет о завоевавших весь мир монголах, которые напали на Вьетнам сначала в 1257-1258 гг., затем в 1284-1285 гг. (после образования династии Юань), и снова в 1287-1288 гг. И каждый раз монголы терпели поражение. Только после того как монголы отступили, вьетнамцы заплатили им дань. Несомненно, что они поступят так снова, но только после того, как опять разгромят НОАК.

Незнание китайскими правителями, умелым рупором в руках которых является Као Вэйминь, истории своих соседей было бы необъяснимым в отсутствии барьера великодержавного аутизма, однако его наличие все проясняет. Это естественная черта великой нации, и она была бы безобидной, если бы Китай не проводил сейчас курс наращивания своей мощи. Но поскольку происходит именно это, создалась опасная комбинация таких факторов, как беспокойный китайский аутизм, вьетнамская непокорность и пальмерстоновская активность Соединенных Штатов. И эта комбинация может прийти в движение, если Китай опять попытается захватить риф, скалу или мель.

16. Южная Корея.

Образцовый подчиненный по системе цзянься?

Как уже упоминалось, все независимые государства неизменно отстаивают свою независимость, но не во всех государствах есть политическая культура, выражающаяся в активном противостоянии подчинению внешним силам: некоторые государства более податливы, чем другие. Обычным мотивом подчинения является страх, но в случае с Южной Кореей, с ее отношением к Китаю, страх занимает лишь второе место и обычно обусловлен тем, что Китай может натравить или не натравить на Южную Корею – Корею Северную. Более действенным мотивом является комбинация глубокого уважения к культуре Китая и китайцам, которое особенно отчетливо проявляется на фоне негативного отношения корейской элиты (не народа¹⁰⁷) к Соединенным Штатам и американцам, в сочетании с усиливающимся осознанием важности китайского рынка для Южной Кореи. Повторимся, несмотря на то, что все стремятся к экономической выгоде, не все прикладывают для этого равноценные усилия: по сравнению с корейцами даже японцы не уделяют этому достаточного внимания, в то время как китайцы откровенно потакают во всем себе.

Уважение к Китаю и китайцам способствует сохранению позитивного восприятия корейцами китайского бизнеса, который в любом случае сейчас для них не столь непривлекателен, как бизнес японцев, европейцев или американцев. Эту тенденцию можно проследить, по крайней мере, со времен династии Мин; она зародилась задолго до того, как КПК пришла к власти в Пекине и отчетливо видна при беспристрастном изучении народного фольклора¹⁰⁸.

Данные исследований демонстрируют уважение корейского народа к Китаю и китайцам. Но все-таки именно корейская элита, точнее бюрократическая меритократия, класс янбанов, была сторонницей уникального культа имитации: после внедрения в тринадцатом веке неоконфуцианства, корейцы почти-

тельно именовали себя «малыми китайцами», хотя правящая династия Чосон стала данницей китайской династии Цин лишь в 1636 году.

Впоследствии случилось так, что корейцы подвергались влиянию скорее со стороны Японии, чем Китая, и они до сих пор этому влиянию активно сопротивляются. Как это ни парадоксально, но борьба против китайского культурного влияния наблюдается в Северной Корее, например, там разрешено использование только корейского алфавита хангыль, а китайские знаки письма (Ханча, Hanja) запрещены (хотя значительно больше трудов корейской литературы написано на ханча, чем на хангыле).

Что касается антиамериканизма образованных молодых южных корейцев, то они готовы прямо-таки взорваться от ярости при малейшем инциденте и охотно обвиняют своих политических лидеров в раболепстве перед США. Это неприятие всего американского вряд ли нуждается в специальном разъяснении, так как коренится в свойственных любому человеку чувствах: безответная щедрость легко превращается в унижение. Когда Нубару-паше сказали, что один младший чиновник распространяет о нем плохие слухи, он ответил: «И это при том, что я не помню, чтобы оказывал ему какую-нибудь услугу» (Et pourtant je ne te rappelle pas lui avoir confere aucun bienfait¹⁰⁹). В корейской Академии наук мнение о том, что война в Корее являлась последствием американского или даже китайско-американского заговора, пользуется удивительным доверием, и кроме того, там же в течение десятилетий наблюдаются не такие явные, но устойчивые и широко распространенные, проявления расистских и расовых предрассудков против связей корейских женщин с американскими солдатами. Таков не произносимый вслух подтекст всех этих возмущений и преувеличений¹¹⁰.

Но, без сомнения, еще более важное открытие состоит в том, что южные корейцы в большей степени, чем европейцы или японцы склонны верить в то, что Китай станет главным торговым партнером их страны, обойдя Соединенные Штаты, чье влияние, как предполагается, будет снижаться. Согласно упомянутому выше опросу общественного мнения от 2011 года, среднее ожидание роста значимости Китая в течение следующих десяти лет в Южной Корее выросло с 7,62 до 8,02 (в сравнении с данными 2005 года), на фоне 7,51 и 7,93 для Австралии, с ее экспортом сырья в Китай, и 7,15 и 7,45 – для Филиппин. Соответственно, экономическая важность Соединенных Штатов по данным того же опроса сократится: средний балл снизился с 8,00 до 7,82. Стоит подчеркнуть, что для южных корейцев признание экономической важности Китая является не просто проявлением корпоративного или национального характера, а, возможно, следствием личной заинтересованности конкретных людей. Дело в том, что многие южные корейцы (в гораздо большей степени, чем все другие нации) нашли себе работу в больших китайских

городах в качестве экспертов во всех сферах, от парикмахеров-визажистов до контролеров качества промышленной продукции.

Южные корейцы гораздо более благоприятно смотрят на влияние китайской экономики на их интересы по сравнению с другими респондентами. Между 2005 и 2010 годами количество тех, кто положительно оценивал экономический рост в Китае, осталось стабильным – 49% (довольно примечательно, если учесть, что Китай – прямой конкурент Южной Кореи на мировых рынках).

В Австралии, напротив, благоприятное отношение к Китаю между 2005 и 2010 годами сократилось с 54 до 52%, хотя Китай не конкурирует с Австралией, а, напротив, именно в эти годы стал для нее более значимым рынком сбыта. В Японии количество тех, кто позитивно смотрит на китайскую экономику, сократилось с 35 до 23%. Таков психологический и политический фон нынешних стратегических отношений между Республикой Корея и Китаем. Эти отношения, конечно, являются производными от более актуальных стратегических отношений между Республикой Корея и Северной Кореей. В этих отношениях, несомненно, есть много разных аспектов, но только один из них является по-настоящему значимым для понимания китайско-корейского контекста: весьма характерная сдержанность (и даже – нежелание) южных корейцев отвечать на вооруженные провокации Северной Кореи (как это обычно делают страны, находящиеся в конфликте друг с другом, то есть путем быстрого, убеждающего и пропорционального ответного удара).

Понятно, что на широкомасштабную агрессию стратегического размаха со стороны Северной Кореи должны ответить США, с их глобальными военными возможностями; но южные корейцы должны бы были сами отвечать на локальные и единовременные атаки (на вооруженные провокации, не имеющие оперативного продолжения), так как они сами обладают достаточно большими и хорошо оснащенными вооруженными силами. Такое понимание было закреплено и расширено в южнокорейско-американском соглашении 2007 года о передаче (к апрелю 2012 года) оперативного контроля войскам Южной Кореи (ROK) от нынешнего командования войск ООН (то есть, США), даже в случае войны.

На практике Южная Корея не отвечала на северокорейские провокации, даже в случае нападений, наносивших ей реальный ущерб, а именно, когда 26 марта 2010 года был потоплен 1200-тонный южнокорейский корвет Cheonan, и погибло 46 из 104 членов экипажа. В течение двух месяцев было окончательно установлено, что Cheonan был расколот надвое торпедой, но южные корейцы все равно не предприняли мер возмездия, хотя ВМС Северной Кореи предоставляют для этого много мишеней.

Далее, 23 ноября 2010 года имел место неожиданный северокорейский артиллерийский обстрел на остров Енпхендо (Yeongyeong), расположенный примерно в 75 милях от Сеула. Было убито четыре человека и многие ранены, солидная площадь оставлена в руинах. На сей раз также не последовало быстрой, убедительной и пропорциональной акции возмездия, вместо этого с опозданием было выпущено несколько ответных снарядов, специально нацеленных на пустынное место.

Точные причины того, что южные корейцы не предпринимают типичных для других стран ответных мер, не имеют значения, когда речь заходит о стратегических последствиях (была упомянута даже негативная реакция на рынок акций!), так как в любом вооруженном конфликте оправдания не имеют значения. Причиной, конечно же, не может быть боязнь еще более разрушительных северокорейских ответных мер (хотя и эту отговорку иногда приводят), поскольку это означало бы, что вооруженные силы Южной Кореи не способны сдержать никого, учитывая, что за сдерживание полномасштабного нападения или настоящей агрессии отвечают США.

Не может объяснить такую пассивность и состав южнокорейского правительства в 2010 году, тем более, что президент страны был избран как раз в качестве сторонника жесткого курса по отношению к Северной Корее¹¹¹. Значимым фактором в данном вопросе является влияние столкновений на границе между двумя Кореями на китайско-южнокорейские отношения. Лицемерный китайский ответ на любой внутрикорейский инцидент (все они были инициированы Северной Кореей) состоит в том, что обе стороны призываются к «сдержанности» и к возобновлению переговоров в рамках «шестерки», спонсируемой Китаем. В то же самое время Китай поддерживает сердечные отношения с Северной Кореей на уровне правительства, братские межпартийные связи и тесные военные контакты, основанные на некоторых общих славных воспоминаниях о корейской войне. Китай также продолжает оказывать КНДР экономическую помощь, возможно, существенно важную для выживания северокорейского режима, который может обойтись и без самых основных продуктов для голодающего населения, но ему нужны деликатесы и обычные товары народного потребления, чтобы сохранить единство элиты (местные клиенты доминируют в очень хорошо снабжаемом лучшем плавучем ресторане Пхеньяна, пришвартованном на площади Ким Ир Сена). У Китая есть большое активное сальдо в торговле с Северной Кореей (US \$ 1,25 миллиарда в 2008 году), которое дает представление о величине китайской поддержки КНДР.

Тем не менее, кажется, эти деньги были потрачены очень удачно, поскольку они дали китайским лидерам надежный поводок для Северной Кореи – поводок, который, конечно, полезен лишь в том случае, если Северная Корея пе-

риодически проявляет агрессивность: какой толк от поводка для собаки, которая и так не кусается.

Что бы правительство Южной Кореи ни заявляло, и во что бы оно ни верило, его отказ от быстрого, убедительного и пропорционального ответа на провокации КНДР делает его вассалом как США, отвечающих за отражение полномасштабной агрессии против Южной Кореи, так и Китая, который может удержать КНДР от мелких провокаций. Несмотря на все свои протесты, южные корейцы видимо и далее хотят действовать именно таким образом. Но эта ситуация не может удовлетворить США, которые тем самым несут на себе полностью все расходы по защите Южной Кореи от КНДР и вынуждены одновременно делить влияние на Южную Корею с Китаем, который всегда может призвать к порядку южных корейцев, угрожая спустить с поводка Северную Корею. Но сейчас в этом мало проку, потому что южные корейцы почтительно относятся к Пекину и патетически приписывают китайскому руководству большие заслуги в деле удержания Северной Кореи на коротком поводке. Подтверждением этого служит репортаж из Пекина от 9 мая 2011 года, помещенный в англоязычной южнокорейской газете Choson Ilbo¹¹²:

Северокорейский лидер Ким Чен Ир попросил у китайцев... самое современное оружие... в прошлом мае, согласно одному из источников в Пекине... Китай ответил отказом: «Ким Чен Ир вернулся из Китая в прошлом мае в очень плохом настроении» – отметил источник – «...Среди систем вооружений, которые Ким Чен Ир просил у Китая, были 30 истребителей-бомбардировщиков Jianjiji Hongzhajfi¹¹³, оснащенные противокорабельными ракетами С-801 и С-802...». Источник утверждал, что Ким Чен Ир считал, что после потопления корвета Cheonan в марте, Северная Корея должна быть готова к возможному контрудару США и Южной Кореи. Он также пытался убедить Китай в том, что любая атака США и Южной Кореи может также коснуться Китая... Ким несколько раз повторил китайскому руководству, что Северная Корея не топила этот корабль, хотя Пекин жестко спросил его об этом инциденте три раза (курсив добавлен. – Э. Л.).

После того как китайцы ему отказали, пишет далее Choson Ilbo, Ким Чен Ир внезапно уехал из Пекина, отказавшись от предусмотренного программой визита посещения театра.

Пекинский источник, который приписал такую похвальную осторожность китайским лидерам, отказавшимся продавать Северной Корее самолеты, выглядел бы более достоверно, если бы репортаж в газете не был эхом другого, опубликованного в том же самом Choson Ilbo одиннадцатью месяцами ранее¹¹⁴:

Северная Корея попросила Пекин предоставить ей новейшие реактивные истребители J-10 и другое вооружение, но получила отказ, как стало известно в среду. ...Ким Чен Ир направил запрос китайскому президенту Ху Цзинтао во время своего визита в Китай в начале мая. Однако Ху якобы сказал Киму, что Китай поддержит его лишь в том случае, если он подвергнется атаке. Наблюдатели полагают, что отказ был причиной того, что Ким уехал домой на несколько дней ранее запланированного срока.

В обеих версиях Китай осаживает Северную Корею, не продавая ей боевые самолеты; в обеих версиях Ким Чен Ир невежливо уезжает домой на один день раньше, чем планировалось, но в статье 2010 года ему отказывают в приобретении одноместного легкого истребителя J-10, в то время как в версии 2011 года ему отказали в двухместном самолете JH-7: видимо, умиротворяющее влияние Китая растет.

Особенно некрасивой формой пресмыкательства перед Китаем является постоянный отказ Южной Кореи в выдаче визы Далай Ламе, которого очень уважают в Корее и не только среди буддистов. Даже когда в Южной Корее на абсолютно неполитическую конференцию собрались лауреаты Нобелевской премии в 2006 году, Далай Ламе отказали в визе, с довольно постыдным разъяснением, что Китай является главным торговым партнером Южной Кореи, и к тому же помощь Китая нужна для того, чтобы убедить Северную Корею отказаться от своих ядерных амбиций¹¹⁵.

После этого в Южной Корее, как предполагалось, пришел к власти сторонник жесткой линии по отношению к КНДР президент Ли Мун Бак; 27 июня 2010 года Далай Лама смог встретиться с более чем 500 корейскими буддистскими монахами, но только в отеле «Интернейшнл Гранд Отель» в Иокогаме в Японии¹¹⁶, так как ему опять отказали в южнокорейской визе. На чем бы ни основывался альянс США и Южной Кореи, моральные ценности ему явно чужды.

До тех пор, пока Республика Корея не перестанет отвечать на провокации Северной Кореи одними лишь словами (что конечно похвально с точки зрения тех, кто любит мир больше всего), она может только ослаблять, а не усиливать коалицию, которая должна разубедить Китай продолжать свой военный рост. Если Южная Корея с ее нынешней недальновидной политикой будет допущена в такую коалицию, она может только ослабить коллективную решимость коалиции сопротивляться Китаю, особенно если дело дойдет до конкретных действий, например, совместного патрулирования боевыми кораблями спорных районов моря. Вряд ли Южная Корея будет участвовать в таких мерах силами своих вооруженных сил, даже если подобные решения

будут приняты: из-за опасений, что Китай может отомстить, спустив с поводка Северную Корею или далее прямо натравить ее.

Напротив, проводя свою нынешнюю внешнюю политику, Республика Корея может комбинировать свой фактический статус подчиненного Китаю члена системы цзянься с сохранением южнокорейско-американского альянса. Ведь США уже привыкли к своим односторонним обязательствам и не требуют никакой платы за самостоятельные внешнеполитические эскапады Южной Кореи, в то время как южным корейцам, видимо, больше нравится быть вассалами, чем брать на себя риск и расходы по обеспечению своей собственной безопасности.

Существует косвенное доказательство этого отказа от ответственности, и состоит оно в желании Южной Кореи спорить с Японией по вопросам, не имеющим никакого стратегического значения, и, естественно, не несущими никакого риска быть наказанными силой со стороны Японии. Даже в 2010 году, в период между повлекшими человеческие жертвы провокациями со стороны Северной Кореи, которые так и остались безответными, 37 членов конгресса Южной Кореи образовали форум для продвижения притязаний Южной Кореи на японский остров Цусима, называемый корейцами Демадо. Другие требовали от Японии скалы Лианкур, называемые японцами Такесима, но которые корейцы зовут Докдо. Газета Кореан Таймз устроила постоянный конкурс эссе на тему принадлежности этих островков, причем призы не присуждались тем, кто обосновывал их принадлежность Японии. Каким образом такие действия могут уменьшить болезненную уязвимость Южной Кореи – осталось неясным.

В декабре 2011 года один сотрудник береговой охраны Южной Кореи был убит, а другой ранен китайскими рыбаками, которых арестовали вместе с их судном, когда они занимались нелегальной ловлей рыбы в южнокорейских водах¹¹⁷. Сообщалось, что, начиная с 2006 года примерно 2600 китайских судов было арестовано при похожих обстоятельствах: катастрофическое загрязнение китайских прибрежных вод вкупе с хищническим промыслом там рыбы заставляет китайских рыбаков выходить все дальше и дальше в открытое море. Но ни массовое браконьерство китайцев в южнокорейских водах, ни даже упомянутое убийство китайцами сотрудников береговой охраны не отвлекло Южную Корею от своей любимой цели (конечно же, очень миролюбивой): 14 декабря 2011 года прямо перед японским посольством в Сеуле была торжественно открыта статуя скромной корейской женщины, символизовавшей жертвы тех, кого японцы в годы войны насильно заставляли заниматься проституцией для своих солдат. При этом прошла тысячная по счету демонстрация, требовавшая от Японии выплатить этим женщинам компенсацию, что естественно вызвало сильное раздражение у страны, ничем не

угрожающей Южной Корее¹¹⁸. Стратегический эскапизм не столь уж редкое явление в мировой политике, но те, кто к нему склонен, не годятся на роль активных союзников, и это делает их еще более уязвимыми объектами запугивания для тех, кого они боятся.

17. Монголия. Северный форпост коалиции?

Монголия – это близнец Вьетнама и прямая противоположность Южной Корее в том, что касается ее отношений с Китаем, так как в орбите Китая она не может сохраниться в качестве независимого государства, хотя Китай юридически, формально и окончательно отказался от прав на всю территорию Монголии по соглашению о границе 1962 года и по протоколу о делимитации границы 1964 года (который добавил еще 10 тысяч квадратных километров к уже имеющимся у Монголии полутора миллионам). До этого, ссылаясь, как и в случае Тибета, на прежние права владения, китайские правительства отказывались признать декларацию о независимости Монголии 1911 года, утверждая, что Монголия является частью Китая потому, что маньчжурская династия Цин управляла как китайскими, так и монгольскими землями, равно как и многими другими народами. По такому критерию, как уже упоминалось, Шри-Ланка может предъявить права на Индию.

Сегодня из Пекина уже не раздаются угрозы аннексировать Монголию, но будучи лишенной выхода к морю и зажатой между двумя соседними странами, Монголия должна положиться в качестве гарантии своей независимости на другую соседнюю страну, что не очень просто, потому что русские прекрасно помнят, в какой степени Монгольская Народная Республика зависела от СССР до 1990 года.

Монголия уязвима и в демографическом отношении, хотя в будущем это, возможно, станет ее преимуществом. На огромных просторах современной Монголии затерялось около 2,5 миллионов монголов, в то время, как только в одном автономном районе КНР Внутренняя Монголия проживает 4 миллиона монголов (80% тамошнего населения – китайцы), еще 1,5 миллиона монголов живут в китайском Синьцзяне, а также примерно 400 000 бурят-монголов – в Республике Бурятия Российской Федерации.

В теории, владея историческим центром монгольских земель и будучи независимым государством, Монголия могла бы стать культурным центром для всех монголов, в том числе – для более многочисленной популяции своих соплеменников, проживающих в Китае, и она бы могла оказывать соответствующее влияние на Внутреннюю Монголию. Но этому мешает одно обстоя-

тельство: в монгольском языке не так много культурного капитала, учитывая, что в системе высшего образования Монголии повсеместно вместо монгольского языка используется русский (а сейчас еще немного английский). Другая причина состоит в том, что в 1946 году под давлением сталинистского диктата в Монголии была введена кириллица, в то время как монголы в Китае сохранили древнюю монгольскую письменность, происходящую от арамейского и иврита, переданную через согдийский, сирийский и древний уйгурский алфавиты¹¹⁹.

Управляя лишенной выхода к морю страной всего лишь с двумя соседями, каждый из которых имеет имперские размеры и, по крайней мере, латентные имперские притязания на Монголию, монгольские правительства весьма умело прилагали большие усилия, чтобы заинтересовать в своей судьбе другие страны. Они вызвали благоприятное отношение далеких Соединенных Штатов, которые поддерживают монгольскую независимость, потому что это вызывает почти симметричное недовольство России – гораздо более важной для Монголии страны. Япония тоже подходит на роль третьей стороны, способной играть роль противовеса удушающим объятьям Китая и Российской Федерации. Установление в 1972 году дипломатических отношений между Монголией и Японией не привело к серьезным практическим результатам, но после либерализации 1990 года обе страны ведут активную работу по налаживанию сотрудничества, показывая значительный взаимный интерес и отсутствие исторических антипатий, могущих этому воспрепятствовать.

Последовал обмен официальными визитами, и был даже создан постоянный комитет по экономическому сотрудничеству, но, несмотря на все эти добрые намерения, слабая база монгольской экономики и склонность Японии ориентироваться на слишком высокие результаты в конечном итоге погубили оптимистические ожидания. По состоянию на 2009 год (последние имеющиеся в распоряжении данные), на Японию приходилось менее 1% монгольского экспорта, в то время как на Китай – 74,1%, на Канаду – 9,4% и 3,4% – на США. Из Японии было завезено 6% монгольского импорта, в то время как из России – 34,6%, из Китая – 31,7%. На Японию приходилось 3,4% иностранных инвестиций в Монголию, на Китай – 51,1%, Канаду – 10,6% и Южную Корею – 6,7%. Япония занимает первое место по объему иностранной помощи Монголии – US\$

40 миллионов в год, но и этот показатель будет превзойден американской помощью в рамках программы «Вызовы тысячелетия» (Millennium Challenge Account) – 300 миллионов долларов за 5 лет.

С типично японской самокритикой МИД Японии обвиняет в этом только одну сторону: «Очень важно, чтобы Япония существенным образом участвовала в

освоении монгольских ресурсов, осуществляла масштабные инвестиции и создала таким образом взаимовыгодные отношения¹²⁰».

Этот вывод последовал за покаянной оценкой, согласно которой японский бизнес не инвестирует в Монголию, в то время как «там очень сильно присутствие ее соседей: Китая и России. К тому же, сильно выросло влияние Республики Корея, которая инвестирует в малые и средние проекты, рестораны, клиники красоты, [иные] услуги... [и 30 тысячам монгольских рабочих выдано разрешение на работу в Корее]».

Активность Южной Кореи в Монголии, несомненно, выгодна для обеих сторон, но она не избавляет Монголию от ее стратегической дилеммы, так как правительство Южной Кореи уж точно не будет служить противовесом Китаю или России в данном конкретном случае. К тому же, как это ни странно, но присутствие в Монголии южных корейцев вызывает там теплые чувства не к ним, а по отношению к китайцам и японцам. И это не стоит считать парадоксом: причина кроется в странной этнической несовместимости монголов и корейцев, а также в более прозаических вещах, например, в недовольстве тех монголов, которых корейские торговцы лишили работы (к тому же корейские торговцы бросаются в глаза как чужаки). Дела еще более усугубились после скандала, в котором оказались замешанными посол Южной Кореи и юная монгольская девушка, беременность и отказ посла платить алименты на ребенка¹²¹.

Может быть, японское правительство начнет действовать так, как призывает собственный МИД, и, может быть, ему удастся добиться активизации японского бизнеса в Монголии, создать в этой стране солидное экономическое присутствие с политическим значением, чтобы Япония стала стратегическим противовесом Китаю. Но пока все это не станет реальностью, способность Монголии сопротивляться огромному китайскому потенциалу будет почти в полной мере зависеть от альтернативного влияния Российской Федерации.

В контексте формирования китайского и антикитайского мира, в данном случае возможны варианты. Если Россия выступит на стороне Китая, Монголия в лучшем случае будет иметь статус устраивающего обе соседние страны буфера между ними, а в худшем станет кондоминиумом с номинально независимым марионеточным правительством. С другой стороны, если Российская Федерация откажется от конвергенции с авторитарным Китаем, и вместо этого войдет в антикитайскую коалицию (для сохранения контроля над Восточной Сибирью на длительную перспективу и своего влияния в Центральной Азии в настоящее время), то Монголия снова станет для нее тем самым незаменимым и хорошо защищенным аванпостом, которым она была на протяжении десятилетий китайско-советской конфронтации. Но на этот раз Монголия

еще сможет воспользоваться и плодами своих хороших отношений с США, Японией и другими странами антикитайской коалиции.

На сегодняшний день силы коммерции, геополитики и геоэкономики пересеклись в месторождении «Пять холмов», Таван Толгой, в Южно-Гобийском аймаке (провинции) в южной Монголии (в самой южной части страны, прилегающей к Китаю, и, значит, далекой от Российской Федерации). Этот географический экскурс имеет большое значение, потому что на месторождении Таван Толгой, начиная с 1967 года, открытым способом добывается ценный уголь с низким содержанием серы. Дебет этого месторождения по мировым масштабам до сих пор был не очень впечатляющим, но только потому, что добывалась лишь небольшая часть огромных залежей Таван Толгоя, одного из самых крупных месторождений мира; согласно очень консервативным оценкам мощность самого легко извлекаемого верхнего угольного пласта составляет 1,5 миллиарда метрических тонн коксующегося угля и 3,6 миллиарда тонн энергетического угля, и может давать «на-гора» 30 миллионов тонн угля на протяжении как минимум тридцати лет. Китайская «Чайна Шеньхуа Энерджи Компани» (China Shenhua Energy Company) боролась за право на добычу наряду практически со всеми другими глобальными угледобывающими компаниями. Ею были разработаны планы по быстрой постройке железнодорожной линии от Таван Толгоя до железнодорожного узла Внутренней Монголии – Байян Обо (Bayan Obo, Baiyun Ebo Kuangqu – по-китайски), расположенного в какой-нибудь сотне километров от границы. Китайская сталелитейная промышленность и ее поставщики коксующегося угля импортируют уголь также из более отдаленных мест, и, конечно, заинтересованы в поставках из Таван Толгоя, который находится гораздо ближе.

С тех пор произошло многое, включая отмену ранее предоставленных концессий после смены правительства Монголии в 2011 году, но в результате ни одна из китайских компаний не получила право участвовать в добыче, а железнодорожная линия от Таван Толгоя поведет к российской границе, расположенной гораздо дальше, чем Байян Обо. В 2010 году министр транспорта России Игорь Левитин объявил о плане инвестиций в размере 1,7 миллиарда долларов. Это очень большие инвестиции, которые могут быть покрыты лишь экспортом угля из Таван Толгоя к российским портам с последующей отправкой в Японию, Южную Корею и в тот же Китай, но только через Россию¹²².

Монголы отреагировали на рост геополитического давления Китая геоэкономическим отказом, явно с целью сдержать китайское влияние, и они отнюдь не скрывали своей мотивации¹²³.

18. Индонезия.

От остракизма к коалиции

Сменяющие друг друга индонезийские правительства были не всегда особо стабильными, представительными или эффективными, но они всегда заявляли права на первенство в регионе просто из-за большого населения страны и ее большой географической протяженности, которая совершенно непропорциональна площади ее сухопутной территории, хотя PI последняя – не маленькая. По своему населению, численность которого превысила 237 миллионов человек в 2011 году, Индонезия основательно превосходит вторую по этому показателю страну АСЕАН – Филиппины (94 миллиона) – и третий в списке Вьетнам (87 миллионов). По своей сухопутной территории в 1,9 миллиона квадратных километров Индонезия сильно опережает Вьетнам (331 000 км²), и только Федерация Малайзия имеет сравнимые размеры. Если учесть еще и архипелаг с примерно 6 000 обитаемыми островами, простирающийся на 500 километров с запада на восток и на 17.00 – с севера на юг, то вместе с территориальными водами признанная всеми площадь территории Индонезии составит примерно 5 миллионов квадратных километров. А ведь сюда надо добавить еще и исключительную экономическую зону в 5 миллионов квадратных километров.

Учитывая такую огромную территорию, все индонезийские правительства до 1993 года исходили из той предпосылки, что сами расстояния оградят страну от морских притязаний Китая, с которыми к тому времени уже столкнулись Бруней, Филиппины, Малайзия и Вьетнам, наряду с Японией, и, конечно, Тайванем – соперником по правооснованиям. Но все-таки, еще в 1991 году министр иностранных дел Индонезии Али Алатас предостерег от опасности конфликта между другими странами по островам Спратли, явно имея в виду посредничество под эгидой Индонезии¹²⁴.

Это было естественно, поскольку в 1949 году, сразу же после прихода к власти коммунистов, Китай стал считаться главной угрозой, с точки зрения доминирующей фракции в индонезийских вооруженных силах, хотя между Китаем и Индонезией не было территориальных споров. Причем это была отнюдь не номинальная угроза, сконструированная для целей военного планирования. Несмотря на ограниченные стратегические возможности тогдашнего Китая (они и сегодня все еще ограничены) в Индонезии всегда сознавали китайскую угрозу, причем иногда даже личного характера, и подчас нависавшую над всей страной.

Китай был не близко, но недалеко от границ Индонезии шли организованные коммунистами партизанские войны, и они активно поддерживались Китаем в Малайзии и позднее в самой Индонезии. Прежде всего, существовала угроза

внутреннего восстания Коммунистической партии Индонезии (Partai Komunis Indonesia, PKI), третьей по численности компартии в мире (до той поры, когда попытка организованного КПИ переворота провалилась в 1965 году и привела к контрперевороту армии и кровавой расправе над коммунистами).

Китайское правительство обвинили в пособничестве КПИ, просто потому, что обе партии поддерживали тесные связи, поскольку КПК поддерживала КПИ (что было видно из публикаций КПК), и потому, что китайскому населению Индонезии приписывалась активная роль в рядах КПИ.

Эта роль была сильно преувеличена из-за расовых и религиозных предрасудков, так как на самом деле только небольшая часть китайцев в Индонезии симпатизировала коммунистическому Китаю, и еще меньше китайцев имели какие-либо связи с китайскими властями; роль этнических китайцев не была доминирующей в КПИ за пределами больших городов, а в самом сильном оплоте КПИ, на Бали, китайцев почти совсем не было.

Тем не менее, официальное законодательство и государственная политика после 1965 года исходили именно из этих двух преувеличений: публичные китайские религиозные ритуалы были запрещены, школы на китайском языке были закрыты, китайские иероглифы в общественных местах не допускались и китайцев заставляли принимать звучащие по-индонезийски имена (то есть, в основном мусульманские)¹²⁵. Большинство из этих законодательных актов (хотя и не все) было отменено, но в то же время подъем исламских политических партий в Индонезии, и растущая религиозность общественной жизни усилили социальное давление против китайцев, не являющихся в большинстве своем мусульманами, многие из которых как раз уже не имеют почти ничего китайского, кроме религии. Исламисты поощряют постоянную латентную враждебность, которая время от времени прорывается наружу в виде насильственных столкновений с человеческими жертвами¹²⁶.

В теории все это имеет отношение к прошлому, а не к современным индонезийско-китайским государственным отношениям. Но на практике именно этот фон отвечает за взаимное восприятие китайцами и индонезийцами друг друга: китайские официальные лица оценивают индонезийцев как самодовольных людей, периодически проявляющих насилие по отношению к своим китайским соотечественникам, принадлежность к которым трактуется весьма широко (хотя только некоторые из них могут получить китайское гражданство).

Что касается индонезийских официальных лиц, то они по-прежнему подозрительно оценивают намерения Китая и не только долгосрочные.

Китайская политика такова, что не может рассеять подозрения, например, относительно островов Натуна (своей самой насущной цели), находящихся в 150 милях от Борнео, 1000 милях от ближайшего китайского берега острова Хайнань, и примерно в половине этого расстояния от ближайшего китайского опорного пункта на островах Спратли, риф Квартерон 127, созданного в свою очередь лишь в 1998 году после столкновения 14 марта с вьетнамцами у рифа Южный Джонсон.

Подозрение возникло не потому, что Китай официально претендует на острова Натуна или делал это раньше, но скорее по обратной причине: китайцы неоднократно официально заявляли, что между двумя странами нет спора по этим островам. Например, в июне 1995 года спикер МИД КНР Чень Чжиян категорически заявил: «Между Индонезией и Китаем не существует спора относительно территориальной принадлежности островов Натуна». Это звучало вполне успокаивающе, но Чень Чжиян добавил: «Мы готовы провести с индонезийской стороной переговоры о демаркации этого района», не предоставив дополнительных разъяснений¹²⁸.

Но в этом и не было необходимости: двумя годами раньше на организованной в 1993 году Индонезией рабочей конференции на Сурабае по спору вокруг островов Спратли китайская сторона сильно удивила индонезийцев, которые думали, что помогают разрешить споры другим, сами не будучи в них вовлеченными, предъявив права на воды восточнее и северо-восточнее островов Натуна на основании своей знаменитой «пунктирной карты»¹²⁹, согласно которой китайская морская территория сильно выдается к югу от них, и ее граница проходит вблизи от Индонезии, Малайзии, Филиппин и Вьетнама, охватывая практически все Южно-Китайское море.

Если в наши дни возникает спор относительно каких-нибудь мелких островов, не имеющих большой собственной ценности, то обычно всегда говорят, что воды вокруг этих островов богаты нефтью или, по крайней мере, газом. Конечно, довольно удобно верить в экономические причины проблем войны, мира и территорий, несмотря на тысячелетия, доказывающие обратное (и именно поэтому Фолклендским/Мальвинским островам приписали огромные, хотя и никем не открытые запасы нефти, когда на этих островах в войне за обладание ими гибли люди). Воды вокруг островов Натуна, напротив, точно содержат большие запасы газа и нефти, и добыча уже началась и будет расширяться, так что территориальный спор имеет собственное значение, поскольку он может замедлить инвестиции и даже привести к остановке эксплуатации месторождений (что и произошло, несмотря на рациональный характер спора между Индонезией и компанией «Экссон»).

Не существует даже возможности того, что Индонезия откажется от своих прав на острова Натуна, но индонезийское правительство не стало яростно оспаривать неудовлетворительные заверения Чень Чжияна: это не индонезийский способ делать политику, Индонезия – не Вьетнам, она предпочитает избегать, а не противостоять. Министр иностранных дел Али Алатас соответственно ответил Чень Чжияну: «Мы высоко оцениваем дух, в котором было сделано заявление спикера [Чень Чжияна]. Но Индонезия не считает, что у нее есть проблема морской границы с Китаем или необходимость проводить делимитацию границы на море. Китай находится слишком далеко к северу. ...Что касается островов Натуна, то Китай на них не претендует, и они никогда не были проблемой между Индонезией и Китаем. Поэтому нет и тем для обсуждения¹³⁰».

Китайцы продолжали ничего не делать для продвижения своих притязаний на район островов Натуна, в то время как позиция Индонезии, как стороны, реально владеющей островами, заключалась, естественно, в том, чтобы ничего не делать со своей стороны. В то же время китайцы могли быть довольны политикой индонезийских лидеров относительно американского военного присутствия в их регионе: они были против такого присутствия, продолжая цепляться за призрак политики неприсоединения 50-х годов, которая была явно не в интересах США. У Соединенных Штатов, в свою очередь, были все основания подвергнуть Индонезию санкциям за нарушение прав человека и репрессии против населения Восточного Тимора.

Такое положение продолжалось до тех пор, пока целый ряд инцидентов и случайностей не изменил стратегию Индонезии. Особенно важными из них оказались: захват китайцами в 1998 и 1999 годах островов Спратли, с применением оружия против Вьетнама (что повлекло человеческие жертвы), и с нанесением реального вреда Филиппинам (если позволителен каламбур на сей счет, так как риф Вань Кхан (Mischief Reef) расположен полностью внутри исключительной экономической зоны Филиппин, если считать ее от ближайшей береговой линии).

Еще более разительные изменения произошли в американско-индонезийских отношениях.

Участие американского флота в спасательных операциях помощи жертвам цунами в январе 2005 года продемонстрировало индонезийским мусульманам – а значит, самой антизападной и антиамериканской части населения Индонезии – добродетели ВМС США. К концу этого же года существенный прогресс Индонезии в деле демократизации и защиты прав человека позволил возобновить отношения между США и Индонезией в военной сфере, в первую очередь, через американскую программу обучения зарубежного во-

енного персонала (International Military Education and Training program). К тому же, по статье «Исключения с точки зрения национальной безопасности» были смягчены наложенные конгрессом США ограничения на поставки в Индонезию оружия, действовавшие ранее по программе оказания военной помощи зарубежным странам (Foreign Military Financing, FMF). Понадобилось больше времени, чтобы возобновить военное сотрудничество в полном объеме (запрет на оказание военной помощи индонезийскому спецназу (Korassus), замешанному в политических репрессиях, был снят лишь в июле 2010 года)¹³¹.

Что касается флота США, то прибыв в Индонезию с гуманитарной миссией, он вскоре вернулся туда уже в своем прямом качестве, ибо на тот момент индонезийцам была уже очень необходима его помощь по контролю военной активности на море – еще одно «достижение» неуклюжей и напористой китайской внешней политики.

Потом в дело опять вступила Австралия, чтобы предоставить то, чего не могли дать США – стабильный, практически договорной, альянс в сфере безопасности в виде заключенного в 2006 году «Соглашения между Индонезийской республикой и Австралией относительно рамок сотрудничества в сфере безопасности»¹³². Одно из положений преамбулы этого документа проводит четкое различие между сторонами соглашения и Китаем: «Признавая, что обе стороны являются демократическими, динамичными и настроенными на международное сотрудничество странами региона и членами мирового сообщества...». Провозглашенные цели договора включают в себя: «создание рамок для углубления и расширения двустороннего сотрудничества... в вопросах, касающихся их общей безопасности, так же, как и национальной безопасности каждой из сторон».

В разделе «Оборонное сотрудничество» соглашение содержит ряд очень содержательных положений – типичное выражение англо-саксонской точности, которой индонезийские официальные лица избежали бы, если бы не тревожащее их поведение Китая. Среди этих положений были следующие:

Теснейшее профессиональное сотрудничество между вооруженными силами сторон; ...Регулярные консультации по вопросам обороны и безопасности, представляющим взаимный интерес; и по вопросам конкретной политики обеих сторон в сфере их национальной обороны;

Содействие... развитию потенциала оборонных структур и вооруженных сил обеих сторон, в том числе путем ... обучения, совместных учений, ...и применения научных методов для развития оборонного потенциала; Взаимовыгодное сотрудничество в области оборонных технологий и мощностей, вклю-

чая совместные разработки, развитие, производство, маркетинг и трансфер технологий, а также участие в согласованных совместных проектах.

Далее в разделе «Сотрудничество в области разведки» соглашение призывает к «обмену информацией и разведывательными данными по вопросам безопасности между компетентными ведомствами и учреждениями».

Раздел «Безопасность на море» имеет свои собственные конкретные положения, которые, несомненно, не в интересах Китая, включают «развитие существующих проектов в области обороны и иных областях в сфере создания системы воздушной и морской безопасности».

Китайское правительство могло бы смягчить, если не предотвратить, весьма неблагоприятный для него сдвиг в индонезийской стратегии путем тактичного отхода от своих притязаний на море. Но как только китайцам предоставилась очередная возможность, они вместо этого подтверждали свои максимальные притязания и делали это в очень жесткой манере: в июне 2009 года ВМС Индонезии задержали 75 граждан КНР и 8 их рыболовецких судов недалеко от островов Натуна. В ответ Цин Ган (Qin Gang), спикер МИД КНР в Пекине, описал весь этот район как Наньша (Nansha), общее обозначение Китаяем всех островов Спратли, добавив в типично провокационном тоне: «Китай очень недоволен Индонезией за то, что она задержала китайские рыболовецкие суда, и требует, чтобы индонезийское правительство немедленно отпустило рыбаков и их суда»¹³³. Но, начав с резких высказываний, Цин Ган постепенно сменил тон, преодолев межкультурные границы с помощью внутрикитайской традиции, гласящей, что можно обругать партнера и сразу же сменить гнев на милость: «Китай и Индонезия являются стратегическими партнерами... Обе страны должны решить проблему как можно быстрее в духе дружественных консультаций и сохранения достигнутого уровня двусторонних отношений». Затем речь зашла о территориальных притязаниях со ссылкой на «воды вокруг китайских островов Наньша», и Цин Ган добавил, что Китай «очень серьезно озабочен этим инцидентом».

В том, что касается стратегии как таковой, у индонезийцев могут быть другие недостатки, но тонкости им хватает. Если раньше они долго пытались игнорировать китайские притязания на острова Натуна, чтобы дать китайцам возможность спокойно забыть о них, то теперь они не хотят отказываться от партнерства с Пекином, стратегического или нет. Тем не менее, они изо всех сил демонстрируют, что в состоянии сдержать китайское давление своими силами или с помощью друзей, если это потребуется. Например, 26 мая 2010 года, контр-адмирал Амон Маргоно (Among Margono), командующий Восточным флотом ВМС Индонезии, в сопровождении военного оркестра встречал прибывшие в порт Сурабая для проведения совместных маневров амери-

канские корабли Tortuga (LSD 46), Vandegrift (FFG 48), Salvor (T-ARS 52), и катер Береговой охраны США Mellon (WHEC 717). Учения были частью «...программы сотрудничества по поддержанию боевой готовности флотов (Cooperation Afloat Readiness and Training (CARAT))», в которой первоначально принимали участие шесть стран: Бруней, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд, а также Индонезия¹³⁴. Такая американская флотилия, конечно, не смогла бы выиграть повторное сражение у атолла Мидуэй, но одно ее присутствие способно отвадить Китай от повторения тактики запугивания соседей своими большими кораблями, как это неоднократно происходило в последнее время вблизи архипелага Спратли.

Если учесть довольно развитые связи в сфере безопасности с Австралией, которая сама заключила тесный военный союз с США, Индонезии не нужно формальное соглашение, чтобы оформить создание антикитайской коалиции. Хотя собственная военная мощь Индонезии является и останется не очень впечатляющей, Индонезия может в случае необходимости оказать давление на Китай, ограничив поставки сырья в КНР, в то время как потребности в этом же самом сырье растут в Индии (использовав тот же самый прецедент, который создал сам Китай, ограничив экспорт в Японию редкоземельных металлов). Если же кризис продолжит развиваться, то индонезийский архипелаг, расположенный на самом коротком пути из Китая в западные моря, может предоставить и другие возможности для оказания давления.

Пока в Китае не слышно дебатов на тему «кто потерял Индонезию», но их стоило бы провести. Индонезия – это не второй Вьетнам, чья самоидентификация не может существовать без продолжения конфронтации с Китаем.

Однако верно и то, что Индонезия – это не вторая Южная Корея, и явно не является кандидатом на роль покорного слуги в комфортабельной экономической обстановке золотой клетки системы цзянься. Но еще в 1993 году, и даже позже, Индонезия пыталась консолидировать свои отношения с Китаем, сохраняя дистанцию по отношению к США и их союзнику Австралии, то сейчас напротив она стала важным членом антикитайской коалиции.

Что касается китайских преимуществ от проведения политики, сделавшей Индонезию противником Пекина, то сторонники такой линии на дискуссиях в политбюро КПК, несомненно, будут утверждать, что притязания Китая на огромный морской район – большую часть Южно-Китайского моря – имеют под собой очень хрупкие исторические основания, спорную картографию и опорные пункты всего на нескольких островах, и поэтому эти притязания и надо поддерживать с максимальным напором. А это, в свою очередь, можно лучше всего сделать, предъявляя права на самый отдаленный от КНР район

островов Натуна, против самой большой страны среди возможных конкурентов.

Все это имело бы смысл в искусственно созданной картине мира, где у Китая нет иных международных отношений, кроме как со своими противниками в борьбе за обладание морскими территориями, и нет никаких других внешнеполитических приоритетов, кроме максимизации морских владений, или хотя бы прав на них. Такое положение представляет собой еще один признак приобретенного Китаем синдрома дефицита правильной стратегии.

19. Филиппины.

Как создать врага

С китайской и стратегической точек зрения, Республика Филиппины была не более, чем продолжением США. Такая ситуация сохранялась до 16 сентября 1991 года, когда после бурных дебатов в стране сенат Филиппин 12 голосами против 11 отказался ратифицировать договор о продлении аренды США военной базы в Субик-бэй еще на десять лет¹³⁵. Американские военные моряки покинули эту базу 24 ноября 1992 года, и к тому времени США уже ушли с базы ВВС Кларк-филд (Clark Air Force Base), которая сильно пострадала от извержения вулкана в 1991 году.

По соглашению о военных базах США на Филиппинах от 1947 года, заключенных в то время, когда ни одно филиппинское правительство не могло отказать США ни в одном требовании, у США на Филиппинах был еще целый ряд более мелких военных объектов, но «Кларк» и «Субик» были чем-то гораздо большим, чем просто базой ВВС и очередным портом среди многих других, которые США использовали в Европе и Восточной Азии. В дополнение к обширным казармам и жилым помещениям, аэродромам, ангарам, складам и докам, два этих громадных комплекса также включали в себя весь набор ремонтных средств и мастерских промышленного объема, включая полноценную верфь и 600-футовый сухой док в Субик-бэй.

С точки зрения США, базы в Кларк-филд и Субик-бэй поддерживали всю американскую военную инфраструктуру в западной части Тихого океана. С точки зрения Филиппин эти базы давали работу тысячам филиппинцев, включая высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых работников и администраторов. Однако, в дополнение к этому, американский персонал баз приобретал и интимные личные услуги местных женщин в громадном объеме, унижая тем самым всю филиппинскую нацию, включая, без сомнения, и тех 12 сенаторов, проголосовавших за окончание американского военного присутствия на Филиппинах. Всем было очевидно, что сцены за пределами баз

Кларк-филд и Субик-бэй олицетворяют собой американско-филиппинские отношения в целом, с их принципиальным неравенством и позорным подчинением.

Хотя голосование 1991 года не отменило американско-филиппинский договор 1952 года о совместной обороне, оно все же убрало с островов американские вооруженные силы и тем самым фундаментально изменило стратегическое положение страны, потенциально открыв ее для влияния Китая, чего никогда ранее не случалось. На этом пути, конечно, были и препятствия, включая историческое этническое китайское присутствие на Филиппинах, которое имело как негативные, так и позитивные аспекты, равно как и сильные связи Манилы с Тайванем – хотя Филиппины упредили США на четыре года в дипломатическом признании КНР, которое произошло 9 июня 1975 года. Но в целом у китайцев были все шансы заменить США в роли благожелательного покровителя Филиппин.

Впоследствии китайско-филиппинские отношения развивались в различных направлениях, что стало привычным явлением в рамках того, что ранее было описано как синдром дефицита правильной стратегии КНР:

- ❖ экономические отношения развивались и стали более диверсифицированными, причем торговый баланс складывался в пользу Филиппин благодаря обширному экспорту сырья в КНР;
- ❖ был успешно заключен целый ряд двусторонних соглашений в экономической и связанных с ней областях (без серьезного ущерба для отношений Филиппин с Тайванем);
- ❖ напористое и даже угрожающее поведение Китая толкнуло Филиппины обратно в объятия США, у которых они искали защиты.

И Филиппины, и Китай претендуют, как мы уже видели, на одни и те же районы Южно-Китайского моря. Для определения современной китайско-филиппинской конкуренции достаточно привести два документа¹³⁶. Одним из них является вербальная нота, направленная филиппинской миссией Генеральному Секретарю ООН 5 апреля 2011 года, в качестве запоздалого ответа на две вербальные ноты КНР, направленные в один и тот же день, 7 мая 2009 года. Одна нота была направлена в качестве ответа Вьетнаму, а другая – Малайзии, но обе ноты касались «расширенного континентального шельфа» в Южно-Китайском море и других «относящихся к нему водах, равно как и морского дна и ресурсов под ним», как они были обозначены на одной из обычных для подобных случаев китайских «пунктирных карт»¹³⁷. Хотя ни одна из китайских нот не была адресована Филиппинам, филиппинская миссия при ООН была «вынуждена уважительно выразить свою точку зрения»:

Во-первых, группа островов Калаян (Kalayan Island Group, KIG) [острова Спратли, частично оккупированные Филиппинами и на которые Филиппины предъявляют притязания] представляет собой неотъемлемую часть Филиппин...

Во-вторых, Филиппины, согласно правилу римского права *dominium maris* и принципу международного права «*la terre domine la mer*» (сухопутная территория доминирует над морем)... естественно осуществляют суверенитет и юрисдикцию над прилегающими к островам водами или водами, связанными с соответствующими геологическими структурами KIG...

В-третьих, так как прилегающие воды и соответствующие геологические структуры ясно определены и могут быть измерены техническими и правовыми средствами, претензии Китая, отраженные в так называемой пунктирной карте..., не имеют под собой международно-правовой основы... Суверенитет принадлежит... Филиппинам¹³⁸.

Китайцы, в свою очередь, ответили 14 апреля 2011 года – в течение 9 дней после получения филиппинской ноты, удивительная скорость на фоне ооновской бюрократии, и ответ был выдержан в самых жестких тонах:

Китаю, бесспорно, принадлежит суверенитет над островами в Южно-Китайском море и прилегающих водах... [Его] права и юрисдикция подтверждаются многочисленными историческими и правовыми доказательствами. ...Содержание [филиппинской] вербальной ноты... полностью неприемлемо для китайского правительства.

Так называемая группа островов Калаян (KIG), на которую претендует Филиппинская республика, является на самом деле частью китайских островов Наньша.

...Начиная с 70-х годов Филиппинская республика продолжает вторгаться и оккупировать некоторые острова и рифы из числа китайских островов Наньша... [Эти] действия представляют собой нарушение территориального суверенитета Китая. Согласно правовой доктрине «*ex injuria jus pop oritur*» Филиппинская республика не имеет никакого права ссылаться на эту незаконную оккупацию для подтверждения своих территориальных притязаний¹³⁹.

Обе ноты заканчивались классическими протокольными формальностями и обе стороны использовали «возможность высказать Генеральному Секретарю Организации Объединенных Наций уверения в своем высоком уважении». Все это было подчеркнуто вежливо, и каждая из сторон употребила латинские правила правильно, но ничто не может изменить в этих нотах привкус эпохи до 1914 года, когда вербальные ноты, в которых выражались несовме-

стимые территориальные притязания и осуждались акты вторжения, не говоря уже о захватах («...начала вторгаться и оккупировать некоторые острова и рифы из числа китайских островов Наньша»), обычно были прелюдией к войне.

На горизонте не просматривается китайско-филиппинская война, но военное поведение уже налицо в виде неожиданных захватов, быстрого строительства объектов на спорных островах и актов устрашения на море. Все это ведет к немедленным последствиям. 10 мая 2011 года президент Филиппин Бениньо Акино III на встрече в Джакарте призвал все страны, претендующие на острова Спратли: Бруней, Вьетнам и Малайзию, «занять единую позицию против последних агрессивных действий Китая¹⁴⁰». На этот раз слова следовали за делами: ранее президент Акино приказал кораблям береговой охраны Филиппин защищать суда, ведущие нефтеразведку, после инцидента 2 марта 2011 года на Риид Банке (Reed Bank), недалеко от Палавана, когда две окрашенные в белый цвет китайские канонерки (№71 и № 75) попытались угрожающими маневрами отогнать корабль филиппинского департамента энергетики M/V Venture¹⁴¹.

Последовали и другие действия. 15 мая 2011 года президент Акино вместе с кабинетом министров прилетел на борт американского авианосца Carl Vinson CVN 70 (прозванного к тому времени местной прессой «судном для кормления акул Бен Ладеном»), когда тот направлялся в Манилу для визита вежливости в сопровождении кораблей Shiloh, Bunker Hill и Gridley. Спикер вооруженных сил Филиппин коммодор Хосе Мануэль Родригес охарактеризовал прибытие авианосца с ядерной силовой установкой как пример «прочных связей между двумя странами в сфере обороны» (имея в виду соглашение между США и Филиппинами об обмене военными визитами, одобренное филиппинским сенатом в мае 1999 года).

За два дня до этого эффектного проявления дипломатии авианосцев произошло событие более определенного толка, чем визит кораблей: 13 мая 2011 года ВМС Филиппин по кредиту в рамках программы военных поставок США зарубежным странам приняли «всепогодный катер» класса «Гамильтон» от Береговой охраны США. Несомненно, этот катер будет дислоцирован большей частью у спорных островов Спратли, а именно у островов Калаян. Термин «катер» едва ли точно описывает солидный военный корабль водоизмещением в 3250 тонн, который с большим преимуществом занял место самого большого патрульного корабля филиппинских ВМС (его переименовали в BRP Gregorio del Pilar PF-15), с экипажем 167 человек, уникальным радиусом автономного плавания (14 000 миль без дозаправки, в этом случае важна возможность длительного нахождения в патрулировании), современным вооружением (включая 20-мм зенитный артиллерийский комплекс Phalanx) и анга-

ром для вертолета на палубе. Конечно, корабль Gregorio del Pilar очень хорошо подойдет для игр с большими кораблями, которые предпочитали до сих пор китайцы, он гораздо больше 1500-тонных китайских патрульных кораблей, которые оперировали в архипелаге Спратли. Передача судна флоту Филиппин была описана как «выражение американского обязательства помочь Филиппинам защитить свои морские владения¹⁴²».

В конечном итоге можно констатировать, что китайско-филиппинские отношения развивались очень быстро: нет ничего эффективнее агрессивного настаивания на территориальных притязаниях. Всего за семь месяцев до жесткого заявления президента Акино о необходимости противостоять Китаю и его весьма показательной высадки на борт американского авианосца Carl Vinson, китайское правительство было удовлетворено позицией Филиппин по вопросу о Южно-Китайском море, чего нельзя сказать о его позиции относительно злокозненных американских махинаций¹⁴³. Свидетельством этому может служить одна более чем полуофициальная публикация КНР:

Неспокойные воды вокруг Китая показывают, как изменение политического ландшафта между Китаем и США закладывает основу для будущей борьбы за влияние в Азии...

«Если говорить о стратегии, у Китая очень ограниченное влияние на соседние страны, а КНР исповедует весьма осторожную дипломатию», – заявил Ши Йиньон (Shi Yinong), специалист по исследованию США, старший научный сотрудник пекинского университета Женьминь. «Но у США долговременное военное превосходство, и они придерживаются своих гегемонистских идеалов», – заявил Ши.

В прошлом месяце, во Вьетнаме, на региональном форуме по проблемам безопасности госсекретарь США Хилари Клинтон заявила о неких «национальных интересах» США в этом регионе...

«Но отчаянная демонстрация США своей военной силы [имеется в виду визит авианосной группы George Washington во Вьетнам] выдает их глубокую внутреннюю боязнь собственной слабости», написал контр-адмирал Янь Йи (Yang Yi) в комментарии, опубликованном во вторник в Nanfang Daily.

Янь заявил, что США в настоящее время провоцируют страны АСЕАН, чтобы нарушить их отношения с Китаем...

Клинтон, требуя многостороннего решения конфликтов, заявила во Вьетнаме в прошлом месяце, что США озабочены тем, что пересекающиеся спорные притязания в районе островов Спратли и Парасельских мешают морской торговле, затрудняя доступ к международным водам.

Далее следовала похвала филиппинскому вмешательству:

Но ситуация еще больше осложнилась на прошлой неделе, когда Филиппины, близкий союзник США, заявили, что страны Юго-Восточной Азии не нуждаются в помощи США для разрешения территориальных споров с Китаем в Южно-Китайском море.

«Это дело АСЕАН и Китая. Я ясно выразился? Это дело АСЕАН и Китая. Теперь понятно?» – заявил министр иностранных дел Филиппин Альберто Ромуло, который был председателем АСЕАН в 2007 году.

Он сказал, что Филиппинам не нужно американское вмешательство, которое лишь осложнит ситуацию в Южно-Китайском море.

Китайцы были так довольны решительными заявлениями Ромуло, что их также процитировали в программной статье Као Вэймина от 13 августа 2010 года в Та Кунг Рао (см. главу 15144). Касательно того же самого выступления Клинтон в Ханое, в статье отмечалось:

В этот же день филиппинские СМИ сообщили о выраженной днем ранее позиции министра иностранных дел Филиппин Ромуло, по мнению которого «переговоры по Южно-Китайскому морю не нуждаются в американском вмешательстве».

Эти страны [АСЕАН] также понимают, что США не смогут им помочь ни в чем кроме военных вопросов и сферы безопасности, в то время как... экономически [они] все больше и больше зависят от Китая... Выраженная министром иностранных дел Филиппин позиция основана именно на этих доводах и направлена также на то, чтобы ясно показать мировому сообществу, что Филиппины – это не марионетка США (курсив добавлен. – Э.Л.).

Филиппинская республика и сейчас – не марионетка США, но ее правительство уже больше не устраивает Китай. Китайцы также не могут особенно жаловаться на подстрекательство США, так как официально провозглашенная американская политика была исключительно примирительной. Так, всего за два месяца до визита американских боевых кораблей в мае 2011 года, они цитировали высказывание американского посла на Филиппинах, Гарри Томаса-младшего, который, в свою очередь, сам цитировал госсекретаря Клинтон, выразившую удовлетворение умеренной позицией своего филиппинского коллеги:

«В это воскресенье, когда госсекретарь Клинтон вела переговоры с министром иностранных дел дель Росарио, они говорили о необходимости для всех участников спора разрешать все вопросы мирным путем за столом пере-

говоров. Мы не занимаем чьей-либо стороны в этих спорах. Мы считаем, что все государства-участники споров должны вместе сесть за стол переговоров, урегулировать свои споры, а затем начать работу с Китаем в формате АСЕАН для выработки Кодекса поведения для Южно-Китайского моря в районе островов Спратли...

«Самым важным делом для всех стран является осознание того факта, что более 5 триллионов долларов международной торговли идет через Южно-Китайское море. Именно поэтому мы поддерживаем свободу навигации. Но все вопросы надо решать мирно, за столом переговоров. И это очень-очень важно», – отметил он. Томас сказал, что он также обсуждал эти вопросы с китайским послом на Филиппинах, Лю Чжанчао (Liu Jianchao), заметив «мы говорили об этих делах¹⁴⁵».

Надо подчеркнуть, что США в первую очередь советовали правительству Филиппин урегулировать споры внутри АСЕАН, подчеркивая необходимость единого фронта стран АСЕАН, и лишь после этого США советовали «начать работу с Китаем» для выработки Кодекса поведения. Как уже упоминалось, к концу 2010 года МИД КНР согласился после долгого сопротивления вести переговоры с делегацией АСЕАН, и именно для выработки предложенного американцами Кодекса поведения.

Но в марте 2011 года еще один китайский игрок проявил желание оживить споры с Филиппинами путем создания помех судну, занимавшемуся нефте-разведкой, а спустя несколько недель, уже, кажется, третий китайский игрок вмешался в дело. 20 мая 2011 года появилось сообщение, что два самолета ВВС Филиппин OV-10 Bronco (максимальная скорость 288 миль в час), находившиеся в патрулировании в районе подводной банки (Reed Bank) островов Калаян (Спратли), подверглись облету на бреющем полете двух китайских истребителей МиГ-29 (максимальная скорость 1490 миль в час)¹⁴⁶. Начальник генерального штаба вооруженных сил Филиппин генерал Эдуардо Обан-младший заявил, что этот «инцидент не заставит вооруженные силы Филиппин отказаться от своего мандата... по защите национальной территориальной целостности, так же, как и морских ресурсов». Случилось так, что прибытие в бухту Манилы американского авианосца Carl Vinson и сопровождавшей его ударной авианосной группы (Strike Carrier Group I) произошло как раз во время этого инцидента. Полковник Арнульфо Марсело Бургос-младший из службы по связям с общественностью вооруженных сил Филиппин вовремя объяснил: «Взаимная поддержка и помощь, которую обе страны оказывают друг другу, серьезно содействует усилению нашего потенциала как военного объединения».

Во все той же непоследовательной и саморазрушительной манере (тем не менее, ставшей уже обычным делом) за три дня до инцидента с налетом китайских МиГ-29 на Филиппины приезжала китайская делегация – на самом высоком уровне после президентского: во главе с министром национальной обороны генералом Лян Гуанли и государственным советником Ден Бингуо (Dain Bingguo), с продолжительным (21—25 мая), полномасштабным «визитом доброй воли». В пресс-релизе посольства КНР сообщалось, что «[визит] послужит дальнейшему развитию дружественных китайско-филиппинских отношений, особенно обменов в военной сфере и прагматическому сотрудничеству, тем самым обогатив и расширив стратегическую кооперацию между двумя странами».

Позиция США по спорам в районе Южно-Китайского моря может и не слишком тонкая, но, как нам кажется, соперничество между странами никогда не бывает излишне деликатным. 23 июня 2011 года Альберт дель Росарио, министр иностранных дел Филиппин, попросил госсекретаря Хилари Клинтон разъяснить политику США по китайско-филиппинской конфронтации в Южно-Китайском море с точки зрения договора 1951 года о совместной обороне. Он также попросил предоставить Филиппинам дополнительные американские боевые корабли, чтобы усилить способность ВМС Филиппин «защитить морские границы». Госсекретарь Клинтон заверила в поддержке США по обоим вопросам¹⁴⁷. Итак, мы видим, что поведение Китая снова заставило их возможного партнера кинуться в объятия США. К 2012 году возвращение США на свою базу в Субик-бэй стало предметом оживленного обсуждения на Филиппинах, обсуждения, преисполненного надеждой.

20. Норвегия.

Норвегия? Норвегия!*

* В оригинале игра слов: «Norway» по-английски звучит как резко отрицательный ответ «no way», т.е. получается «Норвегия? Никоим образом!» (Прим. ред.)

Несмотря на то, что Норвегия обладает огромными морскими владениями, и ее эксклюзивная и бесспорная экономическая зона раскинулась на 2 385 178 км², она пока еще не сталкивалась с территориальными притязаниями Китая, чья экономическая зона имеет размеры в 877 019 км². Но в тоже время, норвежский Нобелевский комитет присудил нобелевскую премию мира за 2010 год Лю Сяобо (Liu Xiaobo), китайскому гражданину, осужденному по китайским законам за защиту прав человека, то есть – преступнику, на что китайцы могли бы ответить симметрично, присудив недавно учрежденную премию Конфуция какому-нибудь осужденному норвежскому преступнику, но вместо этого решение проблемы поручили китайским инспекторам потребительского

надзора, которые задерживали импортную норвежскую семгу до тех пор, пока она не испортилась.

Усиленный «контроль качества» за свежей норвежской семгой был введен спустя несколько дней после церемонии присуждения Нобелевской премии – 10 декабря 2010 года. Китайские инспекторы сообщили, что в тринадцати партиях норвежской семги были обнаружены «следы недозволенных препаратов» и/или бактерии¹⁴⁸. «Мы вообще не можем поставлять рыбу на китайский рынок» – таков был комментарий Хеннинга Белтестеда, генерального директора норвежской группы «Лерой Си фуд» (это было все же преувеличением: экспорт семги в Китай в 2011 году составил 30% от уровня 2010 года), в то время как другой «викинг» Ларе Берге Андерсен, «юрист, обслуживающий норвежские компании в Китае», добавил:

«Я очень обеспокоен тем, какие долгосрочные последствия для норвежского бизнеса в Китае вызовет этот инцидент». Но пока что ото всего происходящего в выигрыше оказалась Шотландия, которой впервые разрешили поставлять в Китай свежую семгу. Джейми Смит, спикер Организации шотландских производителей семги, заявил, что китайские инспекторы не предъявляли к шотландской семге никаких претензий.

Задолго до церемонии вручения Нобелевской премии, напроць отвергнув норвежские утверждения о том, что нобелевский комитет – это независимая организация, МИД КНР предупредил, что последуют ответные меры, если премию получит осужденный преступник. Но, тем не менее, спустя шесть месяцев норвежцы были удивлены жесткостью этих самых мер: они включали в себя приостановление всех политических контактов, замораживание «весьма многообещающих» торговых переговоров и губительное для норвежской семги задержание на складах китайских таможенных инспекторов – и все это на фоне того, что китайские компании «наращивали активность» в Норвегии безо всяких препятствий. В декабре 2010 года, когда разгорался скандал вокруг Лю Сяобо, Китайская служба нефтедобычи объявила о подписании контракта с норвежской компанией «Статойл» по бурению в Северном море. В январе 2011 года китайская компания China National Blue Star купила норвежскую горнодобывающую компанию Elkem за US\$ 2 миллиарда, а норвежская компания Orkla присоединилась к Aluminum Corp. of China Ltd. для обслуживания китайских проектов высокоскоростных железных дорог. Но, стоит отметить, что подписание контракта произошло чрез шведский филиал Orkla, фирму Sara, в присутствии шведского посла. «Не надо их провоцировать», – объяснил спикер Orkla Йохан Кристиан Новланд¹⁴⁹.

В Осло спикер китайского посольства вовремя объяснил, что китайско-норвежские отношения «переживают трудности», так как Нобелевскую пре-

мию присудили «китайскому преступнику». Он разъяснил, что именно Норвегия должна приложить усилия для восстановления отношений с Китаем. Хотя он и не упомянул, как это можно было сделать, один из официальных представителей Норвегии, Хенрик Мадсен, предложил рецепт на будущее: расширение состава Нобелевского комитета за счет представителей иностранных государств, чтобы ослабить его связь с Норвегией – этого, вероятно, легче всего было добиться включением в комитет представителей КПК. Другие бизнесмены просто предложили, чтобы комитет прекратил присуждать премии иностранцам из отдаленных от Норвегии государств¹⁵⁰. При всех ее богатствах, Норвегии всегда хочется еще больше, и поэтому жалобы норвежских бизнесменов на четырех женщин и троих мужчин, которые присуждают премию, не остались без внимания: то есть, воздействие было оказано, и в будущем потенциальные китайские кандидаты на премию, скорее всего, будут проигнорированы¹⁵¹.

Этот, в общем, тривиальный эпизод содержит в себе серьезный урок: в силу несомненно нетривиальных политических причин китайское правительство не может в настоящее время успешно решать свои международные проблемы, даже такие мелкие, как присуждение неофициальной премии китайскому диссиденту. В данном случае помимо приобретения противников в лице нескольких норвежцев и большего количества граждан других стран, а также придания большого резонанса имени Лю Сяобо по всему миру и внутри самого Китая, китайское правительство, попытавшись побудить послов других стран в Осло воздержаться от участия в церемонии присуждения Нобелевской премии, понесло и иные дипломатические потери. В этом смысле оно добилось успеха лишь у ряда авторитарных и продажных режимов: России, Казахстана, Туниса, Саудовской Аравии, Пакистана, Ирака, Ирана, Вьетнама, Афганистана, Венесуэлы, Египта, Судана, Кубы и Марокко (возможно, правительству США стоило бы оказать контрдавление на ряд этих стран, получающих американскую помощь). Но все эти напористые китайские усилия не достигли успеха в случае с другими 46 странами, входящими в небольшой дипломатический корпус норвежской столицы, хотя и вызвали там презрение и усмешки.

Если откинуть в сторону все комичные и случайные аспекты этого эпизода, то можно сказать, что он весьма типичен для поведения Китая на международной арене в последнее время, которое отличается большой активностью и совершенной контрпродуктивностью.

21. Три варианта политики США по отношению к Китаю

Критика действующей американской администрации за «отсутствие (большой) стратегии» и за отсутствие четкой политики по отношению к той или иной стране является обычным делом. Но это обвинение вряд ли имеет под собой основания, если речь идет о Китае, поскольку в этом случае налицо не одна, а целых три политики, причем две из них идут в противоположных направлениях.

Тем не менее, как мы увидим ниже, простое объединение всех этих трех политик в одну не является выходом из сложившегося положения: скорее, стоило бы создать четвертую, геоэкономическую политику, которая единственно может позволить сохранить долгосрочный баланс сил с Китаем.

Первым вариантом политики США по отношению к Китаю можно назвать активное содействие китайскому экономическому росту. В этом контексте наиболее показательным является отношение к китайскому вопросу министерства финансов (U.S. Treasury), которое, с одной стороны, является хранителем американских государственных финансов, а с другой – оказывает поддержку со стороны правительства частным финансам или, по крайней мере, крупным фирмам с Уолл-стрит, которые работают за пределами США.

Эта политика, которая исполнялась добросовестно и последовательно, была решительно продолжена нынешним министром финансов Тимоти Францем Гайтнером. Она полностью сфокусирована на тех выгодах, которые американские государственные финансовые структуры получают в виде дешевого капитала, благодаря наличию доступа к огромным китайским золотовалютным резервам, а также на тех выгодах, которые и американские потребители, и предприятия получают от поставок самого дешевого из возможных импорта промышленных товаров, и соответственно – сырья. Все это позволяет Соединенным Штатам повысить в стране жизненный уровень, без увеличения доходов населения и инфляции, а также позволяет снизить производственные затраты для американского бизнеса.

С этой точки зрения хронический и очень большой отрицательный торговый баланс США по отношению к Китаю (в основном по промышленным товарам) – это вовсе не проблема, а всего лишь показатель получаемой США выгоды.

Министерство финансов США, естественно, отчетливо видит все те выгоды, которые государство и частные финансовые институты Соединенных Штатов получают благодаря наличию доступа к дешевому китайскому капиталу – к капиталу, источником которого и является хроническое положительное саль-

до Китая во внешней торговле, и очень высокая (примерно 50%) средняя норма накопления. Все это используется китайскими властями для покупки американских государственных казначейских облигаций, равно как и других финансовых инструментов, в которые они вкладывают доллары, благодаря чему добиваются, в том числе, и повышения стоимости доллара по отношению к юаню, что в свою очередь, способствует сохранению позитивного торгового сальдо Китая во внешней торговле. Именно таким образом промышленная политика Китая становится механизмом предоставления частным и государственным институтам США дешевого капитала. И именно поэтому, вместо того, чтобы стать объектом критики, Китай превратился в источник внимания и заботы министерства финансов Соединенных Штатов, являясь, по сути, бенефициаром проводимой им политики. Существует еще один фактор, оказывающий значительное влияние на формирование отношения министерства финансов США к Китаю, его можно назвать социологическим: дело в том, что высшее руководство министерства почти полностью укомплектовано бывшими или будущими сотрудниками ведущих частных финансовых фирм, так что мы наблюдаем вполне естественное и обоснованное внимание к представителям китайской власти и государственных компаний Китая, ведь они являются будущими клиентами.

С другой стороны, министерство финансов США не обладает никакими экспертными знаниями, не несет ответственности и вообще не интересуется состоянием американской промышленности. Министерство финансов не проводит абсолютно никакой политики по отношению к национальной промышленности (как по отношению к промышленности в целом, так и к ее отдельным отраслям), оно индифферентно к ней в своей повседневной политике (и в частности, безразлично к резкому упадку и даже полному исчезновению целых подотраслей из-за неконтролируемого притока дешевого, в том числе, китайского, импорта). Обычно министерство финансов в этом вопросе занимает следующую позицию: потерянные рабочие места все равно неконкурентоспособны, плохо оплачиваемы, и поэтому не стоит сожалеть об их исчезновении.

За эти вопросы в Соединенных Штатах отвечает только комиссия США по международной торговле (структура слабая как в политическом, так и в организационном отношении). Ее юрисдикция жестко ограничена случаями «демпинга», в которых комиссия более или менее строго определяет объем ущерба, нанесенного американской промышленности, но не имеет прав предотвратить его. Эта комиссия также не имеет прав для защиты американской промышленности от хронической недооцененности китайского юаня. Несмотря на то, что юань теряет в цене из-за постоянной покупки Китаем долларовых инструментов, это не считается демпингом, хотя и затрагивает все категории товаров, а не какую-либо одну.

С другой стороны, министерство финансов США, отвечающее за валютную политику и за ее нарушение, если вообще реагирует на это, то лишь вербально, да и то после активного давления конгресса США, вызванного, в свою очередь, лоббистскими организациями профсоюзов и предпринимателей¹⁵².

Министр финансов США Гайтнер следовал практике своих предшественников и периодически спрашивал своих китайских коллег, когда они дадут своей валюте возможность расти (особенно когда поток жалоб на это в США нарастал), но он делал это с явным нежеланием и не говорил о возможных санкциях на тот случай, если недооценка юаня продолжится. И когда он об этом спрашивал, создавалось впечатление, что он убеждал, а не угрожал, так как не было признаков каких-либо действий, запланированных на тот случай, если к его увещаниям не прислушаются. Соответственно, китайцы полагали, что вполне могут проигнорировать периодические просьбы, хотя в прошлом они иногда позволяли юаню немного и ненадолго подрасти в ответ на особенно жесткие требования конгресса США или для того, чтобы сдержать свою собственную инфляцию.

В таких случаях министерство финансов США обычно поднимало большой шум, восхваляя китайцев за малейшую ревальвацию юаня, за их гибкость, и считало это еще одним доказательством того, что скоро настанет конец систематической девальвации китайской валюты. Характерно, что 10 мая 2011 года министр финансов США Гайтнер после ежегодного заседания американско-китайской группы по стратегическому и экономическому диалогу сказал репортерам: «Мы видим очень многообещающие сдвиги в экономической политике Китая¹⁵³». Далее он отметил, что США по-прежнему надеются на то, что Китай позволит своей валюте расти более быстро по отношению к доллару, равно как и по отношению к валютам других стран - основных торговых партнеров Китая.

В том же самом сообщении прессы говорилось и об обещаниях китайцев «прекратить дискриминацию зарубежных компаний, пытающихся обеспечить себе доходные государственные контракты, и открыть паевые инвестиционные фонды (mutual fund) и рынок автомобильного страхования для американских фирм¹⁵⁴». Это обещание было отнюдь не новым: его уже давали в 2010, 2009, 2008 годах...

В то же самое время Комиссия США по международной торговле опубликовала результаты исследования, озаглавленного «Китай: результаты воздействия китайской политики в сфере интеллектуальной собственности и инноваций на экономику США¹⁵⁵». Результаты исследования в целом говорили об убытках экономики США в размере 48 миллиардов долларов только в

2009 году, не считая суммы в 4,8 миллиарда долларов, связанной с юридическими и иными расходами по защите прав интеллектуальной собственности в Китае. Согласно оценкам, из-за политики Китая в США было также потеряно примерно 923000 рабочих мест. Министр финансов Гайтнер никак не отреагировал на результаты исследования, ни во время американо-китайского диалога, ни потом. Никакое другое американское ведомство также не предложило никаких ответных мер против Китая и не потребовало даже какой-либо компенсации. Вместо этого китайцев обязали обещать исправиться в будущем, что они, разумеется, сделали.

Учитывая то, что министерство финансов США сконцентрировано исключительно на финансовых вопросах, а Комиссия США по международной торговле не имеет юридических прав и организационных полномочий, необходимых для регулирования своей вотчины, а также учитывая беспомощность министерства торговли США и отсутствие в американском правительстве какого-либо ведомства, отвечающего за промышленную политику (это отражение идеологии свободной торговли), то можно сказать, что для правительства США не существует какой-либо реальной возможности воздействовать на этот масштабный процесс деиндустриализации страны, вызванный большим и хроническим дисбалансом в торговле промышленными товарами с Китаем.

Нет и ни одного государственного ведомства США, которое бы отвечало за предотвращение утечки американских технологий в Китай или в другие страны, если, конечно, речь не идет о военной технологии или технологии «двойного назначения». И все это имеет место даже несмотря на единогласное признание того факта, что общая конкурентоспособность американской экономики вытекает прежде всего из ее технологического преимущества и из того, что большая часть этих технологий, ныне используемых в частном секторе, первоначально была разработана правительством США или на деньги этого самого правительства. Странно, но эта неспособность предотвратить утечку технологий распространяется даже на американский аэрокосмический сектор, несмотря на его очевидную экономическую и военную значимость. Эта неспособность защитить собственные технологии характеризуется следующими конкретными обстоятельствами:

- ❖ Во-первых, во многих секторах американской промышленности границы между военными и гражданскими технологиями и барьеры на пути их распространения между этими секторами либо слабы, либо полностью отсутствуют.
- ❖ Во-вторых, на долю аэрокосмической промышленности приходится значительная часть еще сохранившегося американского экспорта товаров.

- ❖ И, в-третьих, аэрокосмический сектор относится к такой отрасли, в которой введение запретов на передачу технологий Китаю может быть легко обойдено путем договоренности с другими секторами, ведь в каждой специальности обычно существует всего лишь один европейский и/или японский поставщик, которые более неохотно передают технологии Китаю, чем их американские коллеги.

Тем не менее, не наблюдается никакой американской политики, нацеленной на прекращение утечки невоенной аэрокосмической технологии, или хотя бы по мониторингу этого процесса (словно речь идет, скажем, о технологиях производства прохладительных напитков). По причине бездействия со стороны правительства США, очень важные американские аэрокосмические технологии в настоящее время передаются Китаю через совместные предприятия с государственной китайской аэрокосмической компанией COMAC (Commercial Aircraft Corporation of China Ltd.) или иными филиалами и аффилированными компаниями китайской военно-гражданской государственной Корпорации авиационной промышленности AVIC (Aviation Industry Corporation of China), которая производит реактивные истребители, бомбардировщики, ракеты и прочее военное оборудование, наряду с гражданскими самолетами.

Подобные совместные предприятия (предпочитаемый китайской стороной механизм, причем не всегда по понятным причинам¹⁵⁶) служат и более широким целям, например, общему развитию китайской промышленности, но прежде всего эти предприятия крайне необходимы Китаю для разработки двух авиационных программ: 70-100-местного регионального пассажирского самолета ARJ21 (вывод которого на и так переполненный рынок будет очень нежелателен для конкурентов КНР), а также для более приоритетного проекта: 150-200-местного самолета C919, который намерен бросить вызов непосредственно доминирующим моделям «Боинг 737» и «Аэробусу 320».

Неполный список существующих совместных предприятий включает в себя¹⁵⁷:

- ❖ Системы контроля за полетами, фирмы Parker-Hannifin + AVIC, в Сиане, провинция Шаньси.
- ❖ Реактивные двигатели и турбины к ним, фирмы Pratt & Whitney+AVIC, в Сиане, провинция Шаньси.
- ❖ Хвостовые двигатели и стабилизаторы для вертолетов S-92, фирмы Sikorsky + Changhe Aircraft Industries Corporation (производитель вертолетов для Народно-освободительной армии Китая), в Цзиндечжэнь, провинция Цзяньси.

- ❖ Средства связи и навигации, фирмы, Rockwell-Collins + China Electronics Technology Avionics, в Ченду, провинция Сычуань.
- ❖ Компоненты реактивных двигателей, фирмы Pratt & Whitney + Chengdu Engine Group, в Ченду, провинция Сычуань.
- ❖ Гидравлические и топливные системы для самолета C919, фирмы Parker-Hannifin + AVIC, в Нанкине, провинция Цзянсу.
- ❖ Системы контроля состояния окружающей среды, фирмы Honeywell + China Research Institute of Aero Accessories, в Нанкине, провинция Цзянсу.
- ❖ Компоненты турбовинтовых двигателей, фирмы Pratt & Whitney (Канада) + China National South Aero-Engine, в Чжучжоу, провинция Хунань.
- ❖ Авионика для самолета C919, фирмы GE Avionics + AVIC, в Шанхае.
- ❖ Топливные, гидравлические системы для самолета C919, фирмы Eaton + Shanghai Manufacturing, в Шанхае.
- ❖ Всепогодный радар для самолета C919, фирмы Rockwell-Collins совместно с AVIC, в Уси, провинция Цзянсу.
- ❖ Вспомогательные системы силовых установок, фирмы Honeywell + AVIC, в Нанкине, провинция Цзянсу.
- ❖ Электрическое оборудование для самолета C919, фирмы Hamilton Sundstrand + AVIC, Нанкин, провинция Цзянсу.
- ❖ Проводные системы контроля полетов, фирмы Honeywell + AVIC, в Сиане, провинция Шаньси.
- ❖ Оборудование для посадки и гондолы, фирмы Goodrich + Xian Aircraft, в Сиане, провинция Шаньси,
- ❖ Гондолы двигателей, фирмы Nexcelle + AVIC, идут переговоры.
- ❖ Детали из алюминия, фирмы Alcoa + COMAC, идут переговоры.
- ❖ Композитные материалы, фирмы Boeing + AVIC, в Тяньцзине.

Немного найдется компонентов американских аэрокосмических технологий (гражданских или военных), которые не были бы в распоряжении компаний, вступивших или вступающих в совместные предприятия с AVIC или с ее аффилированными фирмами, провозглашенными целями которых является конкуренция с «Боингом» или с «Аэробусом» за долю рынка, и которые также разрабатывают, строят или копируют тактические боевые самолеты и бомбардировщики для ВВС и ВМС НОАК.

Более того, китайцы могут ожидать доступа и к иным технологиям, вероятно, в большей мере, чем это предусмотрено соглашениями о создании совмест-

ных предприятий. Причиной этого является то обстоятельство, что совместные предприятия дают много возможностей для кибер-проникновения или более осязаемых форм кражи технологий¹⁵⁸. То, что утечка технологий может происходить и в более безобидных формах, например, в обычных беседах между экспертами-коллегами, не меняет последствий этой утечки.

К тому же, установленным фактом является то, что совместные предприятия облегчают вербовку агентов на месте, причем особое внимание уделяется гражданам США китайского происхождения¹⁵⁹.

Надо подчеркнуть, что утечка технологий из совместных предприятий в аэрокосмической отрасли представляет собой лишь часть более широкого трансфера технологий из США в Китай, и большинство этих технологий отнюдь не крадется, а передается в рамках договорных обязательств ведущими американскими корпорациями. В обязанности менеджеров этих компаний не входит просчет долгосрочного эффекта этого трансфера на общее состояние американской экономики, а желания добровольно просчитать это у них нет. Самое большее, что они могут попытаться просчитать – это влияние данного трансфера на состояние их фирм в следующем квартале, а остальное для них не имеет никакого значения, ведь какого-либо контроля со стороны правительства США в этой сфере нет, по причине отсутствия в стране промышленной политики.

Большой приток американских технологий в Китай – это, в свою очередь, всего лишь часть несбалансированных в целом экономических отношений между США и КНР, которые выгодны американцам как потребителям, должникам и, прежде всего, финансистам, которые не заботятся о вреде, наносимом американским рабочим и производителям. В то же время этот дисбаланс очень выгоден Китаю, и этот факт определяет всю «американскую политику» КПК, включая ее главную цель сохранения несбалансированных экономических отношений¹⁶⁰ на максимально возможный длительный срок или до тех пор, пока Китай не превратится в богатую и более передовую страну.

Для этой высокой цели утомительное сидение на заседаниях «стратегического и экономического диалога» является не такой уж высокой ценой: можно стерпеть даже выслушивание «почти вежливых» нравоучений о правах человека или демократии. Ради достижения этой высшей цели все остальное должно быть отложено до более подходящего момента, идет ли речь об аннексии Тайваня силой или о захвате огромных океанских просторов, на которые Китай в настоящее время претендует по всем направлениям. Тао гуанг уанг хуи («скрывай свои возможности и стремись выиграть время») – это гораздо более простое правило, чем «мирный подъем или мирное развитие», но работает так же хорошо.

Причиной данного положения является китайская политика министерства финансов США, которая стремится сохранить именно эти несбалансированные экономические отношения, несмотря на деиндустриализацию США, вызванную хроническим торговым дефицитом в обмене промышленными товарами с Китаем. Объективно, если не субъективно, министерство финансов США при своих нынешних руководителях, как и при их предшественниках, активно содействует китайскому экономическому росту и технологическому прогрессу, не отвечая при этом как ведомство за неизбежную корреляцию между общим экономическим и технологическим потенциалом Китая и вытекающим из этого ростом его военной мощи. Ведь это просто не входит в обязанности министерства финансов, а президенты США пока не сделали ничего, чтобы дать ведомству такие полномочия.

Вторая «китайская политика» США звучит так: госдепартамент бросает вызов Китаю.

Эта политика в настоящее время активно продвигается госсекретарем Хилари Родэм Клинтон и отчасти поддерживается ее ближайшими сотрудниками. Сторонники данной политики, естественно, высоко ценят сотрудничество с Китаем, если оно имеет место быть, но признают тот факт, что Китай все-таки чаще выступает как оппонент США: как в многостороннем формате в Совете безопасности ООН и на других форумах, так и на двустороннем уровне, когда непосредственно затрагиваются отношения с США, их союзниками и третьими странами, в которых заинтересованы США, включая режимы «стран-отверженных»; как в смысле практических национальных интересов США, так и в отношении фундаментальных американских моральных ценностей.

Во всех этих сферах дела несколько ухудшились после 2008 года, как из-за роста политических репрессий в самом Китае, так и из-за усилившейся активности Китая по продвижению антидемократических методов за границей. Одним из последних примеров является финансирование Китаем совместно с правительством Пакистана «медийного университета» («media university»). Пакистанский министр информации и теле- и радиовещания доктор Фирдоус Ашик Аван определил задачи этого университета следующим образом:

Подготовка национально ориентированных кадров СМИ с целью изменения отношения людей к Пакистану и направления в другие страны пресс-атташе для противодействия западной пропаганде в СМИ. Государственные интересы должны быть защищены любой ценой, но иногда СМИ переходят границы и наносят государственным интересам непоправимый ущерб¹⁶¹.

Другой пример, иллюстрирующий готовность китайского правительства сотрудничать с «отверженными режимами», еще более очевиден, так как он служит укреплению репрессивного потенциала авторитарного режима:

финансирование Китаем «Школы разведки имени Роберта Мугабе» в Зимбабве – единственная форма инвестирования в образование, которая не нужна этой когда-то цветущей стране, испорченной тем же самым Робертом Мугабе и его подпевалами. Цель этой новой школы официально описывается как «ответ на современные глобальные вызовы», и неудивительно, что в школу зачисляются только «приглашенных кандидатов». Программа обучения включает следующие дисциплины: шифрование, лингвистика, анализ разведданных, разведывательная работа с людьми, военная разведка, создание и поддержание работы системы сбора разведданных, контрразведка, анализ видеоданных, аналитика в разведывательных резидентурах, аналитика разведывательной информации, сбор данных и так далее – и все эти дисциплины преподаются китайскими инструкторами¹⁶².

Как уже отмечалось выше, политика министерства финансов США основывается на восхвалении Китая, который ни в коем случае не должен быть когда-либо наказан, потому что он постоянно проявляет готовность увеличить стоимость юаня и наконец-то внедрить в жизнь законы защиты интеллектуальной собственности. Что касается государственного департамента, то он предпочитает трезво оценивать реальность, что приводит к тому, что Китай воспринимается не в ряду обычных нейтральных государств, таких как, например, Индия, но ассоциируется скорее с Российской Федерацией и Венесуэлой. То есть отмечается, что Китай сотрудничает с США только в том случае, когда такая кооперация ему выгодна, и в то же время он всегда противодействует Соединенным Штатам, если такое противодействие не противоречит его собственным интересам. Оппозиция – это то, что существует по умолчанию, а сотрудничество – это то, что декларируется. Напротив, Индия, например, часто оппонирует Соединенным Штатам, но делает она это всякий раз по своим понятным причинам, плохим или хорошим, а не потому, что имеет возможность это делать. Данное положение дел, по мнению госдепартамента, оправдывает энергичное противодействие Китаю всякий раз, когда он обращается к экспансионистской политике, хотя необходимость сопротивляться китайской мощи пока еще не признана даже в качестве политической концепции, не говоря уже о том, чтобы принять ее в качестве политической цели. Тем самым госдепартамент США очень энергично реагировал на экспансионистское давление Китая на Вьетнам по Парасельским островам и островам Спратли, а также когда Китай выступал против Лаоса, Таиланда и Камбоджи, строя дамбы в верхнем течении реки Меконг, и против Брунея, Малайзии и Филиппин, тоже по вопросу островов Спратли, и когда он выступал

против Японии (в связи с китайскими притязаниями на острова Сенкаку и прилегающий к ним район моря).

В то время как министр финансов Гайтнер (бывший исследователь Китая, а также бывший специалист по Китаю в прибыльной фирме Kissinger Associates Inc.) был настроен очень дружественно во время своих частых встреч с китайскими официальными лицами¹⁶³, госсекретарь США Хилари Клинтон открыто и неоднократно вступала в столкновения с министром иностранных дел Китая Ян Цзечи на встречах АСЕАН (хотя его вряд ли можно назвать коллегой госсекретаря

США, поскольку МИД КНР только претворяет в жизнь политику, но не формирует ее).

Помимо всего прочего за последние два года госсекретарь Клинтон предприняла следующие действия:

- ❖ Публично настаивала на том, что спор вокруг островов Спратли должен быть решен на многосторонней основе между Китаем и затронутыми спором странами АСЕАН, а не на двусторонней основе – между Китаем и каждой конкретной «малой страной», как выразился Ян Цзечи. Сначала это требование США было отвергнуто на двух встречах АСЕАН, но после того как провалились попытки запугать Вьетнам или убедить другие страны, китайцы, как было упомянуто выше, согласились на многосторонние переговоры по выработке «Кодекса поведения» в декабре 2010 года.
- ❖ Заявила о том, что проблема островов Сенкаку должна быть включена в договор между США и Японией от 1960 года (о взаимном сотрудничестве и безопасности), тем самым отвергнув современные китайские притязания на эти острова, хотя обычно внешняя политика США избегает подтверждения или осуждения тех или иных взаимных территориальных притязаний других стран.
- ❖ Положила начало созданию в 2009 году на деньги США «Инициативы по нижнему Меконгу» с участием Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и Таиланда; слово «нижний» элегантно исключило из состава участников Китай и его квазисоюзника Мьянму – на тот момент «режим отверженных¹⁶⁴». Эта комиссия вроде бы занимается только водой и рыбой, но интересно, что она собирается на уровне министров иностранных дел, а не министров сельского хозяйства и рыболовства. Повестка дня данной инициативы включает в себя всевозможные вопросы: изменение климата, инфекционные заболевания, образование, управление речными ресурсами и много всего другого, но в ней заявлена одна, каза-

лось бы, незначительная тема, которая на практике оказывается самой важной, а именно координация мер в ответ на строительство дамб, особенно, но не исключительно (тонкая грань), тех, которые строит Китай.

- ❖ Активно использовала любую возможность для укрепления сотрудничества с Индией, стремясь придать ему хотя бы некоторые признаки стратегического значения, прилагая усилия по преодолению бюрократических, ведомственных и культурных препятствий каждой из сторон, а также пытаясь извлечь максимум пользы из «123 соглашения» между США и Индией о сотрудничестве в деле мирного использования атомной энергии.

Это соглашение 123 было всего лишь необходимой предпосылкой для сотрудничества Индии и США в ядерной области, но оно само по себе стало значительным политическим, бюрократическим и дипломатическим мероприятием, которое к тому же привело и к ряду других:

- ❖ Преодолев очень интенсивное внутреннее сопротивление с обеих сторон (американские борцы против распространения ядерного оружия, сторонники автаркии в Индии), после напряженных переговоров 18 июля 2005 года премьер-министр Индии Манмохан Сингх и президент США Джордж Буш согласовали рамки будущего сотрудничества, согласно которым Индия обязалась разделить свои гражданские и военные ядерные объекты и поставить первые под контроль МАГАТЭ.
- ❖ Администрация Буша со своей стороны обязалась побудить конгресс США изменить Закон 1954 года об атомной энергии.
- ❖ Далее Индия должна была заключить соглашение с МАГАТЭ об инспекциях – довольно деликатная вещь, если учесть существование в стране военных ядерных объектов, не подлежащих инспектированию.
- ❖ США должны были обеспечить для Индии уникальное исключение из режима поставок ядерных материалов в многосторонней Группе поставщиков ядерных материалов (Nuclear Suppliers Group, NSG), что было отнюдь не легко, если учесть, что группа возникла прежде всего по инициативе США в качестве ответной меры на ядерные испытания в Индии в 1974 году.

Всего лишь через три года после первоначального соглашения Сингх-Буш, 1 октября 2008 года, конгресс США одобрил соглашение с Индией о сотрудничестве по использованию ядерной энергии в мирных целях, а 2 февраля 2009 года было заключено соглашение между Индией и МАГАТЭ, что позволило новой американской администрации Обамы начать реализовывать собственные меры по расширению стратегического потенциала американо-индийских отношений за пределы сотрудничества в ядерной области.

Устранение ограничений на поставки американского оружия в Индию, которые были законодательно введены в ответ на испытание Индией ядерного заряда в 1974 году, было, конечно, очень важным, и все же, благодаря ему, еще не было устранено самое большое препятствие на пути возобновления американских военных поставок, а именно – культурные и корпоративные различия. Между двумя сторонами отмечалось резкое несоответствие в использовании методов и процедур ведения бизнеса, а также различия в культурных кодах и формах проявления профессиональных амбиций. Так, с одной стороны находились представители государственной индийской аэрокосмической промышленности, которую контролируют давно находящиеся на своих должностях авторитарные менеджеры и наделенные брахманской надменностью ученые, а с другой стороны стояли тяжеловесные американские авиационно-космические и военные корпорации, с их прямолинейными и бескомпромиссными менеджерами, ригидными технологами, а также быстрыми и напористыми специалистами по сбыту. Сложно вообразить себе два столь различных сообщества, которых бы так глубоко разделяло отсутствие общего языка, как бюрократические структуры военной промышленности США и Индии, конкурирующие за приз парализующей несовместимости.

Именно поэтому индийские вооруженные силы, которые пережили десятилетия мучений в связи с затягиванием поставок со стороны собственной оборонной государственной промышленности¹⁶⁶ и десятилетия столь же бессилой ярости по поводу нежелания советской и российской оборонной промышленности поставлять вовремя запасные части (или хотя бы через год после согласованного срока), и почти столько же десятилетий недовольства очень высокими издержками по использованию прекрасных французских истребителей, сегодня оказались неспособны оснастить себя американскими самолетами и другим известным им вооружением, которое они желают приобрести (за исключением нескольких случаев, ставших возможными после мучительных и затяжных переговоров). Ведомственные барьеры очень сложно преодолеть. Несмотря на то, что уже состоялось несколько поставок оружия из США, ни одна из важных систем вооружения в Индии пока не является американской по происхождению, на фоне огромной массы советско-российского оружия, некоторых европейских самолетов и израильских авионики и ракет.

В Пекине отношения между Индией и США в сфере поставок оружия видят (или, по крайней мере, описывают) по-другому. Ниже следует версия стабильно «левацкой» (националистически-милитаристской) Глобал Таймз:

Визит президента США Барака Обамы в Нью-Дели в ноябре 2010 года может привести к поставкам американского оружия Индии на сумму в \$ 5 миллиардов... [Тем самым] ... США сменяют Россию как крупнейшего поставщика во-

оружений в Индию... [и] помогут Индии ограничить рост Китая. В списке индийских пожеланий системы ЗРК «Пэтриот», самолеты-заправщики компании «Боинг» и некоторые типы гаубиц, а общая сумма поставок может превысить 10 миллиардов долларов [рост более чем на 100%].

...Ведутся переговоры между официальными лицами Индии и США по закупке... 10 военно-транспортных самолетов «Боинг С-17».

Ван Минчжи, военный аналитик в академии ВВС НОАК [заявил, что]... такие поставки вооружений улучшат отношения между Вашингтоном и Нью-Дели, и, вольно или невольно, повлияют на ограничение влияния Китая в регионе... Например, если Индия получит военно-транспортные самолеты С-17, то мобильность ее войск, расположенных на границе с Китаем значительно возрастет¹⁶⁷.

Энергичное создание госдепартаментом США антикитайской коалиции (вне зависимости от ее субъективных целей) объективно соединяет все звенья цепи союзников США от Японии до Индии через Филиппины, Индонезию, Вьетнам и Сингапур, и эта цепь может прервать другую цепь – маршрут поставок из южных портов Китая до Порт-Судана¹⁶⁸. Поэтому легко понять заявления Китая о том, что политика государственного департамента США в целом недружественная, и что она пытается «окружить» Китай и даже приобрести возможность отрезать его от импорта нефти, газа и другого сырья.

Но это, естественно, невозможно, так как у США нет большого влияния на сухопутных соседей Китая: Российскую Федерацию, Монголию, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан. Во всех этих странах полно материальных и энергетических ресурсов, как только обнаруженных, так и уже доступных для разработки. А маршрут через Туркменистан может обеспечить доступ к фактическому союзнику Китая – Ирану, и тем самым ко всему Персидскому заливу с его уникальными ресурсами углеводородов. Госдепартамент США, действительно, пытается усилить решимость и потенциал тех стран, которые в последнее время подвергались угрозам со стороны Китая, как в словесной форме, так и в виде угрожающих маневров и навязчивого патрулирования, с чем сталкивалась и Япония, и Филиппины, и Лаос со Вьетнамом. Индия, которая не просила США о военной или дипломатической поддержке, также оказалась под давлением Китая из-за развития транспортной инфраструктуры в Тибете, количественного увеличения китайских гарнизонов и довольно агрессивного патрулирования индийской части границы в штате Аруначал-Прадеш, который китайцы считают своим «южным Тибетом» (Саньян).

Более того, в то время как министерство финансов США критикует Китай лишь в очень мягких и необидных терминах и только когда вызывающее поведение Китая слишком очевидно (например, в случае протекционизма при выделении государственных заказов), государственный департамент, особенно при госсекретаре Клинтон, очень активно критиковал Китай за политику, противоречащую американским ценностям. Например, в тот момент, когда министр финансов Гайтнер был даже более чем обычно склонен уйти от критики КНР, Хилари Клинтон перед встречей со своими китайскими коллегами в рамках уже упомянутого выше американско-китайского стратегического и экономического диалога 2011 года заявила в одном из интервью¹⁶⁹:

Мы имеем дело со многими странами, чьи экономические или политические системы далеки от того, чего мы бы желали... Но мы не отказываемся от дел с Китаем, потому что мы полагаем, что там плохо обстоят дела с правами человека.

Журналист Джеффри Голдберг, проводивший интервью: И действительно, китайцы действуют сейчас так, как будто бы они напуганы.

Клинтон: Ну да, они напуганы, и они пытаются остановить ход истории, что является абсолютно безнадежным делом. Они не могут этого сделать. Но они попытаются оттянуть неизбежное, насколько это возможно.

Политика государственного департамента в отношении Китая, таким образом, комбинирует три различных линии поведения, которые примиряют широкий спектр различных американских интересов:

- ❖ сотрудничество, которое развивается между американскими и китайскими государственными организациями для достижения целого ряда целей: от согласования непонятных технических стандартов до многосторонних инициатив против распространения ядерного оружия – причем установка на развитие этого сотрудничества настолько сильна, что некоторые должностные лица в госдепартаменте склонны ставить именно этот аспект во главу всего спектра взаимоотношений с Китаем;
- ❖ сдерживание, которое достигается быстрой и убедительной поддержкой соседей Китая – вне зависимости от того, связаны ли они союзными договорами с США – если они подвергаются давлению, для того, чтобы сделать их способными противостоять давлению Китая;
- ❖ в основном вежливая, но непрерывная идеологическая война против режима КПК путем постоянного напоминания о правах человека, иногда – политических правах, а также культурно-религиозных, если не национальных, правах тибетцев и в некоторой степени уйгуров (мон-

голы из Внутренней Монголии, возможно, стоят на очереди); и постоянными требованиями по освобождению резонансных диссидентов.

К концу 2011 года отмечалось чувствительное и очень явное ужесточение политики госдепартамента по отношению к Китаю, которое было описано и детально разъяснено госсекретарем Клинтон в программной статье под характерным заголовком «Американское тихоокеанское столетие», которую можно лучше понять, если выделить первое слово курсивом¹⁷⁰. Но главным словом было слово «стержень», описывающее поворот Америки от дорогостоящей и бессмысленной войны в бесполезном Афганистане и на стагнирующем Ближнем Востоке к динамичному азиатскому миру, начинающемуся в Индии. Естественно, речь Клинтон вызвала большой интерес в Пекине и, конечно, немалую порцию критики, причем не только из Китая, но и со стороны американских скептиков, которые выразили нежелание оставить Афганистан на волю его неминуемой судьбы, которая настигнет его скорее рано, чем поздно.

Хотя в статье много говорилось об американско-китайском сотрудничестве, которое действительно существует во многих областях, те (в Пекине), кто воспринял эту статью как выражение растущего внимания США к китайским экспансионистским тенденциям, были совершенно правы. Это стало абсолютно ясным из-за включения в статью пункта, приветствующего «прогресс в деле реализации Транс-тихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), которое собирает экономики стран с обоих берегов Тихого океана (как развитые, так и развивающиеся) в единое торговое сообщество» – и смысл здесь в том, что Китай не является частью TPP.

Если бы все это не сопровождалось заявлением президента Обамы об открытии новой американской военной базы в Дарвине, Австралия (он лично открыл ее 17 ноября 2011 года), то «ключевое» заявление Клинтон, возможно, имело бы меньший резонанс. И в самом деле, его, возможно, сочли бы всего лишь политическим пиаром госсекретаря, у которого все еще есть политическое будущее. Как бы там ни было, политика сдерживания Китая была впервые провозглашена официально, но ее стоит отличать от политики конфронтации, так как она носит ответный, а не самостоятельный характер, она даже вовсе не проявится, если Китай сам не будет нарушать баланс сил. К сожалению, быстрый военный рост Китая уже сам по себе является дестабилизирующим.

Подтверждением сохраняющегося преимущества США в балансе сил с Китаем является то, что госдепартамент, как и правительство США в целом, могут позволить себе одновременно проводить обе политические линии: сотрудничества и сдерживания. Если бы более сильная позиция была у Китая (как это

уже имеет место быть в отношениях КНР не только с попрошайками, но и, например, с Южной Кореей), США пришлось бы выбирать между сотрудничеством и сдерживанием – то есть, между сотрудничеством и подтверждением его ценностей.

Показателем прогресса Китая в деле навязывания другим собственных взглядов в области моральных ценностей является количество тех стран, которые отказывают в визе «Далаю» (так китайцы называют этого человека, отрицая его духовный статус), а это довольно длинный список, включающий подчеркнута буддистский (хотя и не тантрический) Таиланд, равно как и Южную Корею.

Возрастающая активность Китая в деле навязывания миру собственного представления о гармонии проявилась также и в той борьбе, которая развернулась вокруг присуждения в декабре 2010 года Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо (мы уже упоминали об этом инциденте ранее).

Для МИД КНР это была именно настоящая борьба, во время которой китайским дипломатам пришлось работать круглосуточно во многих столицах мира. Как уже упоминалось, из 65 глав дипломатических представительств в Осло или их заместителей (послов без постоянной аккредитации в норвежской столице на церемонию вручения Нобелевской премии не приглашали), Китай записал в свой актив самого себя, Россию, Казахстан, Тунис (при прежнем режиме), Саудовскую Аравию, Пакистан (живет на деньги США, но никогда не помогает Америке, если требуется его помощь), Ирак (ненаказанный за это Соединенными Штатами), Иран, Вьетнам (солидарность КПВ и КПК), Афганистан (тоже не наказан), Венесуэлу, Египет (другой ненаказанный получатель американской помощи), Судан, Кубу и Марокко (что точно отображает диктаторскую реальность этой страны за фасадом монархической мишуры). Но с другой стороны, Лю Сяобо и сторонники защиты прав человека любой ценой набрали 46 очков в виде гораздо более важных стран, таких как Аргентина, Босния и Герцеговина, Бразилия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Гватемала, Индия, Индонезия, Израиль, Япония, Южная Корея, Филиппины, Сербия, Южная Африка, Шри-Ланка, Таиланд, Турция и Украина в дополнение к странам-членам Евросоюза.

Но стоит отметить, что гораздо более значимой китайской целью является не запугивание стран типа Шри-Ланки и не подкуп стран типа Гватемалы по вопросу церемонии в Осло, а скорее попытка заставить США согласиться на истинный паритет с Китаем в формате «G-2», который включал бы «взаимное уважение», при котором ни одна из сторон не будет критиковать политическую систему другой и не будет помогать местным диссидентам.

Конечно, паритет между США и Китаем был бы с точки зрения Китая временным условием на пути к китайскому превосходству во всех делах, когда Пекин несомненно потребует уже безусловного уважения, помимо иных материальных льгот.

Формат «G-2» с полным паритетом в моральных ценностях, конечно, признается лидерами КПК как очень долгосрочная цель, но в один очень соблазнительный момент казалось, что она уже почти достигнута. Во время самой тяжелой фазы «свободного падения» мировой экономики, когда только что пришедшая к власти администрация Обамы просила поддержки Китая в повышении совокупного спроса путем более активного и немедленного расходования средств на государственные проекты (и успешно: я лично видел спустя несколько месяцев тысячи рабочих на строительстве дороги в провинции Юннань), США явно прекратили затрагивать тему прав человека. На брифинге по итогам «стратегического и экономического диалога» 2009 года, когда госсекретаря Клинтон пытались заставить высказаться по данной теме, она ответила в явно уклончивой манере: «Безусловно, мы имели конструктивный обмен мнениями по поводу нашего и китайского видения этой темы, и это было предметом большого внимания и интереса¹⁷¹».

Этот период прошел, но он оставил свои следы: именно финансовый кризис 2008/2009 годов спустил с цепи китайскую триумфальность с ее настаиванием на своем нынешнем или вот-вот наступающим превосходстве, и кроме того, Китай стал активнее требовать удовлетворения своих территориальных претензий – и словами, и делами.

Как оказалось, подобные действия стали преждевременными и контрпродуктивными для Китая, так как они выявили угрозу за маской «мирного подъема», и вызвали самые различные реакции, такие как: отказ Японии от флирта Одзавы с Пекином; формирование Австралией антикитайской коалиции; появление индийских двусторонних инициатив с рядом соседей Китая, начиная с Российской Федерации (помимо всего прочего, путем военных совместных учений); сближение Вьетнама с США и Индией; восстановление Филиппинами визитов американских боевых кораблей; и, что поражает больше всего – установление демократии в Мьянме и нормализация ее отношений с Западом, вместо пребывания в китайских объятиях.

Тем не менее, данный процесс не приведет к значимым результатам, если не будет прерван уникальный китайский экономический рост. Имея возможность расти на 9% в год в течение следующих десятилетий и направлять часть имеющихся ресурсов на укрепление своей мощи во всех ее формах, Китай уже может позволить себе не быть явно агрессивным или даже напо-

ристым, чтобы навязать свою волю практически всем странам вокруг себя, тем самым умножив свою мощь еще больше.

Третью линию американской политики по отношению к Китаю проводит Министерство обороны США. Мы уже касались этой темы, описывая случаи посещения боевыми кораблями США различных стран-соседей Китая. Министерство обороны в целом и отдельные части вооруженных сил США в частности были очень эффективны в деле сдерживания Китая, постоянно наращивая свои усилия, начиная с 2010 года.

Эти усилия проявлялись и в форме мало заметных обменов по программе обучения военных кадров (International Military Education and Training, IMET), и чуть более явно – в виде совместных учений ВВС. В частности, нужно отметить ежегодный «Командный бросок» («Commando Sling») с ВВС Республики Сингапур на военно-воздушной базе Пайя Лебар (которая не случайно находится в распоряжении ВВС США для вынужденных посадок, если в таковых возникает необходимость) или эффектное появление авианосцев с сонмом сопровождающих их кораблей. Вооруженные силы США дополняют отдельные заявления и встречи американской дипломатии своими более продолжительными связями: так, например, международная программа военного обучения (IMET) позволяет проводить на постоянной основе ежегодные учения и предполагает как отдельные визиты кораблей, так и их пребывание в портах на постоянной основе.

Все эти усилия бесполезны в случае стран, находящихся в плену враждебной идеологии (как это имеет место быть в случае с воинственным исламом в Пакистане), но в иных случаях вооруженные силы США служат для того, чтобы привнести гарантии безопасности в союзнические отношения. А в случае отсутствия формальных союзнических соглашений практические связи и сотрудничество с местными вооруженными силами могут их компенсировать, если конечно на политическом уровне между данной страной и Америкой царит согласие. Данное положение позволяет развивать весьма удовлетворительное сотрудничество с такими ценными «несоюзниками», как Вьетнам или Индонезия.

Даже если отвлечься от повседневных реалий сдерживания в Азии, которые подчас имеют местный и преходящий характер, то для всего министерства обороны США (и для ВВС, и ВМС США) Китай, бесспорно, стал будущим «главным врагом», по крайней мере, с точки зрения военного планирования и закупки вооружений. В то время как «глобальная война против террора» неумолимо теряет свое значение, так как большое количество потенциальных врагов (любые люди в любом месте, вдохновленные джихадом) компенсируется их бессилием, военный рост Китая (если отвлечься от немногих ис-

ключений) представляет собой гораздо более значительный и имеющий более далеко идущие последствия феномен.

Соответственно, приобретение новых мощных систем оружия в США все чаще оправдывается направленными на Китай задачами или, еще чаще, просто представляется как ответ на предполагаемое, а не действительное развитие Китая собственных систем вооружения. Не удивительно, что, например, ВВС США устраивают много шума вокруг нового китайского истребителя Chengdu J-20 Jian er shi («терминатор двадцать»), хотя еще не ясно, идет ли речь о настоящем прототипе, который можно в ближайшем будущем запустить в серию, или о простой модели будущего тяжелого, дальнего, снабженного антирадарным покрытием истребителя-бомбардировщика класса F-22, производство которого может начаться не ранее, чем через 10-15 лет, не говоря уже о совершенствовании его оперативных возможностей. Прежде всего, пока еще нет убедительного доказательства того, что Научно-исследовательский институт авиационных двигателей в Шеньяне может разработать достаточно эффективный и надежный двигатель, достаточно мощный для 70 000-80 000 фунтового самолета, такого как J-20 (хотя это могут изменить инновации, поставленные в КНР американскими фирмами «Дженерал Электрик» и «Пратт энд Уитни» в рамках уже упомянутых выше совместных предприятий).

Неудивительно, что столкнувшиеся с бюджетными сокращениями различные виды американских вооруженных сил склонны предвосхищать китайские возможности, которые еще в течение очень длительного времени не появятся на свет, и преувеличивать мощь уже существующих сил НОАК. Прежде всего, у них до сих пор нет единых командных структур выше уровня военного округа, то есть нет единого командования на национальном уровне, нет отработанного механизма концентрации сил различных военных округов или даже координации их действий. С оперативной точки зрения все это не имеет никакого смысла, но понятно, что никем не избранные лидеры КПК хотят сами командовать своими военными, а не опасаться их доминирования.

И все же американские военные правы, когда воспринимают Китай всерьез, пусть и не сегодняшнюю НОАК; и ВВС США, в принципе, также правы, серьезно относясь к проекту J-20; также ВМС США правы, воспринимая всерьез китайские подводные лодки и планы по постройке авианосцев КНР. Так как китайская экономика быстро предоставляет все возрастающие ресурсы, вся научная и технологическая инфраструктура Китая растет количественно и качественно, а это, в свою очередь, дает основу для военных инноваций во всех секторах и даже во всех подсекторах систем вооружения. Определяющий аспект китайской квазианархической системы (с высоким уровнем внутренней конкуренции) состоит в том, что каждый вид вооруженных сил и все

полувоенные формирования активно требуют для себя все больше ресурсов и обычно получают их. В результате на свет появляется огромное количество технологически все более и более передовых систем вооружений и их носителей.

В дополнение к своей активной роли по сдерживанию не слишком масштабных китайских угроз против морских владений американских союзников, квазисоюзников, новых или новых старых друзей, у вооруженных сил США была и остается задача противодействия масштабным военным угрозам со стороны Китая.

Из таковых самой возможной является периодически возобновляемая угроза вторжения на Тайвань или иное подчинение его силой – «воссоединение» на языке КНР.

Тайвань сегодня, как это понимает руководство КПК, в случае открытого использования против него силы, может не только спровоцировать военный ответ США с опасностью дальнейшей эскалации вплоть до применения ядерного оружия, но вызвать последствия более опасные, поскольку более правдоподобные: прекращение торговли с США, Японией и их единомышленниками. Такое эмбарго может быть объявлено почти немедленно, но будет снято лишь по истечении солидного интервала времени (объявленное в июле 1989 года эмбарго на торговлю оружием до сих пор остается в силе). Еще более неблагоприятным вариантом для Китая явилось бы активное сопротивление Тайваня, сопровождающееся большим количеством жертв среди военных и гражданского населения. В этом случае ограничения на импорт китайских товаров могли бы сопровождаться запретом на поставки сырья в Китай, включая нефть (поставки сырья из Австралии точно прекратятся немедленно).

Именно поэтому лидеры КПК ограничивали себя угрожающими перемещениями ракет, настойчивым воздушным патрулированием вблизи Тайваня и словесными угрозами даже тогда, когда правительство Тайваня возглавлялось сепаратистски настроенным президентом Чэнь Шуйбянем (Chen Shui-bian), сейчас заключенным номер 1020 в тюрьме Тайбэя Гуишань, графство Тайюань. Нынешняя роль Тайваня в политике КПК в целом и в военной политике КНР в частности точно описана в документе «Национальная оборона Китая за 2010 год», выпущенном в марте 2011 года Информационным бюро Госсовета КНР172, где в разделе I («Ситуация в сфере безопасности») говорится:

Обеим сторонам Тайванского пролива предназначено судьбой окончательно воссоединиться в ходе великого обновления китайской нации. На китайском народе по обе стороны пролива лежит ответственность работать рука об ру-

ку, чтобы покончить с враждебностью и не допустить повторения истории вооруженного конфликта между соотечественниками. Обе стороны должны занять позитивную позицию по отношению к будущему и пытаться создать благоприятные условия для постепенного урегулирования путем переговоров на основе равноправия имеющихся проблем: и унаследованных от прошлого, и новых, возникающих в ходе развития отношений по обе стороны пролива. Обе стороны могут обсуждать в прагматическом ключе политические отношения в особой ситуации, когда Китай еще не объединен. Обе стороны смогут поддерживать контакты по военным вопросам и в подходящее для этого время вести переговоры о механизме военной безопасности и взаимного доверия, чтобы действовать вместе для принятия мер по дальнейшей стабилизации отношений между разделенными проливом сторонами и для снятия опасений в сфере военной безопасности. Обе стороны должны провести консультации на основе сохранения принципа одного Китая для формального прекращения состояния войны и достижения мирного соглашения (курсив добавлен. – Э. Л.).

Все это касается прошлой гражданской войны между КПК и Гоминьданом: обе стороны должны путем переговоров закончить братоубийственный конфликт. Более того, так как по обе стороны пролива живут китайцы, то это фундаментальное равенство имеет приоритет перед неравенством баланса силы. Если учесть выраженную необходимость «проводить консультации» в целях создания предпосылок для «переговоров о механизме военной безопасности и взаимного доверия», для достижения «постепенного урегулирования...», то становится ясно, что никакой срочности в решении тайваньской проблемы нет. Далее, учитывая, что между обеими сторонами сейчас установлены отношения «равноправия», как между КПК и Гоминьданом (а не с коренным населением Тайваня – южными варварами, говорящими на языке миньнань), то естественно, что у обеих сторон есть вооруженные силы, которые в документе прямо не упомянуты.

В настоящее время представляется, что готовность США сдержать или даже отразить атаку на Тайвань вряд ли подвергнется реальному испытанию. Несмотря на то, что современный Китай похож на Германию образца после 1890 года, так как он успешно продвигается на всех мирных направлениях, и при этом упорно стремится к бесполезному наращиванию военного потенциала, а также рассыпается подчеркнута агрессивными заявлениями по поводу маленьких островков и мелей¹⁷³, но, тем не менее, мы пока еще не видим признаков приближения другого 1914 года – опасности того, что вся эта история окончится войной, разрушениями и поражением, как уже упоминалось выше. Вместо приближения к войне пока налицо вредящая самому Китаю политика, когда он объединяет против себя большие и малые страны, стремящиеся сдержать дальнейший рост его мощи. В этой игре для излишне

успешного Китая пока еще не предвидится тот же исход, который в свое время возымела излишне успешная Германия, потому что это бы потребовало масштабной длительной войны, которая просто невозможна в условиях наличия ядерного оружия – этого суда последней инстанции, где может быть оспорен любой вердикт низшего суда, означающего обычный военный конфликт. Военная мощь сохраняет свое значение в отношениях между ядерными державами, так как ядерное оружие все же не может успешно предотвратить любой вооруженный конфликт между ядерными державами, инциденты могут иметь место и способны перерасти в локализованные боевые действия. Но, тем не менее, военная мощь может обеспечить лишь локальное доминирование, но не стратегический исход всего конфликта.

И, кроме того, в данном случае вряд ли сработает стратегия типа «звездных войн», то есть Китай нельзя вывести из игры путем перенапряжения его технологического потенциала. Чего бы ни добилось министерство обороны США путем приобретения оружия для соревнования с китайской программой вооружений или, точнее, для решительного превосходства над китайским потенциалом, оно не может достичь того грандиозного результата, который был достигнут в технологическом соревновании с Советским Союзом в конце 70-х и в 80-х годах. Тогда, пытаясь не отстать от американских военных инноваций, Советский Союз тратил на эти цели все большую и большую долю своих скудных высокотехнологических ресурсов из все более и более стагнирующей экономики. Когда же отставание от США стало слишком очевидным, советские лидеры при Горбачеве попытались реконструировать экономику под лозунгом перестройки, но вместо этого произошла дезинтеграция плановой экономики, которая, в свою очередь, развалила всю советскую систему.

Напротив, в нынешнем соревновании стагнирует отнюдь не китайская экономика, а скорее экономика США, так как ее самый высокий и длительный рост не превышает 4% или что-то вроде того, в то время как экономика Китая способна расти в два раза быстрее на многие годы вперед, если не учитывать временные колебания темпов роста.

Таким образом, в арсенале министерства обороны США нет ничего: ни возможности оказывать поддержку в сдерживании Китая, которая сама по себе является необходимой, но недостаточной, ни возможности опустошения Китая путем войны, ни технологического наступления в духе «звездных войн» – все это вряд ли способно остановить процессы, уже сегодня подрывающие материальную основу американской гегемонии и увеличивающие материальную основу китайской мощи. Если сформулировать это более примитивно, то эта задача министерству обороны США не по зубам. Данное положение подтверждает и недавно взятая на вооружение концепция «воздушно-морского сражения», где речь идет в основном о достижении большей «слаженности»,

особенно между ВМС и ВВС США, чтобы позволить им более слаженно комбинировать свои силы в бою. Такая направленность делает данную концепцию тактической или, в крайнем случае, оперативной, то есть превращает ее в набор правил для того, чтобы сделать более эффективным сражение с участием кораблей и самолетов, со всеми их средствами обнаружения и системами вооружения. Однако для продвижения концепции был создан целый офис во главе с трехзвездным офицером, и просто потому, что в концепции речь идет об огромном театре военных действий и больших расстояниях, то есть имеется в виду скорее Тихий, чем Атлантический океан, цель этой концепции «воздушно-морского сражения» была поднята на стратегический уровень, или, другими словами, на уровень театра военных действий, то есть чуть ниже уровня национальной стратегии, но выше оперативного и тактического уровней. Более того, в концепции сделан упор на сверхсовременные технологии, сверхдальние силы, автоматические системы глобального действия и так далее.

Все это весьма неуклюже, поскольку, когда новый офис информирует новых и старых союзников об этой концепции, они скорее тревожатся, чем успокаиваются. Во-первых, термин «дальнее действие» заставляет их думать, что силы США будут отведены на рубежи Гуама или даже Австралии, оставив их одних без нынешних американских гарнизонов, например, в Японии. Во-вторых, они опасаются, что разговоры о «воздушно-морском сражении» подразумевают готовность к быстрой эскалации в ответ на незначительные китайские провокации или, что еще хуже, неспособность США сдержать китайцев, не прибегая к самому настоящему сражению. В-третьих, не очень развитые в военном отношении, но готовые к взаимодействию союзники США, подверженные давлению Китая на море, не видят, каким образом они могут быть полезными и способны помочь американским силам в «воздушно-морском сражении», ведь эти силы столь высокотехнологичны. И все же эти союзники могут оказаться очень эффективными в отражении мелких вторжений в свои воды, в борьбе небольших кораблей среди рифов, отмелей и скал и даже в дуэлях береговой артиллерии.

И, главным образом, разговоры о «воздушно-морском сражении» вредны, потому что они очень далеки от геоэкономического сдерживания, в соответствии с правилами которого, действия становятся более эффективными в том случае, если дорогостоящие военные усилия скорее минимизируются, чем максимизируются.

22. Выводы и прогнозы

Все представленные в данной книге выводы базируются на том, что определенные современные тенденции будут продолжаться и в будущем. Но если экономика Китая прекратит быстро расти, то не будет и глобальной геоэкономической реакции противодействия Китаю. И если КПК прекратит реализацию стратегии по наращиванию военного потенциала или если ее власть пошатнется, то не будет и соответствующей геополитической реакции, даже при условии продолжения экономического роста Китая.

Первая предпосылка, на которой основаны выводы этой книги, заключается в том, что экономика Китая продолжит очень быстро расти, несмотря на возможные временные срывы, то есть речь идет о росте на 8% в год и более. А это в два раза меньше, чем самый высокий уровень роста, зафиксированный в предкризисном 2007 году, но все равно в два раза больше, чем самый высокий длительный рост экономики США, не говоря уже о более низких темпах роста американской экономики в последние годы.

Однако рост китайской экономики может замедлиться по целому ряду причин, включая, например, беспорядочный рост долга местных органов власти (40 процентов ВВП КНР, а может и все 50%). Долг не может просто продолжать расти до бесконечности. А когда этот процесс замедлится, то это окажет негативное воздействие на строительство и инфраструктуру, сильно сократив общий рост китайской экономики, даже при том, что остальные показатели останутся на прежнем уровне. Рост инфляции тоже может стать препятствием, так как она заставит Народный банк Китая сократить кредитование коммерческих фирм, что снизит внутреннее потребление и, тем самым, экономический рост в целом.

Если прибегать к более широким обобщениям, то обычно очень быстрый первоначальный рост отсталых экономик приводит потом к постепенному замедлению. Это случается потому, что прекращается приток дешевой рабочей силы из деревни. Уже сейчас недостаток неквалифицированных или низкоквалифицированных рабочих в индустриальных центрах КНР приводит к инфляции, вызванной ростом зарплаты, и мешает продолжению быстрого роста экономики.

Если сделать еще более широкие обобщения, то можно сказать, что пока экономический рост Китая в непропорционально большой степени зависит от экспорта (поскольку очень высокая норма внутреннего накопления сильно ограничивает потребительский спрос в самом Китае), но среднегодовой рост в 9% не может долго продолжаться, если темпы роста в странах-объектах

китайского экспорта станут гораздо ниже или если в них вообще не будет экономического роста.

Быстрый экономический рост Китая может также столкнуться с помехой в виде экологических проблем, вызванных этим же самым ростом. Сюда относится сильное загрязнение воздуха, которое может достичь таких пределов, что приведет к прекращению развития промышленности в крупных городах или даже к закрытию отдельных производственных подразделений или целых фабрик. Если власти не вмешаются, то могут вспыхнуть народные протесты, которые в ряде случаев могут достичь такой силы, что заставят закрыть наиболее сильно отравляющие окружающую среду фабрики, а возможность режима подавлять недовольство китайцев голой силой сокращается (напротив, протесты национальных меньшинств по-прежнему подавляются крайне жестоко).

Именно это и произошло в августе 2011 года в относительно благополучном с точки зрения доходов населения, довольно приятном для жизни и еще относительно чистом порту Далянь, который включает в себя все, что осталось от исторического города Порт-Артур и японского Дайрена. Там возникли массовые протесты с участием более 10 тысяч демонстрантов, требовавших закрытия завода по производству диметилбензола, ароматизатора, который, как считается, может вызвать рак. Поначалу эти протесты пытались сдержать с помощью обычной тактики полиции по контролю над демонстрациями. Но когда количество демонстрантов превысило 50 тысяч человек или даже больше, то у властей остался лишь один выбор – жесткое подавление или капитуляция, причем был выбран последний вариант¹⁷⁴. Конечно, Даляню без этой фабрики лучше, но ее перемещение в другое место сопряжено с расходами, которые подрывают конкурентоспособность китайской экономики в целом. Но что более важно – этот эпизод, закончившийся унижением властей, стал примером для других местных городских властей по всему Китаю, и они стали более негативно относиться к размещению в городах явно вредных производств, а это тоже ведет к повышению издержек производства, которые еще более вырастут в перспективе. Где грязь – там деньги, а чистое небо может замедлить экономический рост.

Чистый воздух, или хотя бы возможность дышать без немедленного отравления – это то, что необходимо для жизни, другой необходимостью является наличие чистой питьевой воды, хотя бы в минимальных объемах. Но организация водоснабжения становится все дороже, по мере того как сокращаются естественные источники воды из-за роста городского населения и увеличения потребления, вызванного растущим жизненным уровнем (а значит и растущим уровнем гигиены), равно как и промышленным потреблением. Опишем, в качестве примера, текущую ситуацию в городе Тяньцзинь – огромной

урбанизированной области, которая во все большей степени зависит от воды из моря, для чего в октябре 2011 года был завершен монтаж работающего на угле опреснительного завода из Израиля стоимостью примерно 26 миллиардов юаней, или 4 миллиарда долларов США¹⁷⁵. Это очень большой завод по мировым стандартам, но за исключением Персидского залива, где газ (а, может, даже нефть) является практически бесплатным товаром, опреснительные установки все еще очень дороги и могут служить для снабжения водой лишь небольшого населения с высокими доходами, например, в таких местах, как туристические карибские страны или Израиль. Но в агломерации Тяньцзиня более 13 миллионов человек, и у ее властей нет иного выбора, кроме снабжения населения опресненной водой, издержки по производству которой в два раза превышают ее продажную цену по нынешнему городскому тарифу (который нельзя повысить без риска вызвать народные протесты). Более того, в дополнение к прежним естественным источникам воды и усиленному использованию очищенных вод, Тяньцзиню все равно понадобится еще больше опреснительных установок, каждая из которых стоит не менее 20 миллиардов долларов США.

Такие расходы не ведут к снижению ВВП. Напротив, они помогают его росту. Но если заменить дешевую естественную пресную воду опресненной, то это все равно ведет к росту издержек производства, которые тогда придется сокращать в другом месте, например, за счет личного потребления или сокращения производственных инвестиций, если не за счет снижения государственных военных расходов. Даже приняв в расчет то обстоятельство, что в Китае отсутствуют тысячи хорошо финансируемых групп защитников окружающей среды, которые громко протестуют (чтобы получить дополнительное финансирование) против всех форм горнодобывающей, промышленной или инфраструктурной активности, ясно, что экологические препятствия того или иного рода будут мешать китайскому экономическому росту. В любом случае, более медленный рост ликвидирует базовую предпосылку этой книги, так как медленно растущий Китай не вызовет сопротивления своих соседей и соразмерных ему соперников на международной арене.

В то же время, в основе этой книги лежало одно допущение, которое также может оказаться под вопросом: это предположение, что КПК сохранит прочный контроль над Китаем вне зависимости от угроз стабильности ее режима, больших, малых и пока неизвестных, прежних или только формирующихся. Нет абсолютно никакого смысла размышлять о вероятности появления той или иной опасности для режима КПК: угрозы, кажущиеся наиболее вероятными, можно легче предвидеть и энергичнее подавить, так что для диктаторских режимов гораздо опаснее неожиданные, невероятные угрозы. Достаточно одного примера: тунисский диктаторский режим бен Али, который 23 года эффективно подавлял все попытки организации оппозиции, был сверг-

нут менее чем за месяц между 16 декабря 2010 года и 14 января 2011 года спонтанными протестами, возникшими после того, как один продавец фруктов поджег себя в знак протеста против издевательств, которым он подвергся со стороны муниципальной служащей и ее помощников (ирония заключается в том, что семья торговца объяснила его поступок именно тем, что он подвергался издевательствам со стороны женщины: мусульманский негативный взгляд на продвижение женщин в общественной жизни, которому активно содействовал режим бен Али, что было одним из его достоинств в глазах Запада).

Именно такие неожиданные повороты судьбы и оказываются проклятием для всех даже самых солидных и прочных диктатур, которые часто рушатся именно из-за своих немногих добродетелей (а не из-за многочисленных пороков), таких как аграрная реформа в шахском Иране, вызвавшая сопротивление землевладельцев из числа духовенства, или попытки Горбачева модернизировать геронтократию советской коммунистической партии, которая могла бы еще существовать десятилетия при менее энергичном, менее умном и особенно – менее склонном к экспериментированию – руководителе.

Таким образом, не пытаясь ранжировать возможные угрозы для режима КПК по степени их важности, можно лишь попытаться назвать самые потенциально опасные из них. Несомненно, есть и другие угрозы, некоторые из которых сегодня даже нельзя себе представить, но они-то и могут оказаться самыми фатальными:

- ❖ Возросшее социальное напряжение, вызванное еще более резким имущественным расслоением в стране, которая все еще пронизана официальной эгалитарной идеологией.
- ❖ Участвовавшие беспорядки против местных властей, вызванные, прежде всего, экспроприацией земли, помимо прочих безобразий со стороны официальных лиц. Подобные акции протеста и так уже случаются каждый день (иногда отмечается более сотни акций в течение дня), и некоторые из них отличаются достаточной высокой степенью насилия, например, сожжением полицейских автомобилей. Но далее это не так опасно по сравнению с тем, что эти акции могут спровоцировать беспорядки в других местах: вызванные жестким подавлением случившихся беспорядков, или наоборот – тем, что это подавление было недостаточно жестким, или просто по случайным причинам. Случаются и протесты против действий полиции против популярных на местах преступных группировок¹⁷⁶.
- ❖ Этнические беспорядки, влияющие на положение страны в целом, а значит, имеющие политическое значение. В настоящее время они пе-

риодически случаются в автономной провинции Внутренняя Монголия, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также в Тибетском автономном районе и в населенных тибетцами частях провинций Цинхай и Сычуань, существует угроза их распространения и в Юннани. Возможно, что беспорядки вспыхнут и в местах проживания мусульман хуэй, которые сейчас вроде бы спокойны, но имеют богатую традицию очень разрушительных восстаний на территориях провинций Цинхай, Ганьсу, Шанси и Юннань в 1862-1877 и снова в 1985-1986 гг. Еще более существенные и масштабные проблемы вызывает угроза единству рядов самой КПК, которая проистекает из банкротства идеологии номинально коммунистического режима, активно продвигающего капитализм. Утрату когда-то мощной идеологической мотивации режим одно время пытался заменить декорацией маоизма, путем организации массовых процессий, сопровождающихся размахиванием флагами, массовыми хоровыми исполнениями партийного гимна или утомительными праздничными мероприятиями. Но ничто из всего этого в конечном итоге не смогло побудить кого-либо служить интересам КПК без денежного вознаграждения.

Подобными массовыми и бесполезными постановками в свое время прославился Бо Силай (Bo Xilai), член политбюро, бывший министр и бывший лидер партии в агломерации Чунцин с населением примерно в 28 миллионов человек, прежде чем стать жертвой скандала¹⁷⁷. В отсутствие мотивирующей идеологии двигателем КПК могут стать только личные карьерные амбиции, как это и имеет место в случае со всеми другими неидеологическими организациями. Но проблемой КПК является превалирование скорее чисто материальных, чем политических властных амбиций, вызывающее коррупцию, которая ведет к подрыву влияния партии и к разрушению ее внутреннего единства.

- ❖ И, наконец, существует еще одна, и, пожалуй, самая мощная сила, действующая против существующего режима, – это постоянно растущее недовольство образованных слоев населения, которые хотят добиться для себя такой же свободы, которая есть у их собратьев в других странах, и о которой они узнают с помощью старых и новых средств коммуникации. Интернет можно дешево фильтровать по контенту или даже отключить вовсе, но даже очень бдительные и выносливые цензоры не смогут уберечь китайских читателей от идеологической отравы, содержащейся в книгах. Они могут добиться исключения книг явных диссидентов или открытых оппонентов режима с полок книжных магазинов, они могут подвергать цензуре книги, напрямую затрагивающие политику, но они не смогут исключить из обращения гораздо более подрывные по сути романы Конрада, Диккенса или Манцони, даже если не говорить о нескольких якобы явно аполитичных

китайских романах, таких как бестселлер Lang Tuteng (то есть «Тотем волка») писателя Ли Чжанминя, пишущего под псевдонимом Чжан Лон, чья финальная патриотическая песня не может заглушить все предыдущее повествование, в котором описывается гротескное разрушение во Внутренней Монголии стадного коллективизма, созданного КПК, в контрасте с описанием командной работы, которую допускает дух индивидуализма. Если посетить книжный магазин Ксайдэн (Xidan), занимающий собственное большое здание на проспекте Чанъян в сердце Пекина, то можно увидеть на полках обилие «объективно» подрывных книг, чье воздействие гораздо менее заметно, но неизмеримо глубже, чем у записей в Твиттере или в микроблогах.

Таким образом, китайские правители и официальные лица органов безопасности отнюдь не уверены в стабильности своего правления, если судить по их свехистеричной реакции даже на слабые признаки «жасминовой революции» в социальных сетях весной 2011 года. Может они и не столь уж излишне предусмотрительны, а просто лучше информированы о хрупкости своего правления, чем наблюдатели со стороны.

Наконец, данная монография исходит из предположения, что лидеры КПК в предстоящие годы будут продолжать наращивать китайские военные и прочие связанные с ними расходы¹⁷⁸ пропорционально экономическому росту КНР, который (как предполагается) тоже будет сохранять очень быстрые темпы. В настоящее время вся доступная информация подтверждает это предположение, но, в то же время, вся доступная информация обычно бывает ретроактивна или декларативна. Теоретически возможно, что пропорция бюджетных средств, направляемая на военные и сопряженные с ними расходы, может быть сильно сокращена, например, для реализации объявленных планов по созданию государственной системы медицинского обслуживания или для обеспечения минимальных пенсий по старости.

Именно на этих довольно хрупких предположениях основаны выводы настоящей монографии.

Первый вывод состоит в том, что уже просто из-за своих огромных размеров и даже вне зависимости от конкретного поведения на региональной и международной арене, очень быстрый рост экономического потенциала и военных расходов Китая должен вызвать реакцию противодействия в соответствии с логикой стратегии.

При всех прочих неизменных факторах, если огромный Китай будет продолжать свой очень быстрый военный рост, и если, конечно, этот рост не завершится изменением баланса сил, благодаря прохождению кульминационной

точки сопротивления, после чего у окружающих появится готовность в той или иной форме подчиняться его силе, то возвышение Китая вызовет перегруппировку сил, направленных уже против него, так что бывшие китайские союзники станут нейтралами, бывшие нейтралы превратятся в противников, а старые и новые противники объединятся в коалицию (формальную или неформальную) против чрезмерно усилившегося Китая.

Правительства соседних государств, которые опасаются за свою независимость, правительства стран, находящихся в большей безопасности (например, Австралия), но, тем не менее, не желающие принять возросший международный авторитет Китая, сохраняющего авторитарный стиль правления, а также правительства Соединенных Штатов, Российской Федерации и Индии, которые стремятся помешать возникновению глобальной китайской гегемонии – все они уже сейчас реагируют на подъем Китая мерами по усилению собственной мощи, включая увеличение военного потенциала, но в основном, выстраивая различного рода комбинации против Китая. Американское и российское правительства, конечно, вряд ли объединятся между собой, но каждое из них явно объединяется с Индией, что в какой-то мере заменяет формальный американско-российский альянс.

Такие реакции как раз и являются проявлением той самой логики стратегии, и уже сами по себе гарантируют, что Китай не сможет одновременно повышать и свою военную мощь, и дипломатическое влияние (или, если взять шире – влияние политическое, как мы уже видели). Рост относительной мощи Китая по сравнению с каждым из его более слабых соседей, в конце концов, может преодолеть некий переломный пункт и привести к их подчинению (в той или иной форме). Но продолжающийся рост военной мощи Китая вызовет повторный рост сопротивления его политическому влиянию, чем ослабит эту самую мощь, так как потенциальные враги Китая найдут союзников и сформируют антикитайские коалиции.

Неизбежная реакция на быстро растущую мощь КНР еще более усилилась после 2008 года, когда различные государственные структуры Китая, действующие в разных сферах международной деятельности, вдруг стали произносить много надменных слов и совершать провокационные и даже угрожающие действия. Стоит отметить, что эти инициативы исходят от правящей верхушки, узкой группы руководства внешней политикой КПК (Zhongyang Waishi Gongzuo Lingdao Xiaozu), контролирующей работу МИД, а также, помимо прочего, Организацию по контролю на море КНР (CMS, Zhongguo Haijian), Государственную администрацию по океанологии, действующую в наиболее провокационной манере из всех китайских полувоенных морских организаций, и иные многочисленные министерства: вооруженных сил, государственных предприятий и так далее.

Каждое отдельно взятое из китайских ведомств, работающее на международной арене, весьма активно действует в отстаивании своих ведомственных интересов, но общий результат такой деятельности часто противоречив и вредит интересам Китая в целом, вызывая враждебную ответную реакцию¹⁷⁹ (как это имело место в кратко рассмотренных выше случаях с Японией, Вьетнамом, Монголией, Индонезией и Филиппинами).

Помимо стран, которым угрожают максималистские претензии Китая на море, и Индии, чьи сухопутные границы оспаривает Китай, китайское влияние сократилось и во всех других частях мира, несмотря на постоянно растущую важность китайской экономики и наличие реальных выгод от взаимодействия с ним. Разные страны от Австралии до Мьянмы предприняли конкретные меры по противодействию китайскому давлению, часто стремясь укрепить свои отношения не только с США, но также и с Российской Федерацией. Только в Южной Корее влияние Китая усилилось, а не ослабло, не в последнюю очередь из-за культурной предрасположенности Южной Кореи к сервильности по отношению к Китаю и всему китайскому. В этом, как уже отмечалось, Южная Корея является прямым антиподом Вьетнаму, чья политическая культура базируется как раз на сопротивлении китайскому влиянию, несмотря на еще сохраняющиеся межпартийные связи коммунистических партий обеих стран.

Китайские дипломатические провалы в регионе, который вроде бы должен быть естественной сферой китайского влияния, еще более очевидны на фоне возрастающего значения для отдельных стран торговли с Китаем, включая как импорт, так и экспорт, инвестиции, и, в последнее время, туризм. Все эти факторы имеют и глобальное значение, но в Азии они особенно важны. Выше уже было показано, что эти провалы не являются следствием отдельных ошибок или промахов тех или иных лиц, но вытекают из глубоко укоренившейся стратегической культуры, которая столь же интеллектуально соблазнительна, столь и ошибочна. Вредные последствия таких установок отмечаются на протяжении всей истории нации Хань. Китай блестяще проявил себя в создании богатства и культуры, сотворив их из своей земли и воды благодаря тяжелому труду и мастерству. Но в то же время, он проявил поразительный аутизм ко всему некитайскому (неханьскому) и тем самым оказался неспособным успешно противостоять внешнему миру, ни в военном, ни в дипломатическом смысле. Это не та культура, которая подходит для гибкого взаимодействия с другими странами, как равный среди равных, ведь она формировалась в условиях китаецентричной системы координат, где всем другим народам отводилась роль данников.

Такая беспомощность усугубляется стремлением приобщиться к высшей стратегической мудрости, почерпнутой из древних текстов – все это иллюзии, которые подчас усиливаются наивными или позерскими заявлениями

иностранцев¹⁸⁰ и стойко сохраняются в исторической традиции. На протяжении двух третей последнего тысячелетия китайцами, несмотря на их развитую письменную культуру, управляли немногочисленные менее развитые чужеземцы, которые завоевали и покорили их, потому что пригодные только для внутреннего использования китайские стратегические истины были сметены синергетической комбинацией силы и дипломатии, чего не достает и современной китайской политике.

Прогнозы. Даже если нынешние довольно слабые лидеры КПК сменятся [книга была написана до очередной смены китайского руководства в 2012 году – прим. ред.], основа власти партии останется той же самой, китайское государство будет стремиться продолжать наращивание военных мускулов со скоростью, сравнимой с темпами экономического роста, или по возможности быстро, одновременно стараясь продвигать свои притязания на море в угрожающей манере. Будут происходить и периодические акции по подавлению внутренней оппозиции, которые напомнят миру, что Китай управляется самоназначенной элитой авторитарной партии, и ему не присуще верховенство закона.

Возникающие в результате этого реакции противодействия со стороны других государств, диктуемые логикой стратегии и выражающиеся в укреплении собственного потенциала или в формировании антикитайской коалиции, уже сегодня лишают китайское правительство большей части того престижа и влияния, которое естественным образом должно было возникнуть из больших экономических успехов Китая. В данном случае не помогают ни его огромные золотовалютные резервы, ни притягательность к доступу на быстро растущий китайский рынок. Даже страны, наиболее зависимые от китайской экономики, часто действуют вопреки желаниям Китая, с очень немногими исключениями, самым важным из которых является Южная Корея.

Показателем стратегического провала Китая является растущее влияние Соединенных Штатов в Восточной Азии и за ее пределами. Казавшиеся уже прерванными союзнические отношения возобновляются, как это имело место в случае с Японией и Филиппинами, а кроме того возникли эмбриональные союзнические отношения между США и Индией, а также в некоторой степени с Индонезией и Вьетнамом, официальный меморандум о военном сотрудничестве с которым был подписан 19 сентября 2011 года¹⁸¹. Если добавить сюда Австралию и Сингапур, прочный военный союз которых с США никогда не ставился под сомнение, то уже этих стран достаточно для формирования существенного противовеса китайской нынешней и будущей военной мощи. И ничто, кроме быстрого военного роста Китая и его угрожающего поведения по отношению к соседям, не объясняет наличия медленного, трудного, не-

уверенного, но неустанно развивающегося стратегического партнерства между США и Индией.

Примечательно, насколько неэффективно китайцы действовали в спорных территориальных вопросах, которые мешают их примирению с Индией. В январе 2012 года прошел пятнадцатый раунд консультаций на самом высшем неполитическом уровне («специальные представители»), при этом Китай представлял Дай Бингуо (Dai Bingguo), отвечающий за международные вопросы в Госсовете КНР, то есть в самом влиятельном государственном органе по этой проблематике, превосходящим по значению министра иностранных дел. В результате реализации еще одной инициативы по смягчению напряженности на границе был учрежден «Рабочий механизм по консультациям и координации в индийско-китайских пограничных вопросах» для создания системы связи в режиме реального времени между МИДами обеих стран на случай инцидентов на границе или «линии текущего разграничения контроля», которая, однако, оспаривается обеими сторонами. Но достигнутый с таким трудом прогресс в диалоге между дипломатами, которые действительно напряженно трудились с обеих сторон, был сведен на нет растущим числом нарушений границы китайской стороной: от примерно 200 случаев в 2010 году до примерно 300 в 2011 году, и эта тенденция продолжается по сей день¹⁸². Конкретные результаты этого можно наблюдать не в официальной внешней политике Индии (которая продолжает стремиться к улучшению отношений с Китаем), а в ее оборонной политике, которую сегодня характеризует рост расходов на закупку вооружений как внутри страны, так и за границей, направленных уже скорее против Китая, а не против Пакистана. Объективно это оказывает влияние на соотношение сил всех стран, сталкивающихся с Китаем.

Более того, формирование антикитайской коалиции в ответ на растущую мощь КНР происходит и без участия США, на двустороннем уровне, и в очень благоприятной для интересов безопасности США форме. Например, в то время как Вьетнам хочет купить на Западе противолодочные патрульные самолеты и в настоящее время выбирает между американскими и западноевропейскими моделями¹⁸³, он также заказал у России шесть дизельных субмарин – охотников за подводными лодками класса 636 «Варшавянка» (или «Kilo class» по классификации НАТО): ведь самая крупная база китайских подводных лодок на острове Хайнань находится всего в 200 милях от вьетнамских берегов. Это будут первые полноценные подводные лодки ВМС Вьетнама и, соответственно, тренировку их экипажей придется начать с нуля.

О новой интересной группировке стран свидетельствует то, что 16 сентября 2011 года индийская делегация во главе с министром обороны Шашикантом

Шармой согласилась предоставить Вьетнаму возможность обучать своих офицеров на тренировочной базе индийского подводного флота в Вишакапатнаме¹⁸⁴. Это та услуга, которую вряд ли предоставили бы США, так как в ВМС США вообще нет дизельных электрических подводных лодок, в то время как у Индии есть советские подводные лодки такого же класса. В качестве одной из ответных услуг, ВМС Индии получают возможность обслуживаться во вьетнамских портах.

Параллельно возникшая стратегическая кооперация между Вьетнамом и Филиппинами, укрепленная встречами на уровне министров¹⁸⁵, имеет незначительное военное измерение, так как вооруженные силы Филиппин имеют очень ограниченную боеспособность; но это сотрудничество очень важно дипломатически, ибо урегулирование вьетнамско-филиппинского спора в архипелаге Спратли не даст Китаю возможность вбить клин между этими двумя странами.

Другие антикитайские пары возникают между иными государствами от Средней Азии до Японии. Ни одна из этих пар пока не может быть описана как сильный альянс между солидными партнерами, как это имеет место в случае военных союзов США с Австралией и Японией, но все они в своей совокупности служат тому, чтобы Китай превратился в Гулливера. Последствия для США могут быть неожиданными, а иногда даже и нежелательными (например, поставка российских боевых самолетов Вьетнаму), но, тем не менее, все это уже стало реальностью.

В силу всех этих событий, а кроме того – благодаря базам, которые предоставят американцам их старые и новые союзники, в среднесрочной перспективе угрозы, вызываемые военным ростом Китая, довольно легко будут нивелироваться военной мощью США. В последнее время проявилась тенденция преувеличения китайской военной мощи или, по крайней мере, темпов ее роста в будущем. Текущие сокращения военного бюджета США усиливают тенденцию преувеличения китайской военной силы, по контрасту с ожидаемым сокращением военной силы США. Однако разрыв между США и Китаем очень велик: соотношение по авианосцам 11 к 1 – наиболее наглядный в этом отношении факт, причем, отнюдь не вводящий в заблуждение.

Возможно, американская военная мощь когда-нибудь и превратится в руины, но пока еще ее хватит не на годы, а на десятилетия самых разных провалов и разорений. Более того, мы вправе ожидать, что сокращение военных расходов США будет в определенной степени сведено на нет сокращением финансирования очень дорогостоящих и не очень эффективных методов «борьбы с повстанцами», применяемых по отношению к целым странам, и вместо

этого упор будет сделан на антитеррористическую борьбу, нацеленную на отдельных лиц.

В течение трех прошедших десятилетий происходил очень быстрый рост экономического потенциала и военной мощи Китая, но с 2008 года он сам постепенно превратил в своих врагов три страны; Индию, Японию и Вьетнам, а ведь эти страны в совокупности равны или даже превосходят Китай по численности населения, валовому внутреннему продукту и совокупному технологическому потенциалу. Так как эти три страны еще не являются союзниками, их потенциал не может быть сложен в нечто целое, но каждая из этих стран является стратегическим партнером США, а у последних также есть внушительные население, ВВП и технология, которые можно было бы добавить к этому балансу сил.

Важно отметить, что восприятие США как клонящейся к упадку державы делает Америку еще более ценным союзником для Индии, самой амбициозной из членов возникающей антикитайской коалиции, и потенциально для Российской Федерации, на словах пока антагонистически настроенной по отношению к США и, естественно, самой ненадежной из возможных членов будущей коалиции. Индия была бы не готова сотрудничать с растущими в своей мощи США, помогая тем самым росту этой мощи, в то время как для России США слишком мощны уже сейчас, и только ожидание упадка США может сделать Америку для России приемлемым стратегическим партнером. Таким образом, парадоксально, но слабость может генерировать силу: Индия была не очень настроена на сотрудничество с США, могущество которых находилось на пике после окончания холодной войны. Это будет верно и для будущего, до тех пор, пока не будет достигнута точка превосходства Китая над силами объединенной антикитайской коалиции.

Но в долгосрочной перспективе, если экономический рост Китая будет более быстрым, чем рост экономик его основных противников в совокупности, последние уже не смогут поддерживать гонку военных расходов, а политические лимиты их коалиции также будут исчерпаны. Например, хотя бы по внутривнутриполитическим соображениям, Российская Федерация может долго оставаться в положении равноудаленности между Китаем и возникающей антикитайской коалицией. В этот момент Соединенные Штаты, чья относительная мощь сокращается, вместе со своими союзниками уже не смогут ограничиться взаимным военным сотрудничеством для предотвращения потенциальной китайской военной угрозы и дипломатической координацией для ограничения китайского влияния.

Тогда в их распоряжении останутся только геоэкономические средства сопротивления, чтобы применить логику стратегии в азбуке коммерции¹⁸⁶, пу-

тем ограничения китайского экспорта на свои рынки, прекращения поставок в Китай сырья, насколько это возможно¹⁸⁷, и эмбарго на трансфер Китаю любой технологии, которые ему все равно понадобятся в будущем. Понятно, что если военный рост Китая в будущем не удастся эффективно прекратить, то единственной альтернативой подчинению Китаю станет нарушение его экономического роста, причем в такой степени, чтобы сохранить терпимый баланс сил.

Как бы то ни было, постоянный военный рост Китая и недавно появившаяся у него склонность к угрожающему поведению уже стали оказывать негативное влияние на его отношения с другими странами, а ранее атмосфера этих отношений была очень благоприятной для торговли, что как раз и способствовало очень быстрому экспортно-ориентированному росту китайской экономики. Китайский экспорт в некоторые страны уже сталкивается с апатией потребителей, особенно в Японии, США и Вьетнаме. Из-за постоянных скандалов с качеством продуктов питания и игрушек, а также из-за падения симпатий к Китаю в целом, потребление гражданами некоторых категорий китайских товаров сокращается и на других рынках. Это, конечно, зависит и от выбора потребителей, который не отличается постоянством и возможно вообще не особенно важен. Но дело приобретает политический характер, когда речь заходит о закупках центральных и местных властей. В США, как и в некоторых других странах, власти уже менее склонны, чем в прошлом, закупать такие заметные населению китайские товары, как, например, стальные мосты¹⁸⁸.

Потребуется гораздо больше усилий для того, чтобы в значительной степени замедлить китайский экономический рост, но будущие серьезные ограничительные меры уже сегодня предваряются целым рядом недавно предпринятых против Китая шагов:

- ❖ осторожный запрет на ввоз в США телекоммуникационного оборудования из КНР, со ссылкой на национальную безопасность;
- ❖ запрет на закупки целого ряда китайских товаров по государственным контрактам и полный запрет на закупку китайской продукции министерством обороны США;
- ❖ запрет на покупку земель покупателями из Китая, провозглашенный недавно Бразилией и Аргентиной (ни одна из стран не запрещала этого покупателям из США или из Европы); и неформальный, но эффективный запрет на покупку китайскими компаниями рудников и газовых месторождений в Австралии.

В долгосрочной перспективе военная мощь США все же понадобится, чтобы сдерживать Китай, но ее будет недостаточно для сдерживания Китая в будущем. В этих условиях только адекватный геоэкономический ответ способен предотвратить региональную, если не глобальную гегемонию по-прежнему авторитарного Китая. Конечно, возможно, что США будут ждать слишком долго, прежде чем начнут действовать, то есть они могут пропустить тот момент, когда экономическая гегемония Китая станет неизбежной. В этом случае ответные экономические меры Китая могут оставить США без союзников или даже принудить Америку к полной капитуляции.

С другой стороны, если геоэкономические акции против Китая начнутся в подходящее время, то их ограниченная цель по замедлению экономического роста Китая, скажем с 8% до 4% в год, а не полной его остановке, или даже по организации падения китайской экономики (это нежелательно в любом случае), в свою очередь, сильно сократит возможности Китая по принятию ответных мер.

Против полномасштабной атаки надо предпринимать любые ответные меры, какими бы саморазрушительными они ни были, но это неверно в случае ограниченной атаки, при которой издержки ответных мер должны быть точно просчитаны.

Кроме того, если в руках КНР по-прежнему будет сосредоточено большое количество американских долговых обязательств, то маловероятно, но возможно, что варианты ответных мер будут еще более ограничены, поскольку должники могут выиграть от убытков кредиторов, но ни один кредитор не может выиграть от убытков должников. Также крайне маловероятно, что Китай ответит силой на геоэкономические санкции, так как это прервет его экономические связи полностью.

Резюме. Логика стратегии – это не самореализующаяся вещь, но с течением времени ее императивы обычно превалируют над политическими сомнениями, культурными препятствиями и идеологическими догмами, так же, как они превалируют над давней враждой, когда необходимо заключить стратегический союз. В настоящее время растущая угроза исходит от авторитарного и все более и более напористого Китая, подкрепляемая его очень быстрым экономическим ростом. Логика стратегии вызывает соответствующую реакцию, в основном дипломатическую, но она может стать и военной, даже в наш ядерный век, хотя уже и нельзя достичь нужных целей реальными военными действиями, за исключением отдельных локальных случаев, где исключена эскалация.

Таким образом, если когда-нибудь экономический разрыв между Китаем и антикитайской коалицией достигнет таких пропорций, что поддержание терпимого военного баланса станет уже невозможно, то реакция на такую ситуацию должна будет принять экономические формы, хотя по своему содержанию это будут стратегические меры. Только полностью демократический Китай может беспрепятственно двигаться к мировой гегемонии, но демократические правительства такого Китая, несомненно, стали бы стремиться к совершенно иным целям.

Приложение.

Возвышение и падение «мирного подъема»

Лозунг «мирного подъема», Zhongguo heping jueqi, был впервые введен в международный оборот Чжен Билян (Zheng Bijian), старшим советником Ху Цзинтао, бывшим проректором Центральной партийной школы КПК, а в настоящее время – еще и советником министра общественной безопасности, обладающим собственным удачно с эстетической точки зрения расположенным институтом. Поводом для этого стало заседание в 2004 году китайско-австралийского форума Боао (Bo'ao), который каждый год проходит в Хайнани. После этого Чжен Билян опубликовал получившую широкий резонанс статью в журнале «Foreign Affairs» (номер за сентябрь-октябрь 2005 года), в которой представил эту концепцию гораздо полнее, а именно как «мирный подъем Китая до статуса великой державы».

Слоган Zhongguo heping jueqi был очень хорошо принят, но к моменту публикации статьи в «Foreign Affairs» он был заменен в китайском официальном языке на Zhongguo heping fazhan, «Мирное развитие Китая», чтобы избавиться от вызывающего подтекста слова «подъем» и тем самым смягчить возможную негативную реакцию мировой общественности.

По сути, этот лозунг содержал обещание (и здесь большую роль сыграл совет Чжен Биляна), что Китай будет использовать свои все возрастающие благодаря быстрому экономическому росту ресурсы для продолжения своего внутреннего развития, а не для наращивания военного потенциала, и что он войдет в сообщество ведущих наций: США, Европейского Союза и Японии, а не будет пытаться подрывать его, учитывая в то же время и нужды «Юга» (то есть развивающихся стран).

Успех этой умело представленной большой стратегии был виден в том, чего не произошло. В то время как экономический рост Китая ускорился, его соседи не создали антикитайской военной коалиции, и не было предпринято мер по введению против Китая экономических санкций с целью замедлить

его экономический рост. Конечно, всегда имеет место некоторый «протекционизм» (торговые барьеры против конкретных товаров), но их целью является защита собственного производства, обычно по внутривнутриполитическим соображениям, а не препятствие экономическому росту Китая по соображениям стратегическим (существует много обратных по смыслу предположений, но они ничем не подтверждаются).

Каким бы именем эта большая стратегия не прикрывалась, ее характеризует не то что в ней задекларировано (это может быть проверено только временем), а те опасные возможности, которых она не допускает. На протяжении многих лет сменявшие друг друга китайские лидеры очень четко подчеркивали эти исключения. Каждое из них было гарантией не делать того, что стало бы возможным по мере роста экономического и военного потенциала КНР:

Гарантия 1: Находящийся в процессе мирного подъема Китай не будет стремиться к созданию собственного миропорядка, а скорее вступит в существующую мировую систему; то есть, если использовать китайские же термины, Китай будет «правила берущий», а не «правила создающий».

Гарантия 2: Находящийся в процессе мирного подъема Китай не будет стремиться к региональной и тем более глобальной гегемонии, то есть, его вооруженные силы не будут угрожать или запугивать другие страны.

Гарантия 3: Находящийся в процессе мирного подъема Китай не будет пытаться применять силу при разрешении территориальных и морских споров, а будет решать их исключительно дипломатическими средствами, включая двусторонние или многосторонние переговоры, и, возможно, международный арбитраж (хотя последнее не было четко объявлено китайской стороной).

Гарантия 4: Находящийся в процессе мирного подъема Китай не будет использовать ресурсы своей быстро растущей экономики для наращивания военной мощи, как это делал Советский Союз на протяжении последних тридцати лет своего существования (с финальным исходом, который не располагает к повторению этого примера).

Гарантия 5: Находящийся в процессе мирного подъема Китай не будет подрывать экономику других стран, расширяя свою. Так, например, он не будет более потворствовать кражам интеллектуальной собственности, но стремиться к ее искоренению, по причине того, что он уважает и соблюдает правила международной торговли, которые позже будут закреплены в ВТО.

Гарантия 6: Находящийся в процессе мирного подъема Китай мирным путем воссоединит Гонконг и Макао. Кроме того, пока статус Тайваня как провин-

ции Китая не будет поставлен под вопрос, против этого острова не будет применена сила.

Так как все эти успокаивающие гарантии были высказаны различными китайскими лидерами довольно убедительно, и (что более важно) так как в 2005-2008 гг. поведение современного Китая отвечало этим обещаниям, не было никакой «естественной» реакции на очень быстрый подъем Китая: на периферии Китая не возникло даже робких элементов антикитайского альянса, и не было попыток разработать меры по преднамеренному замедлению экономического роста Китая.

До 2009 года действенность большой стратегии «мирного подъема» подтверждалась реальным поведением Китая. Однако сегодня мы, конечно, уже имеем дело с другой ситуацией. И хотя гарантии 4, 5, 6 до сих пор еще соблюдались, этого нельзя сказать о первых трех.

Примечания

Первая глава

1. Министерство обороны США запросило на 2011 финансовый год \$ 708,3 миллиарда, рост на 1,3% по сравнению с 2010 финансовым годом, включая \$ 159,3 миллиарда на операции в Афганистане и Ираке.

2. Мои друзья из военных кругов, например, генерал-майор Хуан Цин (Huang Xing), на тот момент (2010) директор Департамента руководства исследованиями Академии военных наук, горько жаловался на то, что гражданские чиновники могут увеличивать свою зарплату путем «коррупции»; и поэтому в некоторых случаях на должности принимали не очень способных людей. Однако представляется, что НОАК до сих пор может набирать в свои ряды талантливую молодежь, слишком бедную для того, чтобы иметь возможность обучаться в гражданских университетах. Кроме того, НОАК может предоставить хорошие возможности лицам с образованием; например, сразу предоставляя ранг Shao Xiao (равный в США должности майора OF-3) доктору наук, не имеющему прежнего военного опыта.

3. Minnie Chan, «PLA Delegates Go into Battle against Improper Spending» (Члены НОАК идут войной против незаконного расходования), South China Morning Post, 10 марта, 2011. Выдержка: Программа аудита, в ходе которой было проверено примерно 10 000 военнослужащих, в 126 700 подразделени-

ях с 2006 до последнего года [2010], выявила почти 2,8 миллиарда юаней нецелевых расходов на строительные проекты, и 1,5 миллиарда юаней лишних расходов при закупках оборудования (<http://www.ftchinese.com/story/001039153/en>). Но это небольшие суммы, и они свидетельствуют об ошибках, а не о расхищении. Отчет Банка Китая от 17 июня 2011 года содержит такую оценку: 17 000 партийных работников, полицейских и сотрудников судебной системы, а также менеджеров государственных предприятий сбежали из страны (до 2008 года), прихватив с собой по оценкам 8 миллиардов юаней (RMB) (US\$ 123,6 миллиарда). Персонал НО-АК здесь не упомянут, но мелкие хищения там – дело обычное. Дело 2006 года о US\$ 15 миллионах вице-адмирала Ван Сю (Wang Shouye) (он был один из пяти заместителей командующего ВМС) – нетипично.

4. Причем не только ввиду злонамеренных тенденций, выраженных, к примеру, в работе Мартина Жака «Когда Китай руководит миром: конец западного мира и рождение нового глобального порядка» (Martin Jacques, *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. London: Penguin, 2010). Будучи долгое время членом британской компартии, Жак успокаивает свое глубокое разочарование из-за коллапса Советского Союза тем, что горячо предвосхищает падение и западного мира.

5. См. Edward N. Luttwak, *Strategy: The Logic of War and Peace*, rev. ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002). На русском: Эдвард Люттвак. *Стратегия. Логика войны и мира*. Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.

6. Одно из них, очевидным образом, произошло в марте 2011 г.: сильнейшее землетрясение в истории Японии, случившееся как раз в то время, когда народ был деморализован затянувшейся экономической стагнацией и заметной нехваткой адекватных политических лидеров.

Вторая глава

7. Malcolm Moore: «China's 'Next Leader' in Hardline Rant: Xi Jin-ping, the Man Earmarked to Become China's Next President, Has Roundly Attacked His Country's Critics while Giving a Speech in Mexico», *The Telegraph*, от 31 марта, 2012, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/china/4637039/Chinas-next-leader-in-hardline-rant.html>.

8. The Banyan blog, «The Law in China: A Spear Not a Shield», The Economist, April 4, 2011, http://www.economist.com/blogs/banyan/2011/04/law_china.
9. Wall Street Journal, Asia, July 26, 2010.
10. Это можно рассматривать как симптом появления в КНР собственной геополитически или геоэкономически активной бюрократии. Чиновники учатся преследовать свои интересы, используя ресурс государства. Об этом феномене Люттвак писал в статье «From Geopolitics to Geo-economics: Logic of Conflict, Grammar of Commerce». The National Interest. 1990 = «От геополитики к геоэкономике: Логика конфликта, грамматика коммерции» (см. также приложение к книге: Э. Люттвак. Государственный переворот. Практическое пособие, 2012). – Прим. пер.
11. См. приложение: Подъем и падение «мирного подъема».
12. Dai Bingguo, «Adhere to the Path of Peaceful Development» – официальный перевод статьи «Janchi zou heping fazhan zhi lu» (Waijiaobu ivangzhan, от 6 декабря, 2010), выполненный Xinhua News Agency.
13. Zheng Bijian, интервью с Франческо Сиши, «Ordine, riforme e apertura airOccidente: Il teorico di Hu Jintao ci spiega la nuova ideologia della Cina», Il Sole, 24 Ore, от 31 марта, 2011.
14. До тех пор, пока население Китая превосходит население Индии. Но китайцев-ханьцев по численности не превзойдет никто.

Третья глава

15. Возрождение китайских притязаний на то, что сегодня является индийским штатом Аруначал-Прадеш (см. ниже), непризнание индийского контроля над Джамму и Кашмиром, выражающееся в отказе выдавать визы в индийские паспорта уроженцев Кашмира, и поставки ядерных материалов Пакистану – все это логично рассматривается как «безрассудные действия» индийскими высшими должностными лицами (материалы частных бесед автора).
16. M. Taylor Fravel, Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes (Princeton: Princeton University Press, 2008), passim, summary, table 1.3, pp. 46-47.

17. В отличие от присоединения Гоа, Дамана, Диу, Дадры и Нагары, захваченных у португальцев в 1961 году, и Сиккима, отнятого у его правителя в 1975 году.

18. Как один из подписантов декларации Сьюзан Эйзенхауэр и Роальда Сагдеева против расширения НАТО, я часто упоминался в российской литературе по этому вопросу. Интервью 2011 года в Москве, на президентской конференции в Санкт-Петербурге и на форуме в сентябре в Ярославле не выявили каких-либо изменений в интерпретации расширения НАТО.

19. В этот день 30 июня 2011 года, например, было объявлено, что средняя цена свинины достигла 25 юаней/кг, рост на 70% за 12 месяцев; средняя цена живого веса продаваемых на бойни свиней достигла 19,26 юаней/кг, рост на 85%. Когда на продовольствие приходится тратить больше, неравенство в доходах приобретает дополнительное политическое значение (South China Morning Post). В настоящее время этнические беспорядки продолжают в регионе Внутренняя Монголия: убийство традиционного скотовода высветило всю суть борьбы за принадлежавшие монголам пастбища (Southern Mongolian Information Center, «Herders take to the streets, four arrested», http://smhric.org/news_378.htm).

20. Нельзя сказать, что кто-либо из предшественников КПК пришел к власти в Китае в результате демократических выборов. А легитимность императорских династий обеспечивалась лишь длительностью периода их царствования. – Прим. пер.

21. Черная форма: обычная местная полиция Министерства общественной безопасности *gong an bu*, обычно вооружена лишь 9-мм пистолетами. Зеленая форма: полувоенная полиция Народно-освободительной армии Китая (China People's Armed Police Force, PAP) *Zhoongguo Renmin Wuzhuang Jingcha Budui*, обычно вооружена автоматическими винтовками. Белая форма: сотрудники государственной безопасности, *Anquan Bu*, носят только пистолеты, причем тайно.

Четвертая глава

22. См. критический обзор в Zhang Feng, «Rethinking the Tribute System': Broadening the Conceptual Horizon of Historical East Asian Politics», *Chinese Journal of International Politics* 2 (2009): 545-574.

23. Возможно, предшественники гуннов; они описаны в военном докладе в книге 88, *Hou han shu* (Book of the Later Han), которую приписывают Фан Йи.

(John E. Hill, http://depts.washington.edu/silki-oad/texts/hhshu/houJhan_shu.html).

24. Предшественник кагана или хагана, вождь (хан, кан) вождей. См. Nicola di Cosmo, *Ancient China and Its Enemies: The Rise of Nomadic Power in East Asian History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002), 206ff. Если верно то, что гунны произошли от них, как говорят некоторые факты, то хунну внесли свой вклад в создание обеих мировых империй.

25. Ibid., 193-194.

26. См. работу: Shiji *The Records of the Grand Historian (or Grand Scribe)*, Sima Qian (Ssu-ma Ch'ien), vol. 99; cols. 2144 and 2179. На английском работу цитируют, как правило, ссылаясь на разных авторов перевода.

27. Нынешний министр финансов США является бывшим специалистом по Китаю в фирме Kissinger Associates, большая часть дохода которой прямо или косвенно проистекает от доступа к верхушке КПК, полученного благодаря одобрению ее приоритетов. Сам Киссинджер тоже пропагандировал ее взгляды, например, в своей последней книге *On China* (New York: Penguin, 2011).

28. Allen Carlson, «Moving beyond Sovereignty? A Brief Consideration of Recent Changes in China's Approach to International Order and the Emergence of the Tianxia Concept», *Journal of Contemporary China* 20, no. 68 (2011).

29. Katie Cattle, «Chinese Carriers Order up to 35 Embraer 190s», *Air Transport World*, от 13 апреля, 2011.

30. Релиз агентства Ghana news, «Xinhua Opens Photo Gallery in Accra», Accra, April 8, 2011, <http://www.modernghana.com/news/323877/1/xinhua-opcns-photo-gallery-in-accra.html>.

31. На той же самой встрече Ян Цзечи якобы заявил своему сингапурскому коллеге Джорджу Йео, министру иностранных дел, что «Китай – большая страна, а другие страны – маленькие, и это просто факт». Наверное, Йео был благодарен за информацию, что Китай больше Сингапура; <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704483004575523710432896610.html>

32. Брошюра заканчивается словами: «Спонсорами конференции являются Институт Конфуция, Департамент восточных языков и культур, Центр восточноазиатских исследований и Школа гуманитарных наук. Значительное финансирование было предоставлено Стэнфордским президентским фондом

по инновациям в гуманитарных науках». Странно, хотя и неудивительно столкнуться с подобной безответственностью в таком месте.

Пятая глава

33. Об этой концепции см. Edward N. Luttwak, «From Geopolitics to Geo-Economics», *The National Interest* (Summer 1990): 17-23.

34. «Mongolia's Rail Choice Seen as Breaking China's Grip», <http://www.bcmongolia.org/news/1126-mongolias-rail-choice-seen-as-breaking-chinas-grip> (the source is Bloomberg.com, April 27, 2011); и Mongol News, от 8 августа, 2011, http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5094&Itemid=36.

35. [Http://www.huffingtonpost.com/2011/06/28/romney-us-cut-off-trade-with-china_n_886008.html](http://www.huffingtonpost.com/2011/06/28/romney-us-cut-off-trade-with-china_n_886008.html).

Шестая глава

36. В Японии речь идет о Ясухиро Накасонэ, премьер-министре с 1982 по 1987 год.

37. См. дискуссию в главе 16 о Республике Корея, являющейся потребителем, а не творцом безопасности.

38. Данные соц. опроса Globescan public opinion survey, BBC, от 27 марта, 2011. http://www.globescan.com/news_archives/bbc2011_china/bbc_2011_China_global_rls.pdf.

39. Ibid.

40. Qin Yaqing, «A Chinese School of International Relations Theory: Possibility and Inevitability», *Shijiejingjiyu zhengzhi* (World Economics and Politics), no. 3 (2006): 7-13. Перевод выполнен для автора книги.

41. Информационное бюро Государственного Совета, China's National Defense in 2010, от Марта 2011 (Xinhua, English.news, http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-03/31/c_13806851.html).

Седьмая глава

42. Таким образом, внезапность – это главное преимущество, так как она превращает другую сторону в простой бездеятельный объект, против которого прямое действие достигает прямого результата. Но на войне внезапность – вещь редкая; в мирное время – это соревновательное приобретение мощных систем оружия, но, чтобы иметь значение, оно длится не очень долго, так как видимый процесс строительства кораблей или самолетов не оставляет места для внезапности.

43. Это было бы полезно также и для современного Китая. Например, это исключило бы полномасштабные авианосцы, чтобы предоставить асимметричные силы для предотвращения и отражения атак противника оперативными оборонительными методами, которые бы минимизировали стратегические наступательные возможности и максимизировали оборонительные возможности в надежном, но при этом не создающем угрозы положении.

Восьмая глава

44. Таким образом, логики Карла фон Клаузевица и Сун Цзы необходимым образом идентичны, но и в равной степени парадоксальны.

45. Zhu Shanshan, «We Want a Carrier», Global Times, от 5 мая, 2011, <http://military.globealtimes.cn/china/2011-05/651642.html>.

Девятая глава

46. Ralph D. Sawyer and Mei Mei-chtin Sawyer, trans., *The Seven Military Classics of Ancient China* (Boulder: Westview Press, 1993).

47. Соер (Sawyer) приводит следующие названия: «Шесть секретных учений» («Six Secret Teachings» – Liu Tao), автор – Цзян Цзыя (Jiang Ziya)\ «Методы Сыма» («The Methods of the Ssu-ma» – Siamaa Fa); «Искусство войны» («The Art of War» – Sunzia Bing Fa), автор – Сунь Цзы (Sun Tzu); «Законы войны почтенного У» или сокр. «У-цзы» («Wu Qi's Wuzi» – Wuzi), автор – У Ци (Wu Qi); «Вэй Ляо-цзы» (Wei Liaozi); «Три стратегии Хуан Ши-гуна» («The Three Strategies of Huang Shigong» —Huang Shigong San Lue); «Вопросы танского Тай-цзуна и ответы Ли Вэй-гуна» («Questions and Replies between Tang Taizong and Li Weigong» – Tang Tai zong Li Wei gong wen dui).

48. В дополнение к своим появлениям в солидных исторических фильмах, он был главным героем в художественном фильме Куан Уи 1981 года Sun Bin xia shan dou rangjuan (Искусство войны Сунн Цзы). Голливудские ссылки включают Звездные войны; см.: <http://www.artof-warsuntzu.com/suntzuandhollywood.htm>.
49. Когда был опубликован французский перевод иезуита Жана Жозефа Мари Амио, жителя Пекина, Амио использовал для своего перевода маньчжурскую версию и комментарии. Первое издание было достаточно успешным, чтобы быть переизданным спустя несколько лет.
50. Те, кто практически проходит этот курс, обычно редко видят элемент ритуала в том, что они делают, но это не может укрыться от взора бюрократических аналитиков.
51. Удивительная политическая ошибка, если учесть зависимость самого Китая от непрерывного импорта сырья; сильное доказательство стратегической некомпетентности.
52. «China Denies Visa to IAS Officer», Cable News Network-Indian Broadcasting Network (CNN-IBN), от 25 мая, 2007.
53. «A Thaw? China Lets Arunachalee Visit», Times News Network, December 9, 2007, http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2007-12-09/india/27989328_i_maipe-sora-chinese-visa-arunachalee.
54. Henry Kissinger, On China (New York: Penguin, 2011), prologue, p. 4.
55. Среди многих примеров некритического преклонения Генри Киссинджера перед руководством КПК один наиболее широко известен – это его восхищенный рассказ о знаменитом ответе Чжоу Эньлая: «Рано говорить», когда его спросили о влиянии французской революции. Но Чжоу имел в виду бывшее тогда у всех на слуху восстание в Париже 1968 года, а не события 1789 года, о чем говорит единственный знавший китайский язык американец, который при этом присутствовал, посол Чейз Фриман. FT.Com. Richard McGregor, от июня 10, 2011.
56. «Него», http://www.youtube.com/watch?v=WTIrIGI-lvc&feature=youtube_gdata_player.
57. При открытии заседания. См. подробнее, Ralph D. Sawyer, with the collaboration of Meichun Lee Sawyer, The Tao of Deception: Unorthodox Warfare in Historic and Modern China (Cambridge, Mass.: Basic Books, 2007).

58. Переведено на английский, см.: Burton Watson, *Records of the Historian* (New York: Columbia University Press, 1969), 175ff. Более подробно см. в Ralph D. Sawyer, with the collaboration of Mei-chun Lee Sawyer, *The Tao of Spy craft: Intelligence Theory and Practice in Traditional China* (Boulder: Westview Press, 2004), 249-285.

59. От редакции, «Don't Take Peaceful Approach for Granted», *Global Times*, от октября 25, 2011, <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/680694/Dont-take-peaceful-approach-for-granted.aspx>.

60. *The Charlie Rose Show*, PBS, от 11 мая, 2011.

Десятая глава

61. Книга Генри Киссинджера *On China* (New York: Penguin, 2011). Начинается с рабочего диалога в адрес стратегической прозорливости китайцев, персонифицированной в Мао Цзэдуна и концептуализированной все в том же Сун Цзы (Sun Tzu, p. 25).

62. В действительности Aisin Gioro (Золотой род) также был новым изобретением; Giovanni Stary, «The Meaning of the Word 'Manchu': A New Solution to an Old Problem», *Central Asiatic Journal* 34, nos. 1-2 (1990): 109—119.

63. Jonathan Karam Skaff, «Tang Military Culture and Its Inner Asian Influences», in *Military Culture in Imperial China*, ed. Nicola di Cosmo (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2009), pp. 165—191; см. еще подробнее того же автора: «Straddling Steppe and Town: Tang China's Relations with the Nomads of Inner Asia (640-756)», Ph.D. diss., University of Michigan, 1998.

Одиннадцатая глава

64. Информационное бюро Государственного Совета, *China's National Defense in 2010*, от марта 2011; и государственный советник Dai Bing-guo, «Adhere to the Path of Peaceful Development», *Jianchi zou heping fazhan zhi* 11, от декабря 6, 2010.

Двенадцатая глава

65. China Daily, 24 декабря, 2010 (http://www.china.org.cn/environment/2010-12/24/content_21609300.htm), «China Fisheries Get More Protection», основанное на сообщении министерства сельского хозяйства от 26 декабря, 2010.

Тринадцатая глава

66. Этот феномен особенно часто встречается в Латинской Америке с ее многочисленными юридическими ограничениями для иностранцев (включая своих же латиноамериканцев), который на деле сопровождается весьма прагматичной гибкостью.

67. Australian Government, Department of Defence, "The Defence White Paper 2009," released May 2, 2009, <http://www.defence.gov.au/whitepaper/>.

68. Правительство Австралии, Министерство обороны, «The Defence White Paper 2009», от 2 Марта, 2009, <http://www.defence.gov.au/whitepaper/>.

69. Приобретение самолета Boeing 737 NG Wedgetail AEW&C. Океанский мониторинг полезен и для самой Австралии, но еще больше для ее будущих союзников, только один из которых, Япония, имеет такие же возможности.

70. Правительство Австралии, Министерство иностранных дел и торговли, «Australia-Viet Nam Comprehensive Partnership», http://www.dfat.gov.au/geo/vietnam/comprehensive_partnership_vietnam.html.

71. Посольство Вьетнама в Австралии, «Vietnam Marks Army Day in Australia»? 12 сентября, 2009; см: <http://members.webone.com/au/~vembassy/News/News%20on%20the%20relationship/htm#40/>

72. Посольство Вьетнама в Австралии, «The First Strategic Dialogue between Vietnam and Australia», 3 августа, 2012; см. <http://members.webone.com/au/~vembassy/News/News%20on%20the%20relationship.htm#63>.

73. Australian Treaty Series 1971, No. 21, Министерство иностранных дел, Canberra, «Five Power Defence Arrangements»; см. <http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1971/21.html>.

74. The Hon. Stephen Smith, MP, министр иностранных дел и торговли Австралии, «Singapore Australia Joint Ministerial Committee», July 26, 2009; см. <http://www.foreignminister.gov.au/releases/2009A-5090726.html>.

75. Caren Bohan and James Grubel, «Obama Boosts U.S. Military in Australia, Reassures China», Canberra, 16 ноября, 2011, 2:26pm EST Reuters US Edition, <http://www.reuters.com/article/2011/11/16/us-usa-australia-idUSTRE7AFoF22oi11116>.

76. Другие лица в японской политике также могут быть весьма сомнительными, но только не в отношении обвинений в подкупе и последующем шантаже со стороны Китая.

77. Prime Minister of Australia, the Hon. Julia Gillard, MP, «Keynote Address to the Japan National Press Club», Friday, April 22, 2011, <http://www.pm.gov.au/press-office/keynote-address-japan-national-press-club-tokyo>

Четырнадцатая глава

78. Все нижеследующее основано на длительной беседе с Ясухио Накасонэ в его офисе в Токио 3 марта 2011 года.

79. Пресс-релиз китайского агентства Синьхуа от 11 декабря 2009 года, сопровождавшийся фотографиями, говорит сам за себя: «Ху принял генерального секретаря японской Демократической партии: Правящие партии Китая и Японии в четверг обязались углубить взаимное доверие и работать совместно на благо стратегических взаимовыгодных отношений между двумя странами». См. http://www.china.org.cn/world/2009-12/11/content_i9046400.htm.

80. «Ozawa Expresses Concern over China's Military Buildup», Japan Today, от 16 декабря, 2009.

81. Интервью, состоявшееся в марте 2011 года с японскими официальными лицами (а) Gaimusho: Rui Matsukawa, 2ой див. Koji Tsuruoka, генеральный директор политического проектирования; Kimihiro Ishikane, заместитель генерального директора по делам Азии и Океании; Akira Muto, директор отделения политического проектирования; (б) Члены парламента, включая: Shinzo Abe (LDP), Akihisa Nagashima (DPJ), Takakane Kiuchi (LDP), Motohisa Furukawa (LDP), Ms. Noriko Miyagawa (LDP), Jin Matsubara (DJP), Koki Kobayashi (DJP), Shozo Azuma (DJP), Katsutoshi Ono (DJP); и (с) внешние эксперты, включая: Motohiro Kondo; Seiichio Takagi; Masahiro Miyazaki; Masa

Okuda; Tomohiro Taniguchi, Isamu Ishikawa; Keiichi, Kawanaka Tomoko Suzuki; Shinichi Kitaoka; Yasuhiro Nakasone; Kunihiko Miyake Hisahiko Okazaki; Shotaro Yachi; Shinichi Kitaoka, Tomoko Suzuki, Jun Osawa, Hitoshi Tanaka.

82. Министерство иностранных дел Народной Республики Китай, «Joint Press Communique between the Defense Ministries of China and Japan», Beijing, от 20 марта, 2009. See <http://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx/t558oo2.htm>.

83. См. Подробный и детальный обзор в Defense of Japan 2011, Министерство обороны, 2012, pp. 81-84.

84. Yomiuri Shinbun, английское интернет-издание, от 30 апреля, 2011.

85. Подтверждено в Global Times, 14 апреля 2011, под вводящим в заблуждение заголовком «Beijing Refutes Carrier Claims» («Пекин опровергает стремление обзавестись авианосцем» – это не авианосец, а всего лишь учебный корабль).

86. Вертолеты из 33-го спасательной эскадрильи, 18-го авиакрыла, с авиабазы Кадена, и даже противолодочные вертолеты SH-60 с военно-морской авиабазы Ацуги тоже участвовали в спасательных операциях.

87. [Http://ajapaneseossan.blogspotxoiri/2oii/o4/jsdf-jmsdf-pics-of-flikushi-ma-daiichi.html](http://ajapaneseossan.blogspotxoiri/2oii/o4/jsdf-jmsdf-pics-of-flikushi-ma-daiichi.html).

88. Reuters (из японского издания Yomiuri), от 7 мая, 2011.

89. Yoichi Funabashi, «Tokyo Has No Option but to Cleave to China», Financial Times, от 17 мая, 2011. «Тройная японская катастрофа высветила всю уязвимость моей страны. ... В эти сложные времена... много причин для японского отчаяния».

90. Например, моряки из опасных для жизни мурманских конвоев рассматривались как опасные шпионы, их держали под постоянным наблюдением и не разрешали контактировать с местным населением.

91. Один из последних примеров – сообщение агентства Киодо от 16 мая 2010 года: Министр иностранных дел Такеаки Мацумото «вызвал... российского посла... Михаила Белого ...и выразил ему сожаление по поводу визита на острова Итуруп и Кунашир [вице-премьера Сергея Иванова и четырех членов кабинета министров] ...так как... это оскорбляет чувства японского народа». Но ни о каких санкциях даже не упоминалось.

Пятнадцатая глава

92. В своем нежелании признать баланс сил, которое сделало сменявших друг друга палестинских лидеров скорее объектами, а не субъектами региональной политики.
93. Andrew Scobell, *China's Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March* (New York: Columbia University Press, 2003), 119-123 (я обязан цитатой анонимному обозревателю Гарвард Юниверсити Пресс).
94. См. детальное изложение полковника Г. Д. Бакши, VSM, «The Sino-Vietnam War – 1979: Case Studies in Limited Wars», *Bharat Rakshak Monitor*, ноябрь-декабрь 2000.
95. Общепринятая периодизация не включает периоды, когда Вьетнам не был оккупирован, но признавал имперский сюзеренитет Китая: Первое китайское доминирование, III в. до н.э. – 39 до н.э.; Второе, 43-544; Третье, 602-905; Четвертое, 1407-1427.
96. Bruce Elleman, «Sino-Soviet Relations and the February 1979 Sino-Vietnamese Conflict», 1996 Vietnam Symposium, Texas Tech. University, от 20 апреля, 1996. См. http://www.vietnam.ttu.edu/events/i996_Symposium/96papers/elleviet.htm.
97. M. Taylor Fravel, *Strong Borders, Secure Nation: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes* (Princeton: Princeton University Press, 2008), 146.
98. Ibid. Hence, the old vineyards of Cizhong village, Degen County, Yunnan.
99. Ibid., 148. В своих собственных беседах с офицерами НОАК я слышал выражение открытой враждебности только по отношению к индийцам («это настоящие змеи») и вьетнамцам (примерно «чванливые выскочки»); эта недоброжелательность существует благодаря воспоминаниям об унижительном поражении Китая в 1979 году.
100. He Sheng, «Building a Border of Friendship: The China-Viet Nam land border demarcation is a breakthrough for bilateral relations», *Beijing Review*, http://www.bjreview.com.cn/world/txt/2009-03/3i/content_i88764.htm. Интересно отметить, что эта имитация дружбы была абсолютно убедительна для неискушенного европейского наблюдателя: «Last Stone Laid to Mark Border between China and Vietnam» («Заложен последний пограничный камень между Вьетнамом и Китаем»), *Asia News It*, <http://www.asianews.it/news-en/Last-stone-laid-to-mark-border-between-China-and-Vietnam-i4568.html>.

101. Carlyle A. Thayer, «The Tyranny of Geography: Vietnamese Strategies to Constrain China in the South China Sea», статья для the International Studies Association Convention, Montreal, от 16-19 марта, 2011.
102. «Vietnam Opposes China's Fishing Ban in East Sea» («Вьетнам выступает против запрета Китая на рыболовство в Восточном море»), Vov News, от 14 мая, 2011, <http://english.vovnews.vn/Home/Vietnam-opposes-Chinas-fishing-ban-in-East-Sea/2oii5/i266o8.vov>.
103. Thayer, «The Tyranny of Geography», тезисы.
104. Официально описано в документе госдепартамента США, «Lower Mekong Initiative». См. пресс-релизы: <http://www.state.gov/p/eap/mekong/c3426o.htm>; сводка на: <http://www.state.gov/p/eap/mekong/index.htm>.
105. Сообщение Управления государственных дел о совместных действиях 7ого флота США и военно-морского флота Вьетнама: «Seventh Fleet Kicks Off Vietnam Naval Engagement Activities», U.S. 7th Fleet Public Affairs, от 9 августа, 2010, story no. NNS100809-01.
106. Kao Wei-min: «The United States and Vietnam Must Not Behave Unscrupulously in the South China Sea» (США и Вьетнам не должны вести себя безупречно в Южно-Китайском море), TaKungPao (Dagong Bao), от 13 августа, 2010, перевод BBC monitoring service.

Шестнадцатая глава

107. Опросы общественного мнения регулярно показывают одобрение США на уровне 75+ процентов, это один из самых высоких уровней в мире. С другой стороны, среди образованной элиты антиамериканизм – дело обычное и может достигать крайностей, как показывает протестная песня Ен Мин Сук с непечатными выражениями (<http://www.robpongi.com/pages/comboFUCKINGUSAHI.html>).
108. F. L. Olmstead, «Korean Folklore and Attitudes towards China», Journal of American Folklore, 68, no. 267 (январь-март 1955).
109. Ronald Storrs, The Memoirs of Sir Ronald Storrs (New York: Putnam, 1937), 95.

110. Robert Hathaway, «The Making of Anti-American' Sentiment in Korea and Japan», Woodrow Wilson International Center for Scholars, May 6, 2003, <http://www.wilsoncenter.org/event/the-making-anti-american-sentiment-korea-and-japan>.

111. Ли Мун Бак с 25 февраля 2008 года. На встрече G-20 в Лондоне 2 апреля 2009 года президенты Обама и Ли договорились дать «жесткий» ответ на планировавшийся запуск северокорейского спутника. 5 апреля северные корейцы запустили МБР Taepodong-2. Никакого южнокорейского ответа – ни жесткого, ни иного – не последовало.

112. Chang Se-jeong, «China's No to Kim's Request: North Leader Asked for 30 Bomber Jets», Choson Ilbo, May 9, 2011.

113. Xian JH-7; NATO: Flounder или FBC-i, «Flying Leopard» двухместный, двухмоторный истребитель-бомбардировщик; ИОС с 1998 года в военно-воздушных силах КНР; с 2002 в Народно-освободительной армии военно-морской авиации.

114. «Kim Jong-il Demands Fighter Jets from China», Choson Ilbo, от 17 июня, 2010.

115. Naresh Kumar Sharma, «South Korea Denies Visa to Dalai Lama», The Times of India, от 27 мая, 2006.

116. Офис Его Святейшества Далай-ламы. News от 27 июня, 2010, «Dalai Lama Meets Korean Buddhists in Tokyo», <http://www.dalailama.com/news/post/560-dalai-lama-meets-korean-buddhists-in-tokyo>.

117. Choe Sang-Hun, «Chinese Fisherman Kills South Korean Coast Guardsman», New York Times, от 12 декабря, 2011.

118. «Statue of 'Comfort Woman' Erected outside Japanese Embassy in Seoul», Japan Times online from Kyodo, от 15 декабря, 2011, <http://www.japantimes.c0.jp/text/nn20111215a5.html>.

Семнадцатая глава

119. Преимущество, которое китайцы настроены удержать. Сайт Университета внутренней Монголии (<http://ndnews.imu.edu.cn/english/>) с пометкой «авторское право Отдела пропаганды». Монгольская версия, разумеется, в монгольском оригинале.

120. Министерство иностранных дел Японии, Управление по региональным вопросам. Март 2012, Японско-монгольские отношения, <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/mongolia/index.html>.

121. Mongolian Views, «South Korean Ambassador in Ulaanbaatar Fathered a Child with a ...Teen... Refused to Pay Child Support», от И марта, 2011. См. <http://www.mongolianviews.com/20n/o3/south-korean-ambassador-in-ulaanbaatar.html>. («Большинство [южных корейцев] такие как их посол... Их не интересует ничего кроме денег и секса... Может японской армии стоит снова прийти в Корею и научить их там уму-разуму»).

122. UB Post, «Mongolia Coal Railway Will Link with Russia», http://ubpost.mongolnews.mn/index.php?option=com_content&task=view&id=5094&Itemid=36.

123. Бизнес-совет Монголии, пресс-релиз, от 27 апреля, 2011, процитированный в Bloomberg News Service, «Mongolia's Rail Choice Seen as Breaking China's Grip», <http://www.bcmongolia.org/news/1126-mongolias-rail-choice-seen-as-breaking-chinas-grip>.

Восемнадцатая глава

124. Douglas Johnson, «Drawn into the Fray: Indonesia's Natuna Islands Meet China's Long Gaze South», Asian Affairs: An American Review, от 22 сентября, 1997.

125. См. помимо прочего статью из Википедии, «Legislation on Chinese Indonesians», http://en.wikipedia.org/wiki/Legislation_on_Chinese_Indonesians.

126. Во время последних массовых беспорядков в мае 1998 года было убито несколько сот человек и сотни женщин были изнасилованы. См. http://en.wikipedia.org/wiki/Jakarta_Riots_of_May_1998.

127. Huayang Jiao или Wang Huayang для китайцев, Nguyen Chau Vien для вьетнамцев, Felipe Calderon de la Cruz для филиппинцев. Китайцы построили большое укрепительное сооружение в районе рифа.

128. NajmiMaulana World Press, от 1 июля, 2008, «China Denies Island Dispute, Seeks Talks». См. <http://najmimaulana.wordpress.com/2008/07/0iy-china-denies-island-dispute-seeks-talks/>.

129. Li Jinming and Li Dexia, «The Dotted Line on the Chinese Map of the South China Sea: A Note», *Ocean Development and International Law* 34 (2003): 287-295.
130. Simon Sinaga, «No Problem with China over Natuna Isles, Says Matas», *Straits Times*, от 27 июня, 1995. Эту статью цитирует Джонсон (Johnson, «Drawn into the Fray», n. 97).
131. David S. Cloud. «U.S. to Resume Aid to Kopassus, Indonesia's Controversial Military Forces», *Los Angeles Times*, от 23 июля, 2010.
132. Правительство Австралии, Министерство иностранных дел и торговли, «Agreement between the Republic of Indonesia and Australia on the Framework for Security Cooperation». См. <http://www.dfat.gov.au/geo/indonesia/ind-aus-sec06.html>.
133. «China Asks Indonesia to Free Fishermen», *Jakarta Globe*, от 26 июня, 2009.
134. Военно-морской флот США, командующий надводными силами тихоокеанского региона, Eric J. Cutright, «Indonesia Welcomes Task Group for Naval Engagement Activity», от 26 мая, 2010. См. <http://www.public.navy.mil/surfor/cds3i/Pages/IndonesiaWelcomesTaskGroup.aspx#.T3w09ZH2ZWN>.

Девятнадцатая глава

135. Charles P. Wallace, «Manila Senate Rejects U.S. Pact: Philippines: The 12—11 Vote Would Bar American Use of Subic Bay Naval Base», *Los Angeles Times*, от 16 сентября, 1991, http://articles.latimes.com/1991-09-16/news/mn-i690_i_subic-bay-naval-base.
136. По обеим вербальным нотам см. http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_vnm__37_2009.htm.
137. Li Jinming and Li Dexia, «The Dotted Line on the Chinese Map of the South China Sea: A Note», *Ocean Development and International Law* 34 (2003): 287-295.
138. Миссия Филиппин в ООН, Письмо, от 5 апреля, 2011. См. http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/vnni37_09/phl_re_chn_2011.pdf

139. См. UN Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS), Outer Limits of the Continental Shelf beyond 200 Nautical Miles from the Baselines: Submissions to the Commission: China: от 14 апреля 2011. См. http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/vnni37_09/chn_2oii_re_phle.pdf.
140. Joyce Pangco Panares, «Aquino Pushes for United Stand on South China Sea», Manila Standard Today, от 10 мая, 2011.
141. «Coast Guard to Secure Oil Exploration in Kalayaan Island Group», GMA News, от 19 апреля, 2011: «Признавая болезненность вопроса спорных островов архипелага Калаян, президент Акино... во вторник дал указания Береговой охране Филиппин (Philippine Coast Guard, PCG) обеспечить безопасность необходимую для разведочных работ в этом районе... PCG [задействована] для того, чтобы не дать повода для провокаций. ...[при] поддержке ...ВМС Филиппин».
142. Pia Lee-Brago, Jaime Laude, Jose Katigbak, <http://www.philstar.com/Article.aspx?articleId=686i94&publicationSubCategoryId=63>.
143. Cheng Guangjin, «Washington's Intervention Bringing East Asia to a Boil», China Daily Global Research, от 18 августа, 2010.
144. BBC Worldwide Monitoring—Asia Pacific—Political, Friday. От 13 августа, 2010.
145. «US Advises PHL: Settle Spratlys Row with China Peacefully», GMA News, от 15 марта, 2011.
146. Jaime Laude, «Chinese Jets Buzz PAF Patrol Planes», Philippine Star, от 20 мая, 2011, <http://www.philstar.com/Article.aspx?articleId=687844&publicationSubCategoryId=63>
147. Государственный департамент США, государственный секретарь США Хилари Клинтон, заметки после встречи с министром иностранных дел Филиппин Альбертон дель Розарио, от 23 июня, 2011, <http://www.state.gov/secretary/rm/2011/06/i66868.htm>.

Двадцатая глава

148. Bjoern H. Amland, «Norway Feels Sting of China's Nobel Anger», Association Press, от 6 мая, 2011, http://www.forbes.com/feeds/ap/2011/05/06/general-industrials-eu-norway-china-nobel-backlash_8453124.html.

149. Joachim Dagenborg and Victoria Klesty, «Orkla Sells Elkem to China's BlueStar», Reuters, от 11 января, 2011, <http://www.reuters.com/article/2011/01/11/us-orkla-idUSTRE7oAi3Q2oi10111>; «Orkla Metal Unit in \$70m China JV with Chinalco», China Daily, от 12 апреля, 2011, http://usa.chinadaily.com.cn/business/2011-04/12/content_i2312596.htm; и «Norway Feels Sting of China's Nobel Anger», AssociatedPress, Oslo, от 6 мая, 2011, <http://abcnews.go.com/Business/wireStory?id=13543959&page=2#.T3zVSjFI2ZWM>.

150. Bjoern H. Amland, «Norway Feels Sting of China's Anger after Liu Xiaobo Nobel Prize Win», Huffington Post, от 6 мая, 2011, http://www.huffingtonpost.com/2011/05/06/norway-china-liu-xiaobo-peace-prize_n858506.html.

151. Nina Berglund, «Pressure Grows on Nobel Committee», Views and News from Norway, от 28 февраля, 2011, <http://www.newsinenglish.no/2011/02/28/pressure-grows-on-nobel-committee/>.

Двадцать первая глава

152. Последние не могут напрямую вмешиваться в дела министерства финансов, так как не являются его клиентами, говоря бюрократическим языком. Кроме того, они – чужаки также в социологическом смысле, поскольку не могут предоставить подходящей работы для бывших сотрудников министерства финансов, а последние, в свою очередь, пришли не из промышленности, и уж тем более не из профсоюзов.

153. Rachele Younglai and Doug Palmer. «The United States is becoming more competitive with China as more companies see fewer benefits of moving their investments offshore, U.S. Treasury Secretary Timothy Geithner said on Wednesday». Reuters, Washington, от 28 марта, 2012, <http://www.reuters.com/article/2012/03/28/us-usa-china-geithner-idUSBRE82Ri6U2oi20328>.

154. Paul Eckert, «Analysis: China Trade Deal Follow-Up Critical», Reuters, Washington, D.C., от 11 мая, 2011.

155. No. 332-519 US. 1TC Publication 4226, май 2011.
156. См. ниже относительно взаимопроникновения и набора кадров.
157. Michael Mecham and Joseph C. Anselmo, «Aviation 'Learnaholics': China Has the Size, Money and Interest to Engage and Challenge Western Companies», Aviation Week and Space Technology, от 25 апреля 2011, 43-67.
158. Конечно, требования к безопасности в авиационно-космических корпорациях стандартны и, вероятно, в совместных с Китаем предприятиях включают в себя ряд дополнительных пунктов. Но нацеленные на максимизацию прибыли коммерческие предприятия вряд ли смогут эффективно противостоять процессу естественного ослабления бдительности в ходе повседневного делового общения.
159. Аэрокосмические компании США часто полагаются на американских граждан китайского происхождения в ходе своей работы в Китае. Такие служащие весьма подвержены шантажу или просто давлению через семейные связи, особенно если у них есть родственники в Китае.
160. Естественным последствием такой политики является то, что год за годом, десятилетие за десятилетием преимущественное обогащение Китая по сравнению с США воспринимается с радостным недоумением. Ленинцев это бы не удивило.
161. «Pakistan, China Agree to Set Up Media University», Pakistan World News, от 18 мая, 2011, <http://www.pakistanworldnews.com/pakistan-china-agree-to-set-up-media-university.html>.
162. «Chinese to Pay for Spy Centre», репортаж, The Zimbabwean, от 15 мая, 2011.
163. Он присоединился к Ван Цишаню (Wang Qishan), вице-премьеру, отвечающему за экономику, энергетику и финансы в продолжительной теледискуссии в связи с «экономическим и стратегическим диалогом» 2011 года. Ван Цишань был бестактен, но Гайтнер был раболепен. Было бы очень горько, если бы после ухода с государственной службы министр Гайтнер стал бы обслуживать китайских клиентов. Его отец Питер Гайтнер является (по состоянию на 2011 год) членом правления Национального комитета по отношениям между США и Китаем (National Committee on United States-China Relations).
164. Итоги на 23 июля 2009, встреча между госсекретарем Клинтон и министрами иностранных дел-членами Инициативы по Нижнему Меконгу: Госу-

дарственный департамент США, Офис пресс-секретаря, Вашингтон, от 22 июля, 2011, <http://www.state.gov/p/eap/mek0ng/index.htm>.

165. Раздел 123 Закона США об атомной энергии 1954 года делает соглашение о сотрудничестве предпосылкой любых поставок ядерных материалов между США и любой другой страной.

166. Прошло 28 лет после начала программы создания срочно необходимого легкого истребителя Tejas («техас»); сегодня он уже летает, но лишь благодаря импортным подсистемам в его конструкции.

167. «Huge U.S.-India Arms Deal to Contain China, India; US to Ink Huge Military Deal: Report», Global Times in Global Research, от 13 июля, 2010, <http://globalresearch.ca/index.php?context=va&aid=20116>.

168. Из Гонконга, Малаккский пролив, пролив Ломбок, Ормузский пролив, пролив Мандеб, в Порт-Судан, наряду с Пакистаном, островом Шри-Ланка, Бангладешем, Мальдивами и Сомали. Christopher J. Pehrson, «String of Pearls: Meeting the Challenge of China's Rising Power across the Asian Littoral», армия Соединенных Штатов, Институт стратегических исследований, июль 2006, <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/PUB721.pdf>.

169. Jeffrey Goldberg, «Hillary Clinton: Chinese System Is Doomed, Leaders on a 'Fool's Errand», The Atlantic, от 10 мая, 2011, <http://www.theatlantic.com/jeffrey-goldberg/>.

170. Hillary Clinton, «America's Pacific Century», Foreign Policy, от 11 ноября, 2011, <http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/n/america-pacific-century?page=ful>.

171. Совместная пресс-конференция госсекретаря Клинтон с министром финансов Тимоти Гайтнером, Здание исполнительного управления Эйзенхауэра, Вашингтон, от 28 июля, 2009, <http://www.trackpads.com/forum/us-state-department/913569-sos-clinton-joint-press-availability-secretary-treasury-timothy-geithner.html>.

172. «China's National Defense in 2010», Xinhua, English, Официальный перевод Информационного бюро Государственного Совета, от 31 марта, 2011, <http://news.xinhuanet.com/english2010/china/2011-03/31/c1380685i.htm>.

173. Даже самые оптимистические оценки углеводородного и рыбного потенциала Южно-Китайского моря не идут ни в какое сравнение с масштабами китайской экономики.

Двадцать вторая глава

174. Троцкистскую цитату просто нельзя не привести: Vincent Kolo, «Mass Demonstration against Pollution in Dalian», Chinaworker.info, от 14 августа, 2011, <http://chinaworker.info/en/content/news/1542>.

175. Michael Wines, «China Takes a Loss to Get Ahead in the Business of Fresh Water», New York Times, от 25 октября, 2011, <http://www.nytimes.com/2011/10/26/world/asia/china-takes-loss-to-get-ahead-in-desalination-industry.html?ref=world&pagewanted=print>.

176. Боязнь беспорядков была объяснением, которое было дано автору по поводу неспособности властей подавить банды Жуань, действующие на часто посещаемых туристами маршрутах графства Яньшуо (Yangshuo County) префектуры Гилин Гуанси-Чжуанского автономного региона.

177. Некоторые наблюдатели не согласны с такой пренебрежительной оценкой. См. в том числе John Garnaut, «Profound Shift as China Marches Back to Mao», Sydney Morning Herald, от 9 октября, 2011, <http://www.smh.com.au/world/profound-shift-as-china-marches-back-to-mao-ioinooS-ilewz.html#ixzzici3mQlqh>.

178. Для НОАК, полувоенных формирований, действующих на международной арене, в сфере военной, космической и внешней разведки, сопутствующих им НИОКР и промышленной базы.

179. Я не встречал ни одной теории, которая бы объясняла его поведение как благоприятное для Китая.

180. Включая Генри Киссинджера, если судить по первым страницам его книги On China (New York: Penguin, 2011).

181. Подписан заместителем министра обороны Нгуен Чи Винем и заместителем министра обороны США Робертом Шером. Он предусматривает регулярный диалог на высоком уровне и практические формы «взаимной поддержки» на море. Предусмотрена и связь на уровне «корабль-корабль». В официальном вьетнамском заявлении говорилось, что меморандум о взаимопонимании доказал «самодостаточность» Вьетнама (!). «Vietnam, US Ink Deal to Boost Defense Ties», Thanh Nien News, от 25 сентября, 2011, <http://www.100katvietnam.com/2011/09/vietnam-us-ink-deal-to-boost-defense-ties.html>.

182. Jabin T. Jacob, «China-India Special Representatives Talks: Moving beyond the Boundary Dispute», RSIS Commentaries No.029/2012, от 20 февраля,

2012, S. Rajaratnam School of International Studies, Nanyang Technological University.

183. Lockheed P-3CS and Airbus Military (CASA) C295S. Leithen Francis, «Turbulent Waters», Aviation Week and Space Technology, от 17 октября, 2011, 54, col. 2.

184. Raj at Pandit, «India to Help Train Vietnam in Submarine Operations», The Times of India, от 15 сентября, 2011, <http://articles.timesofindia.indiatimes.com/2011-09-15/defence-cooperation-submarine-vietnamese-navy>.

185. См. «PHL, Vietnam Agree to Enhance Cooperation at Hanoi Talks», Official Gazette, Офис президента Филиппин, от 8 октября, 2011, <http://www.gov.ph/2011/10/08/phl-vietnam-agree-to-enhance-cooperation-at-hanoi-talks/>.

186. «From Geopolitics to Geo-Economics», The National Interest, лето 1990, 17-23.

187. Для чего в 2010 году создали прецедент сами же китайские власти, приостановив поставки редкоземельных материалов в Японию, проявив тем самым случай стратегической некомпетентности.

188. Реакция общественности на прибытие из Китая секции моста через залив Сан-Франциско в июне 2011 года показывает, что власти США вряд ли смогут в будущем импортировать столь видимые для публики товары, если, конечно, имидж Китая в целом не изменится.

Глоссарий

Ключ:

У = упрощенные знаки

Т = традиционные знаки

People's Liberation Army (PLA)

Народно-освободительная армия Китая (НОАК)

Zhōngguó Rénmín Jiěfàngjūn

У = 中国人民解放军

Т = 中國人民解放軍

People's Liberation Army Ground Force (PLAGF)

Наземные силы Народно-освободительной армии Китая

Zhōngguó Rénmín Jiěfàngjūn Lùjūn

У = 中国人民解放军陆军

Т = 中國人民解放軍陸軍

People's Liberation Army Navy (PLAN or PLA Navy)

Военно-морской флот Народно-освободительной армии

Zhōngguó Rénmín Jiěfàngjūn Hǎijūn

У = 中国人民解放军海军

Т = 中國人民解放軍海軍

People's Liberation Army Air Force (PLAAF)

Воздушные силы Народно-освободительной армии

Zhōngguó Rénmín Jiěfàngjūn Kōngjūn

У = 中国人民解放军空军

Т = 中國人民解放軍空軍

People's Armed Police (PAP)

Народная вооружённая милиция Китая

Zhōngguó Rénmín Wǔzhuāng Jǐngchá Bùduì

У = 中国人民武装警察部队

Т = 中國人民武裝警察部隊

Ministry of State Security

Министерство государственной безопасности КНР

Guójij Anquán Bù, abbrev. Guójnbù

У = 国家安全部

Т = 國家安全部

Hanban (У=汉办) *National Office for Teaching Chinese as a Foreign Language*

Государственный департамент по изучению китайского языка как иностранного

ССР (or CPC) *Communist Party of China*

Коммунистическая партия КНР

Zhōngguó Gòngchǎndǎng

У = 中国共产党

Т = 中國共產黨

Hu Jintao (Hú Jǐntāo)

Ху Цзиньтао

У = 胡锦涛

Т = 胡錦濤

The General Secretary of the Communist Party of China

Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Китая

Zhōngguó Gòngchǎndǎng Zhōngyāng Wěiyuánhùi Zǒngshūjì

У = 中国共产党中央委员会总书记

Т = 中國共產黨中央委員會總書記

President of the People's Republic of China

Председатель Китайской Народной Республики

Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Zhǔxí

У = 中华人民共和国主席

Т = 中華人民共和國主席

Chairman, Zhuxi of the Central Military Commission (CMC)

Председатель Центрального военного совета Китайской Народной Республики

Zhōngyāng Jūnshì Wěiyuánhùi

У = 中央军事委员会
E = 中央軍事委員會

The CMC of the People's Republic of China

Высший государственный орган: Центральный военный совет Китайской Народной Республики

У = 中国共产党中央军事委员会
T = 中國共產黨中央軍事委員會

The party body: Central Committee of the Communist Party of China (CCP)

Высший партийный орган: Центральный Комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК)

У = 中国共产党中央委员会
T = 中國共產黨中央委員會

[Состав участников обеих структур совпадает, за исключением последних двух председателей ЦК КПК, остававшихся еще в течение года после окончания их срока в партийном органе на посту в Центральном военном совете.]

Xi Jinping

Си Цзиньпин, назначенный преемник Ху Цзиньтао (2011)

У = 习近平
T = 習近平

Prime Minister Wen Jiabao (Wēn Jiābǎo)

Премьер-министр Вэнь Цзябао

У = 温家宝
T = 溫家寶

State Councilor Dai Bingguo (Dài Bīngguó)

Государственный советник Дай Бинго

У = 戴秉国
T = 戴秉國

The Foreign Affairs Leading Small Group of the Communist Party of China
Zhōngyāng Wàishì Gōngzuò Lǐngdǎo Xiǎozǔ (currently chaired by Hu Jintao, Dai Bingguo is a member)

Канцелярия по иностранным делам при ЦК КПК (в настоящее время, возглавляемая Ху Цзиньтао, Дай Бинго — среди членов Канцелярии)

У = 中央外事工作领导小组

Т = 中央外事工作領導小組

Foreign Minister *Yang Jiechi*

Министр иностранных дел Ян Цзечи

У = 楊潔篪

Т = 楊潔篪

Vice Foreign Minister *Fu Ying*

Вице-министр иностранных дел Фу Йинг

У = 傅瑩

Т = 傅瑩

The Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China
(*Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó Wàijiāobù*)

Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики

У = 和国外交部

Т = 中华人民共和国外交部

Senkaku Islands

Senkaku Shotō or Senkaku-guntō

Острова Сенкаку

У = 尖閣諸島

Пиннакл острова (*Pinnacle Islands*) на британских картах, китайцы называют их Дяоюйдао

У = 钓鱼島及其附属岛屿

Т = 釣魚台群島

Южный Тибет

Zàngnán (藏南)

(Китайское название территории в основном принято в штате Аруначал-Прадеш, северо-восток Индии)

Административное управление *Xisha* [Парасельских] островов, островов Чжунша и Наньша [острова Спратли], региональный уровень, провинция Хайнань

T = 西沙群島, 南沙群島, 中沙群島办事处
Y = 西沙群島, 南沙群島, 中沙群島辦事處

Xinjiang Shinjang
新疆

Xinjiang Uyghur Autonomous Region
Синьцзян-Уйгурский автономный регион
Y = 新疆维吾尔自治区

Tianxia 天下 — под небом
территория, на которую распространяется власть китайского императора

Tāo guāng yǎng huì
韬光养晦

(«Спрячь сияние, питай темноту», или менее точно «скрой свои возможности и выжди время»)

Период Сэнгоку — период «Воюющих государств» (прим. 475– 221 до н.э.)

Zhànguó Shídài

Y = 戰國時代

T = 戰國時代

«Искусство войны» (*Sūn Zǐ bīng fǎ*) Сунь-Цзы

Y = 孫子兵法

T = 孫子兵法

Автор наиболее известен как Сунь-Цзы (*Sun Tzu* или *Sunzi*)

Y = 孫子

T = 孫子

или

Sun Wu

Y = 孫武

T = 孫武

Ши-цзи (*shǐ-jì*)

«Исторические записки» — труд историографа династии Хань

Y = 史記

T = 史記

Автор труда историк, историограф Сыма Цянь (*Sīmǎ Qiān*)

У = 司马迁,

Т = 司馬遷

Том 86 содержит биографии ассасинов 刺客列傳, включая жизнеописание Цзин Кэ (*Jing Ke* 荊軻)

Династия Цин (*Qīng*)

У = 大清帝国

Т = 大清帝國

Ванфуцзин (*Wángfǔjǐng*, 王府井) — улица Пекина

Чжуннаньхай (*Zhōngnánhǎi*, 中南海) — «Центральное и Южное моря»

Движение Фалунь Дафа (*Fǎlún Dàfǎ*, 法輪大法)

Организация Фалуньгун (*Fǎlún Gōng*, 法輪大法)

Yuán (元) денежная первичная единица юань, в которой измеряется стоимость жэньминьби (RMB: *Rénmínbì*, буквально: «народные деньги»).

Большая стратегия снова в действии

Россия и Америка: ссора наперекор логике стратегии

Серфинг на волнах большой стратегии

Россия – Китай – США. Какая роль в этой триаде отведена России?

Геоэкономика. Или еще одна сторона души Эдварда Люттвака

Россия и Америка: ссора наперекор логике стратегии

Эдвард Люттвак относится к числу тех авторов, чьи работы, как оказывается, всегда появляются на свет вовремя и кстати. У него есть способность замечать тренды, которые еще только зарождаются или набирают силу, но в итоге именно они становятся индикаторами тех геополитических процессов, которые в течение десятилетий обсуждаются как экспертами, так и представителями властных элит.

Книга «Возвышение Китая наперекор логике стратегии» на Западе вышла в 2012 году, мы несколько задержались с ее переводом и изданием, но, может быть, в этом есть и свои плюсы. В последние годы внимание России было фиксировано в основном на конфронтации с Западом и обсуждении американской угрозы. В такой ситуации призыв Люттвака задуматься о чрезмерном возвышении Китая у нас мог бы быть воспринят как попытка отвлечь внимание от реальных и подлинно важных проблем.

Логика тех трендов, о которых в той или иной форме Эдвард Люттвак говорит уже в течение почти десяти лет, ведет к радикальному изменению реальности международных отношений, и эти изменения уже заметны. Бессмысленные ссоры России с Западом стали надоедать как Европе, так и России. И если верить утверждениям Люттвака, то люди, имеющие отношение к серьезной политике в Соединенных Штатах, уже давно размышляют скорее о Китае, чем о стремящейся вернуть себе былое величие наследнице «империи зала», а разговоры об «агрессивной политике России» ведутся исключительно в контексте предвыборных кампаний.

В России очень болезненно реагируют на упрямое продвижение НАТО на восток. С некоторой периодичностью мы слышим о том, что страны Альянса должны сплотиться перед лицом серьезных опасностей, и в качестве основной опасности называется «российская угроза». В России слегка недоумева-

ют, чем именно Россия угрожает и может угрожать странам НАТО, но в свою очередь также ведут разговоры об «американской угрозе». И на фоне таких алармистских заявлений мы слышим не очень громкий голос Люттвака, утверждающего, что Россия и США обречены на дружбу.

Для того чтобы разобраться в происходящем, нам стоит взглянуть на ситуацию со стороны Альянса. В данном случае оптика восприятия российских экспертов страдает как от собственного «великодержавного аутизма», так и оттого, что они не учитывают уровень замкнутости американских политиков на их внутренних проблемах. Дело в том, что существование России для НАТО – это одно из основных оправданий собственного существования, а культивирование страха перед «российской угрозой» является, прежде всего, традиционным и проверенным инструментом выбивания бюджетного финансирования на содержание управленческого аппарата этой статусной международной организации.

С другой, стороны, НАТО является одним из механизмов поддержания очень сложной архитектуры международных отношений, которую США выстраивали в течение всего периода холодной войны. Соединенные Штаты занимают в этой конструкции достаточно важное и выгодное для себя место, так что у них есть много оснований для того, чтобы удерживать ее целостность. В данном контексте НАТО выступает как один из инструментов управления Европой, а вступление в альянс новых стран, поддерживаемых Америкой, делает этот инструмент более эффективным.

По мнению Люттвака, политические деятели и с российской и с американской стороны очень много делают для того, чтобы наши отношения оставались напряженными, эти «договорные матчи» проходят достаточно зрелищно и убедительно, но все это ничего не меняет с точки зрения большой стратегии. Можно сказать, что Россия и Америка ссорятся наперекор ее логике. Лежащая перед Вами книга – это одна из попыток Люттвака донести до читателей данную мысль. Он не раз повторял и в своих публичных интервью, и в частных беседах мысль о том, что «НАТО – это просто пустая коробка».

Мы надеемся, что в скором времени российские интеллектуалы перестанут стрекательно реагировать на лозунги и демонстративно-показательные акции американских политиков. В этом случае новая книга Люттвака будет замечена и адекватно принята и понята в России.

Большая стратегия предполагает от задействованных в ней игроков наличие способности отвлекаться от сиюминутных проблем и «бытовых ссор». Волки, шарахающиеся от красных флажков, бегут прямо под выстрел охотника. Расстановливаемые вдоль границ с Россией «красные флажки» натовских баз

отвлекают и Россию, и Европу, да, в общем-то, и саму Америку от подлинных опасностей и проблем. Если кто-то решил поиграть в охотников, то это еще не означает, что Россия обязательно должна взять на себя роль волка.

Данная книга посвящена Китаю, но в процессе анализа поведения этой страны на международной арене Люттвак выявляет универсальные законы динамики международных отношений. Помимо описания паттернов поведения, свойственных всем крупным державам, он описывает и логику социальной динамики, проявляющуюся в рядах властных элит этих стран. Люттвак указывает на то обстоятельство, что «коллективный разум» как китайских, так и американских властных элит страдает от одних и тех же недугов. Эти напасти не обошли стороной и Россию, которая, по мнению Люттвака, не смогла излечиться от «великодержавного аутизма» даже после крушения СССР.

Авторский стиль Эдварда Люттвака таков, что он далеко не всегда демонстрирует читателям, тот методологический аппарат, которым пользовался в процессе проведения работ по анализу ситуации: он просто описывает выявленные им схемы. Далеко не всегда им обсуждаются и те логические предпосылки, в рамках которых он выстраивает свои теоретические конструкции(1). То же самое мы можем видеть и в данной работе. Композиция книги о Китае выстроена в духе «описания логики стратегии в действии»: эпическое возвышение Китая приводит к тому, что он обрастает врагами-соседями, которые бегут под опеку Соединенных Штатов, уже начавших всерьез волноваться из-за появления на международной арене соразмерного, им конкурента. Но данная книга намного глубже, и иногда анализ средств, при помощи которых был изготовлен какой-то механизм, оказывается намного полезнее для понимания его устройства, чем простое наблюдение за ним.

Стоит отметить, что лишь бегло обозначенный, но не обсуждаемый Люттваком подробно методологический план его работы не менее интересен, чем то, что мы видим в основном сюжете книги. Именно по этой причине в первом разделе данной статьи мы хотели бы сконцентрировать наше внимание на выявлении онтологических представлений автора, а также нащупать и повертеть в руках те инструменты, которыми он пользовался, конструируя модель действия большой стратегии, в жернова которой, судя по всему, уже затянуло Китай.

Серфинг на волнах большой стратегии

После выхода в свет книги о стратегии Византийской Империи(2) мы предполагали, что новая книга Люттвака о Китае будет еще одной работой, описывающей логику поведения еще одной империи на мировой арене, находящейся в окружении не всегда дружественных ей больших и малых государств. Но оказалось, что автор смог осуществить заметный методологический сдвиг в понимании самой сути большой стратегии. В этой книге она рассматривается им уже не в качестве интеллектуального инструмента в руках стратегов и геополитиков, а скорее как особый «естественный» закон социальной действительности. При этом Люттвак увязывает в единое целое динамику международных отношений и социальную динамику, бурлящую в обществе и в среде властных элит отдельных стран.

Для того чтобы прояснить данное утверждение, попробуем восстановить динамику развития представлений Эдварда Люттвака о стратегии. И так как он имеет привычку закреплять свои размышления и профессиональный опыт на страницах книг, то мы, в свою очередь, имеем возможность восстановить эту динамику в процессе анализа его основных работ.

В своей первой книге «Государственный переворот. Практическое пособие»(3) Люттвак почти не употребляет слово «стратегия» в привычном для него смысле. Он говорит скорее о тактике относительно бескровного захвата власти в чужой стране или привода к власти в другом государстве подконтрольного вам правительства. В данном случае стратегия проявляется в форме разработки четкого плана, который предполагает вовлечение в процесс переворота неподчиненных вам субъектов действия, обладающих своими собственными целями и свободой воли. Пафос Люттвака в этой книге вполне вписывается в логику знаменитых китайских стратагем: путем хитрости, точного расчета и обмана организатор государственного переворота заставляет работать на себя других, враждующих между собой, людей.

В книге «Стратегия Римской Империи»(4), вышедшей в 1974 году, Люттвак рассматривает стратегию уже в качестве особой культуры или традиции, формировавшейся в среде римской знати в течение нескольких столетий. Данная традиция позволяла римским правителям и полководцам разрабатывать планы и реализовывать масштабные действия, способные защищать Римскую Империю от внешних врагов и обеспечить ей возможность доминирования почти на всем пространстве средиземноморского региона.

В той же логике написана и книга «Стратегия Византийской Империи»(5). В процессе редактирования данной работы у нас возник вопрос к автору: каким образом властные элиты Византии оказались способны передавать

навыки реализации своей стратегии от поколения к поколению? Ведь смена правителей в Византии редко происходила гладко – империю сотрясали гражданские войны, приводящие к смене династий, не были редки и дворцовые перевороты. Кто в атмосфере всех этих потрясений являлся носителем такой сложной традиции, как имперская стратегия, которая просуществовала в течение почти целого тысячелетия? Как осуществлялась «подготовка кадров» и кто вообще является субъектом действия большой стратегии, ее исполнителем? Эдвард Люттвак сказал, что это очень правильные вопросы, но так и не дал на них ответа.

На данном этапе нам важно отметить, что для реализации стратегии были необходимы не только знания, каким-то образом передающиеся от поколения к поколению, но и навыки самоорганизации – слаженные действия императора и его окружения, военачальников, разведчиков (роль которых часто выполняли купцы) и дипломатов. Получается, что стратегия – это закрепленные в «коллективном сознании» властных имперских элит сценарии поведения империи на международной арене. Эти «имперские архетипы» позволяли Византии занимать доминирующее положение в регионе, находясь в окружении враждебных племен и стран, при том, что некоторые из них временами оказывались значительно сильнее самой наследницы Рима.

В книге «Стратегия. Логика войны и мира»(6) Люттвак подвел промежуточный итог своим многолетним занятиям военной стратегией (помимо изучения военного дела, он имел опыт участия в нескольких войнах). Богатый материал для рефлексии Люттвак получил и в процессе участия в разработке и реализации большой стратегии США в годы их противостояния Советскому Союзу. В этой работе автором предлагается методологическая схема, позволяющая отразить многослойность и многоплановость стратегии. Люттвак выделил два ее измерения: вертикальное и горизонтальное. Такой прием позволил ему удерживать в поле внимания разноплановые и разномасштабные аспекты стратегии, увязывая их в единое целое.

Так, вертикальное измерение позволяет Люттваку выделить несколько уровней стратегии: технический, тактический, оперативный, а также уровни театра военных действий и большой стратегии. Мы можем заметить, что в этой многослойной схеме выделение уровней происходит по принципу «масштабности действия» или по принципу того, какими средствами оперирования мы можем быть оснащены на каждом из выделенных уровней. Задание горизонтального измерения дало возможность увидеть проявление логики стратегии в динамике военного противостояния – ее парадоксальность и цикличность: военный успех может оборачиваться поражением и, наоборот, поражение – успехом и т.д.

В какой-то степени посредством этой книги Люттвак пытался в каком-то роде способствовать воссозданию в новых исторических условиях и для новых субъектов действия той особой культуры или традиции, которая в свое время позволяла Византии в течение многих столетий реализовывать грамотную большую стратегию в масштабах ойкумены тогдашнего культурного мира. А предлагаемая им схема, с одной стороны, выполняет функцию организации понимания сути стратегии для политиков, дипломатов, военных и властных элит, а с другой стороны, служит организационным руководством к действию(7).

Однако в конце книги (в главах, написанных после распада СССР) Эдвард Люттвак пишет уже немного о другом: «Моя цель состоит в том, чтобы доказать существование стратегии как совокупных повторяющихся явлений, возникающих вследствие человеческого конфликта, а не в том, чтобы приписывать те или иные алгоритмы действий. Большинство нынешних определенных стратегии исключительно нормативны, как будто бы все согласны в том, что таких объективных явлений не существует или же они слишком очевидны для того, чтобы удостоиться определения»(8).

Как можно заметить, здесь намечается существенный сдвиг в понимании стратегии. Оказывается, существуют какие-то «объективные явления», естественные законы, которые проявляются в социальной динамике и царствуют в стихии международных отношений. А человек, владеющий парадоксальной логикой стратегии, – это, судя по всему, тот, кто способен понимать эти естественные законы социальной стихии.

Большая стратегия оказалась настолько, сложным делом, что у Люттвака возникло сомнение в том, способны ли современные лидеры демократических стран вместе с их правительствами и административным аппаратом осваивать и реализовывать на практике ее парадоксальную логику. В последних главах книги версия «объективных явлений» начинает конкурировать с таким пониманием стратегии, при котором она воспринимается как способ разумной самоорганизации властных элит страны. «Прежде всего, любая схема большой стратегии потребует координированных действий в области дипломатии, пропаганды, секретных операций в экономической сфере, так же, как и в военной политике, – пишет Люттвак, задавая стратегию «нормативно», и далее продолжает уже в логике описания объективного положения дел. – Даже если в стране отсутствует избранный парламент, способный противостоять исполнительной власти и предложенной ею схеме большой стратегии, даже при отсутствии каких-либо заинтересованных групп, способных противиться принятой политике, широко разветвленный бюрократический аппарат современных государств сам по себе является главным препятствием воплощению любой всеобъемлющей схемы большой

стратегии. Каждый гражданский и военный департамент устроен так, чтобы преследовать собственные особые цели, у каждого из них есть своя учрежденческая культура. Осознанно или нет, но отдельные департаменты будут, скорее всего, сопротивляться согласованной схеме всякий раз, когда она натолкнется на их частные бюрократические интересы, привычки и цели. Организация современных государств представляет собою необходимое орудие, но одновременно с этим – и мощное препятствие воплощению в жизнь нормативной большой стратегии»(9).

Как специалист по стратегии Эдвард Люттвак потратил немало усилий на то, чтобы внедрить в культуру управленческого слоя американской исполнительной власти и политиков привычку рассмотрения международных отношений с учетом логики войны. Нельзя сказать, что у него и его коллег это совсем не получилось, ведь Америка все-таки вышла победителем из холодной войны. Но, тем не менее, вера в то, что современное западное государство способно разрабатывать и эффективно реализовывать большую стратегию с присущей ей парадоксальной логикой у Люттвака, судя по его текстам, с годами слегка ослабла. «В общественной жизни часто раздаются призывы к «связной» или «последовательной» национальной политике. Зачастую принимается как данность, что все части правительства должны действовать в строгой координации, чтобы сформировать эту самую национальную политику: логичную с точки зрения здравого смысла. Это хорошо для экономической или социальной политики, но когда дело доходит до области конфликта в международных отношениях, а тем более до прямой войны, только внешне противоречивая политика может обойти стороной саморазрушительные последствия парадоксальной логики» (10), – пишет далее Люттвак. Как мы видим, уже сама «парадоксальная логика стратегии» начинает выступать в качестве проявления того «естественного закона» военного противостояния, который нельзя понять и с которым нельзя совладать, руководствуясь исключительно здравым смыслом.

В самом начале нашего знакомства, где-то в 2009 году, Люттвак прислал нам письмо с фотографией, на которой он стоит в окружении каких-то китайцев в офицерской форме. Уже тогда нам стало понятно, что Люттвак приступил к изучению нового очага большой стратегии. Ответ на наш вопрос – «Правильно ли мы понимаем, что Ваша следующая книга будет называться «Стратегия Китайской империи?»(11) – пришел через год. Эдвард прислал письмо, тема которого звучала примерно так: «Grand Strategy started again. New Game: how to stop China from harming itself» (Большая стратегия снова в силе. Новая игра: как спасти Китай от стремления причинить самому себе вред). В приложении к письму находился текст с черновиком лежащей перед вами книги(12). Получается, что Люттвак всерьез занялся разработкой «ки-

тайской темы» сразу же после начала международного экономического кризиса.

Как уже говорилось, в этой работе привлекает внимание то, что автор рассматривает стратегию не в качестве деятельности по построению долгосрочных планов или задания ориентиров для последовательных действий какой-либо страны на международной арене, а в качестве самостоятельной, «несубъектной» силы, способной, в частности, противостоять возрастающей мощи Китая. «Логике стратегии надлежит повиноваться, даже если она противоречит здравому смыслу и обычным человеческим инстинктам»(13), – пишет Люттвак в предисловии к своей новой книге.

Если в книге «Стратегия. Логика войны и мира» Люттвак отмечал беспомощность западных правителей и политиков, пытающихся следовать предписаниям логики большой стратегии, то в новой книге он уже ставит под сомнение способность властных элит Китая противостоять «естественной логике развития событий». Получается, что и внутригосударственная социальная динамика, и логика развития международных отношений, принуждают Китай к чрезмерному возвышению. «Полагаю, теперь очевидно, что предлагаемый здесь подход, сформированный моим личным пониманием механизма взаимодействия силы между государствами, – пишет Люттвак, – сильно отличается от превалирующей «реалистической» школы. Мой подход откровенно детерминистский. Вместо прагматичных лидеров, стремящихся к достижению своих собственных целей, я вижу политиков, пойманных в ловушку парадоксов логики стратегии, которая диктует им свои собственные императивы, в особенности, когда они считают, что у них есть свобода в выборе средств перед лицом конфликта»(14).

После развала Советского Союза было очень сложно объяснить американским элитам, что чрезмерное усиление США и излишне напористое поведение Америки на международной арене могут принести ей большой вред. Однако Люттвак неоднократно пытался донести до гордых победителей холодной войны эту отрезвляющую мысль: «...на пороге полного краха советской системы есть такая вещь, как кульминационная точка успеха в возрастании роли США на мировой арене. Если перейти за эту точку, если превысить пределы того, что другие способны принять достаточно спокойно, это закончится не дальнейшим ростом могущества или влияния, а их спадом»(15).

Архитектура современной системы международных отношений сформировалась в годы холодной войны и строилась на энергии противостояния дух сверхдержав. Так что для устойчивости данной конструкции необходимо постоянное воссоздание в той или иной форме этого «базового конфликта». Вот как Эдвард Люттвак описывает ситуацию после распада СССР: «Именно

взаимосвязанная мощь США и СССР служила третьим сторонам источником их собственной независимости и подъема. Немногочисленные союзники СССР могли торговаться с ним, чтобы заручиться его помощью, потому что они были полезны в борьбе Советского Союза против мощи Америки. Большие числом американские союзники боялись СССР, и все же именно из-за советской мощи США должны были полагаться на их сотрудничество. Но теперь, когда Советского Союза больше нет, нет и никакого равновесия. Есть лишь многомерное американское верховенство, не знающее никаких прецедентов во всей истории человечества, и оно нуждается только в глобальной стратегии усиления мощи, работающей исключительно на успех США и сурово угнетающей всех окружающих»¹⁶.

Значительная часть работ Эдварда Люттвака в период 1990 – начала 2000-х годов была в той или иной степени посвящена именно предостережению Америки от демонстрации своего могущества, как экономического, так и политического, и тем более от демонстрации и применения своей военной силы. Он предупреждает коллег о том, что из-за своих чрезмерных амбиций Америка может потерять очень многое: «вся суперструктура западных и мировых институций, созданная Соединенными Штатами в основном по своему образу и подобию и с большими затратами поддерживаемая ими в течение полувека, будет все меньше и меньше служить американским целям. Уже одно это наказание способно перевесить любое возрастание могущества, которого можно достичь на первых порах, предвосхитив реакцию благодаря связанной стратегии и последовательной политике. Создание коалиций против США вовсе не нуждается в военном измерении для того, чтобы оказаться болезненно эффективным. Различные антиамериканские дипломатические коалиции с переменным членством, <...> меры торгового противодействия, <...>, а также любые формы культурного отторжения остаются технически вполне возможными. Все это способно причинить тяжкий, притом кумулятивный ущерб американским интересам и без всякой военной угрозы, не говоря уже о каком-либо применении силы»^()¹⁷.

Другая проблема или угроза, обсуждаемая Люттваком в эти годы, также была посвящена опьянению Запада своей общей победой: в данном случае победой капитализма над коммунизмом. Это привело к тому, что в среде западных элит усилились установки на радикализацию либерализма и стремление к полнейшему освобождению капитала от всех связывающих его уз. Данной теме посвящены такие книги, как "Turbocapitalism" и "The Endangered American Dream". Можно предположить, что последствия этих великих планов, вернее, их реализации и привели нас к тому структурному экономическому кризису, из которого мировая экономика не может выйти в течение уже почти 10 лет. И кстати, возвышение Китая также является следствием

или проявлением той динамики международных отношений, которой был охвачен мир после крушения коммунизма.

Одним из немногих государств, получивших беспорные выигрыши от этой, вовлекшей в себя почти весь мир, игры в освобождение бизнеса и ослабление государства оказался Китай. Он смог получить заметные выгоды от стремления Запада поиграть в «административный демпинг», так как в отличие от своих партнеров по бизнесу, практиковавших идеологию «радикального либерализма», Китай строил «государство всеобщего благосостояния». Но эта победа, в свою очередь, вскружила головы уже китайской элите, и настолько сильно, что она, по мнению Люттвака, уже стала неспособной адекватно управлять стремительной динамикой роста своей страны.

Главными героями новой книги Люттвака являются сам Китай, США и Россия. Остальные страны, в том числе и ближайшие соседи Поднебесной, представляют собой массовку, они выполняют функцию наглядной демонстрации неумолимости действия законов стратегии. Все три главных героя страдают от одного и того же недуга – «великодержавного аутизма». Но в отличие от других, Китай к тому же оказался еще и слишком быстро растущим аутистом, не понимающим (как это и свойственно для замкнутого на своем величии субъекта) того, что его бурный рост сильно пугает окружающих.

По мнению Люттвака, в странах, страдающих от «великодержавного аутизма», «решения по внешнеполитическим вопросам обычно принимаются на основе очень упрощенных, схематичных представлений о сложных, плохо управляемых реальностях, которые тем самым искажаются, чтобы совпасть с общими понятиями, ожиданиями и перспективами»(18). Далее он приводит примеры из «истории болезни» властных элит США и Китая, например: «Только таким образом политик из Массачусетса или Мичигана, считающий себя недостаточно квалифицированным для того, чтобы высказаться по местным проблемам, скажем, по поводу Миссисипи <...>, может уверенно выразить свою точку зрения на то, что, по его мнению, лучше всего подходит для Афганистана, Ирака или Ливии»(19).

Не избегают обвинения в аутизме и представители российских властных элит:

«для русских расширение НАТО было просчитанным и, конечно, наступательным по своему замыслу, враждебным ходом американцев, размещением военного потенциала ближе к Москве, как того страстно желал Пентагон. Кроме того, этот ход был вероломным с их точки зрения, так как перед выводом советских войск из Восточной Европы США дали устное обещание, что НАТО не будет расширяться на Восток. Это соответствует действительности,

но не имеет никакого значения в глазах американцев, так как у них не было враждебных намерений»(20).

Книга была написана еще до начала украинского кризиса, но в его контексте слова Люттвака звучат еще более выразительно: «Обычным русским предположением является то, что иностранцам нужна более слабая, бедная, небезопасная и менее счастливая Россия, а все благожелательные слова и даже дела – не более чем камуфляж. В этом состоит подтекст ежедневного представления русскими СМИ иностранных новостей, причем речь идет не только об официальных СМИ. То, что авторитарным лидерам выгодна такая ложная интерпретация, не умаляет того факта, что они и сами в это верят»(21).

Введение понятия «великодержавного аутизма» понадобилось Люттваку для того, чтобы указать на примеры нерационального поведения государств на международной арене, вызванного тем, что властные элиты этих стран оказываются неспособными адекватно воспринимать происходящее, так как слишком сильно замкнуты на решении внутривнутриполитических проблем. По мнению Люттвака, им не помогают в этом ни аналитические записки экспертов, ни доклады дипломатов и разведчиков: «сотрудники разведки, чтобы их карьера не пострадала, отнюдь не придерживаются правила говорить высшим руководителям то, чего те не хотят слышать»²².

Мы видели, что в случае с Византийской Империей внутренние интриги, склоки и даже гражданские войны и дворцовые перевороты по каким-то причинам не мешали ее властным элитам от поколения к поколению передавать навыки владения большой стратегией. Но современные элиты оказались неспособны справиться с этим типичным недугом всех властителей великих держав (с

«великодержавным аутизмом»). Люттвак объясняет это обстоятельство критично возросшими объемами поступающей информации при оставшейся на низком уровне способности эту информацию анализировать. К этому можно добавить еще и то, что демократизация общества приводит и к демократизации властных элит – они становятся менее «аристократичными», и в частности – менее образованными.

Можно сказать, что основным тезисом данной книги является следующее утверждение: те, кого принято считать субъектами действия, носителями и исполнителями большой стратегии, по факту являются безвольными участниками социальной динамики. Эти процессы на государственном уровне и на уровне международных отношений (в планетарных масштабах) разворачиваются по своим законам, неподвластным воле вовлеченных в них людей. Люттвак выявил один из этих законов и назвал его «парадоксальной логикой

стратегии». Нам кажется, что с методологической точки зрения было бы интересно понять, какие еще естественные или искусственно-естественные законы можно обнаружить в этой социальной стихии с ее динамикой, зонами социального напряжения и линиями разрывов, но Люттвак в силу специфики предмета своего исследования концентрирует наше внимание именно на стратегии.

Чтобы окончательно проблематизировать «субъектный подход» к пониманию стратегии, Люттвак подробно разбирает мифы о «стратегической культуре Древнего Китая». От него достается и самим древним создателям списка китайских стратагем, и тем нашим современникам, которые не только восхищаются этим историческим наследием, но и пытаются использовать «мудрость древних» при разработке современных представлений о стратегии.

«Странным образом игнорирующая собственную китайскую историю, содержащую много примеров покорения Китая небольшими ордами примитивных кочевников, эта большая вера в китайские стратегические способности отражает невероятный авторитет древних китайских писаний о стратегии и военном искусстве»(23), – пишет Люттвак в 9 главе, которая имеет очень показательное название «Стратегическая глупость древних», и повторяет эту мысль в 10 главе: «Стратегическая компетентность, по-видимому, не попала в длинный список достижений ханьцев, так что в то время как ханьские генералы, командующие огромными армиями, цитировали друг другу Сун Цзы, сравнительно небольшое количество конных воинов, закаленных в грубой и эффективной стратегии степной маневренной войны, одерживали над ними победы. Более того, все ханьские интриги и увертки оказались гораздо слабее долгосрочной и широкоформатной дипломатий, столь естественной для степных правителей, которые регулярно объединялись за или против даже самых отдаленных империй»(24).

Стратегия является предметом пристального изучения и даже страстью не только для Эдварда Люттвака(25): многие интеллектуалы, менеджеры и политики во всем мире в глубине души мечтают о том, чтобы их назвали «выдающимися стратегами своего времени». Ведь тот, кто занимается стратегией, с неизбежностью поднимается над теми, кто копошится в повседневных делах и упрямо движется к банальным и самоочевидным целям. Подлинный стратег оказывается выше всех – богатых и бедных, сильных и слабых, знаменитых и никому неизвестных, могущественных, харизматичных, властных. В общем, выше всех, и достигает он этого величия исключительно благодаря своему незаурядному интеллекту, интуиции и «умению считать на пять шагов вперед». В наличии у себя интеллекта и интуиции обычно мало кто сомневается. И, кажется, единственное, чего не хватает для того, чтобы стать, наконец, стратегом, – так это выучить наизусть список стратагем, подаренный

миру великими мыслителями китайской древности, изучить опыт Клаузевица и ряда его коллег-последователей, а также труды великих современных манипуляторов общественным сознанием и мастеров обмана – политехнологов, интеллектуальных продюсеров, специалистов по «мягкой силе» и т.д.

Таким образом, проведя анализ динамики отношения Эдварда Люттвака к понятию «стратегия», мы можем выделить несколько определений, фиксирующих несколько этапов этой динамики:

1. Стратегия – это интеллектуальная практика, которой способны овладеть особо талантливые и умные люди при наличии у них соответствующего опыта и освоении ими набора политических технологий и интеллектуальных трюков, которые накопило человечество за свою долгую историю.

2. Большая стратегия – это совокупность особых культурных норм, которые передаются от поколения к поколению в среде имперских элит. Эти «имперские архетипы» побуждают элиты поддерживать необходимый организационный и интеллектуальный тонус в своих рядах, благодаря чему империя способна выбирать оптимальную стратегию поведения на международной арене в меняющихся военно-политических условиях.

3. Большая стратегия – это один из «объективных законов», проявляющийся в динамике международных отношений. Эта динамика, в частности, приводит к неизбежному неуправляемому возвышению одних государств, заставляя другие формировать против них враждебные альянсы. Кроме того, существует какая-то корреляция между динамикой международных отношений и социальной динамикой внутри великих держав. Чем мощнее страна, тем сильнее ее внутренняя социальная динамика воздействует на международные отношения и тем активнее международная политика используется ею в качестве инструмента решения своих внутренних политических проблем.

В данной книге для Люттвака было важно обратить внимание читателей, скорее, на третье определение стратегии, но мы бы не стали отбрасывать в сторону и два остальных. Наверное, правильнее было бы сказать, что опыт и способности специалиста по стратегии приобретают смысл только в том случае, если выполнены условия, заданные в двух других определениях. То есть этот великий стратег имеет дело с властными элитами, коллективное мышление которых заражено бациллой большой стратегии, кроме того, и сам стратег, и его коллеги имеют в руках средства для понимания онтологической сути большой стратегии.

По идее, отношение к стратегии как к естественному закону, проявляющемуся в стихии международных отношений, должно было побудить Люттвака к

проведению комплексных социально-политических исследований. Но он решает эту задачу путем логических построений и эксплуатации своей окрепшей за долгие годы работы в данной сфере интуиции.

Итак, согласно Люттваку, получается, что род людской живет не в соответствии с рациональными и конструктивными правилами, вернее, не только по ним. В отношениях между людьми есть место не только конструктивному мирному строительству, но и войне. При этом война – это такое же естественное состояние существования человечества, как и мир. Логика войны по сути своей парадоксальна, так как она ориентирована на поиск способов нарушения утвержденных правил и разрыва устоявшихся поведенческих шаблонов.

На первый взгляд сфера международных отношений предельно интеллигентна. Множество разумных субъектов геополитического действия оказывает на нее свое влияние: от властных элит, официальных политиков и представителей власти до скрытых групп влияния (спецслужб) и организованной преступности; от лоббистских фирм и крупных транснациональных корпораций до народно-освободительных движений и неокommунистов или националистов, вынашивающих планы будущей справедливой революции. Мы также можем наблюдать активность самых разных «властителей дум человеческих», тех, кто формирует общественное мнение и форматирует общественное сознание. Многие политтехнологи, маркетологи и геополитики реализуют как на локальном, так и на международном уровнях свои стратегические планы и проекты. И, кроме того, огромное количество ангажированных и независимых политологов, экспертов, журналистов, историков, экономистов исследует эту реальность и публикует в коммуникативном пространстве свои мысли, теории, выводы, предложения и разоблачения.

Казалось бы, при такой концентрации интеллектуальных усилий, которые к тому же еще и неплохо оплачиваются, сфера международных отношений и региональной политики должна быть пусть и цинична, но предельно разумна и рациональна. И, казалось бы, в этой высоко интеллигентной среде обречены на успех только те планы и проекты, которые стратегически выверены и учитывают всю многофакторность происходящих событий. Но, тем не менее, Люттвак указывает на то, что чаще всего, как на региональном, так и на международном уровне, побеждают планы не тех, кто понимает парадоксальную логику большой стратегии.

Тот исторический сюжет, который Эдвард Люттвак привел в качестве базовой метафоры для иллюстрации своих мыслей в книге о современном Китае, указывает на то, что даже замыслы великих игроков в геополитические игры иногда тонут в бурлящей стихии международных отношений. Так Англия, ко-

торая бесспорно в течение нескольких веков являлась лидером в сфере большой стратегии, оказалась в числе проигравших после Первой мировой войны, что стало совсем очевидным фактом уже после ее очередной «победы» над Германией в 1945 году.

Великобритания действительно разыграла блестящую геополитическую партию против Германии, которая упрямо двигалась вперед в рамках «линейной логики производства»(26), но в итоге, Первая мировая война стала началом крушения самой Английской империи, именно с этого времени Великобритания начала уступать свое первенство на международной арене Соединенным Штатам. И начиная с 1945 года звание лидера в игре в большую стратегию стало постепенно переходить именно США, а Англия в комплекте со всеми другими странами Западной Европы стала превращаться в младшего союзника Америки.

Таким образом, несмотря на всю свою интеллигентность, стихия международных отношений и социальная стихия в целом существуют по каким-то своим законам, осознание которых не гарантирует возможности разумного управления ею. Динамика этой стихии захватывает умы и души людей, побуждает их к совершению интеллектуальных усилий и практических действий. Желание властных элит побеждать не только на поле боя и не только посредством грубой силы, а применяя свои интеллектуальные ресурсы, превращает международную политику и международные отношения в битву идей, стратегических планов, сложных интриг и столкновение социально-экономических теорий. Осознание возможности побуждения других людей, народов и стран к совершению ненужных им и даже опасных для них действий кружит головы политтехнологов и геополитиков. Все это приводит к интенсификации социальной динамики на региональном и международном уровне, но не имеет прямого отношения к тому, что Люттвак называет «стратегий».

Сам факт того, что человек охвачен аурой мышления, еще не делает его разумным. Но вдобавок ко всему этому, мышление во многом является продуктом коллективной деятельности, притом в процесс развития мысли могут быть втянуты и те, кто в социальном пространстве являются союзниками и те, с кем они ведут войну. В логике военного противостояния противники перенимают друг у друга все опознанные ими нововведения, копируя их или отвечая на них ассиметрично и часто на другом уровне стратегии(27). Таким образом, динамика военных действий и логика стратегии как бы развивается, используя практические и интеллектуальные усилия всех участников противостояния – как союзников, так и врагов(28).

Стратегия втягивает в свое развитие все формы активности человека: и технические, и коммуникативные, и производственные, и экономические, и интеллектуальные. Она «паразитирует» на жизненных ресурсах всех участников бесконечного военного противостояния на международной арене, она использует энергию этого противостояния и абсолютно индифферентна к локальным победам и поражениям любых участников этой войны.

Если бы живущий в душе Люттвака исследователь победил охватившую его страсть к занятию практической стратегией, то, выйдя на свое «детерминистское» понимание стратегии, он должен бы был задуматься над теми реалиями, которыми занимаются такие макросоциологи, как, например, Иммануил Валлерстайн. И самое интересное, что Люттваку было бы, что им сказать: многие нестыковки в теоретических построениях историков экономики и макросоциологов возникают как раз по причине того, что они не имели опыта практического применения и изучения стратегии.

Обычно историки, социологи и экономисты, задумываясь о законах истории и пытаясь выявить какие-то закономерности в развитии людского сообщества, начинают говорить о разных типах исторических циклов или циклах социальной, политической и экономической динамики. По каким-то причинам ученые обычно мыслят эту динамику именно в логике циклов. То есть имеется какая-то восходящая фаза роста, потом стагнация и застой, которые сменяются спадом и деградацией прежних форм. Этот спад доходит до какой-то критической точки – случается системный кризис, в процессе которого все старое рушится, превращаясь в материал или удобрение для роста чего-то нового.

Если попытаться развить или, вернее, артикулировать мысли Люттвака, то можно предположить, что процессы синтеза и разрушения протекают не разнесенными во времени, а как бы одновременно. При этом у процессов роста и распада есть своя логика, но в социальной динамике всегда находится место для войны и конфликта, и тогда события начинают развиваться с умышленным нарушением «линейной логики». Многие логически ожидаемые циклы при этом нарушаются и, кроме того, могут радикально меняться «субъекты» или «объекты роста». Империи рушатся, политические альянсы распадаются и на их месте формируются новые конфигурации объединений.

Но, тем не менее, существование «парадоксальной логики стратегии» само по себе предполагает наличие «линейной логики»: парадокс становится заметен именно на фоне устоявшихся правил. Обе эти логики не обязательно коррелируют с войной или с миром. Так, война нуждается в грандиозном строительстве и концентрации ресурсов и, в этом смысле, – в созидании, а «мирное процветание» порой паразитирует на процессах распада прежних

жестких и воинственных режимов, построивших мощные государственные машины, востребовавшие высокой концентрации самых разнообразных ресурсов.

Стоит отметить, что парадоксальная логика может прервать не только прагматичное строительство, но также и безумное разрушение. У любого сумасшествия есть своя логика, но и она тоже может быть нарушена. И если война является постоянной спутницей человечества, то можно также предположить, что ничто не мешает «логике стратегии» прервать и какой-то циклически заданный процесс. Ни одна социальная система не существует в полной изоляции.

Интересно, что на тех масштабных эпических полотнах развития человечества, которые рисует в своих работах Валлерстайн, совсем нет места парадоксальности. Это вполне понятно, ведь автор миросистемной концепции действует в логике естественнонаучного подхода. В рамках такого подхода раз выявленный закон должен повторяться, иначе он законом не является. С точки зрения Люттвака, который действует скорее в рамках «естественно-искусственного подхода», социальные законы существуют, но они могут парадоксальным образом нарушаться. Если что-то повторялось более одного раза, то на следующем шаге (или на одной из фаз цикла) социальная система (или ее окружение) может выдать парадоксальный неожиданный ответ.

Практики далеко не всегда публикуют результаты своей рефлексии: их первоочередной задачей являются реализация того замысла, который они задумали. Люттвак – это в первую очередь практик, и издаваемые им книги являются одним из инструментов его практической деятельности. Но как уже говорилось выше, для читателей его книг имеется возможность проделать эту рефлексию за автора. Заданный автором подход открывает перед нами просторное поле для интеллектуальных и логических упражнений. Так, например, мы можем довести до логического конца некоторые обозначенные им мысли.

Люттвак обращает наше внимание на внутригосударственную социальную динамику, бурлящую в среде властных элит и публичных политиков. В том случае, если эти государства достаточно велики и мощны или занимают особо важное стратегическое положение в географическом или экономическом пространстве, их внутренняя социальная динамика начинает оказывать существенное влияние на динамику международных отношений. Таким образом, Люттвак выделяет два уровня социально-политической динамики. Происходящее на одном уровне может отражаться на другом, несмотря на то, что логики внутривнутриполитический и международной жизни отличаются друг от дру-

га. Здесь можно заметить некоторые параллели с выявлением нескольких уровней у военной стратегии.

Для того чтобы в социальной динамике начала работать логика большой стратегии, необходимо, чтобы накапливаемое в ней напряжение достигло достаточно высокого уровня. В упоминаемом выше письме Люттвак сообщает нам о том, «что большая стратегия снова в действии». То есть напряженность между США и Китаем достигла такого уровня, что процессы приобрели уже почти неуправляемую форму, и в игру вступает большая стратегия. У Люттвака сохраняется надежда, что эскалацию противостояния еще можно остановить, поэтому он задается вопросом о том, «как спасти Китай от стремления причинить самому себе вред».

Подвергая критике представление о стратегии как «субъектной практике», нам, тем не менее, не стоит забывать, что Эдвард Люттвак является не историком или социологом, а именно специалистом по стратегии, которая, как уже упоминалось, является не только сферой его профессиональной деятельности, но и интеллектуальной страстью. В этом контексте появляется возможность несколько иного отношения к изданной им книге о Китае. Данная работа – это не просто исследование, а коммуникативное действие: Люттвак знает, что его книги читают не только в Америке, но и в Китае, а также в России. Не исключена возможность того, что «имперские архетипы» вновь зашевелятся в коллективном сознании российских, китайских и американских элит. И, может быть, парадоксальная логика стратегии преподнесет нам и приятные сюрпризы, разрушив привычные циклы: и то, что уже несколько раз заканчивалось мировой войной, закончится чем-то иным.

Россия – Китай – США. Какая роль в этой триаде отведена России?

22 февраля 2011 года в стенах МГИМО в рамках Лекционного клуба «Стратегия 2020» состоялась лекция Эдварда Люттвака(29). В ходе своего выступления он выдвинул несколько тезисов, вызвавших бурное обсуждение в среде российских экспертов в области международных отношений, ПОЛИТОЛОГОВ, геополитиков – советников тех, кто приводит в движение механизмы принятия государственных решений. Отголоски этих обсуждений до сих пор можно найти в Сети, но нам бы хотелось отметить, что, с нашей точки зрения, суть высказываний Люттвака и тем более логика того «коммуникативного действия», которое он при этом совершал, была понята не совсем правильно. Поэтому нам сейчас имеет смысл вернуться к обсуждению того события, которое произошло уже несколько лет назад.

Люттвак в процессе своей речи выдвинул два основных тезиса. Один из них был понят неправильно, второй – вовсе не замечен.

Суть первого тезиса сводилась к следующему. Противостояние между Китаем и США неизбежно, оно уже вышло за рамки коммерческой конкуренции и перешло под юрисдикцию логики большой стратегии, то есть логики войны и конфликта. В это противостояние в той или иной степени будут втянуты все страны мира. Россия на данный момент не является сверхдержавой, каким был СССР, но, тем не менее, ее особое географическое положение, природные ресурсы и имперское наследие все же позволяют ей подняться на уровень субъекта действия в масштабах большой стратегии. И от поведения России в этой ситуации зависит исход и форма противостояния между США и Китаем.

Далее Люттвак обратился к собравшимся представителям российской интеллектуальной элиты (надеясь, что они донесут его мысль до тех, кто принимает решения) как бы с двух позиций. С одной стороны, он выступил как представитель американского истеблишмента и предложил России дружить с Америкой, а не с Китаем. И даже обозначил некоторые темы для возможного торга.

С другой стороны, он обратился к российским экспертам как к представителям европейской цивилизации, указывая на то, что население Европы, в том числе и России, постепенно сокращается и стареет, и если такие тенденции будут сохраняться, то у европейских стран отпадет необходимость размышлять и о стратегии, и о любых других долгосрочных планах. Можно сказать, что таким странным образом он предложил нам вспомнить о том, что Россия является страной с западной культурой и принадлежит западной цивилизации.

Данный тезис Люттвака был воспринят большинством наших экспертов не совсем правильно. Они поняли ситуацию так, как будто у России есть выбор: поддержать Америку, поддержать Китай или – что предпочтительнее – остаться в стороне и ждать пока трупы двух огромных врагов не проплывут мимо нас по реке. Но, похоже, что выбора у нас нет: Россия тем или иным образом будет втянута в это противостояние. При этом для данной цели будут использованы все доступные средства. Единственное, в чем у нас остается свобода выбора, так это в том, сможет ли Россия удержаться в роли субъекта большой стратегии, или она будет втянута в эту заварушку в виде инструмента, средства или плацдарма противостояния. На вопрос о том, что нужно сделать для того, чтобы остаться субъектом большой стратегии, Люттвак ответил во втором тезисе, вернее именно с этого вопроса он начал свою лекцию.

Люттвак сказал, что страна, в которой женщины не хотят или не имеют возможности рожать детей, не имеет оснований задумываться о стратегии. Этот

тезис был воспринят большей частью аудитории как шутка или ворчание старика. Но, несмотря на присущую ему иронию и пренебрежение политкорректностью, Люттвак говорил о данной проблеме вполне серьезно. Интересно, что пафос данного замечания в чем-то созвучен с пафосом его первой книги

«Государственный переворот. Практическое пособие», который, кстати, тоже не был полностью услышан.

Половина книги о государственном перевороте посвящена вопросу о том, что нужно сделать для того, чтобы эта процедура не могла быть применена к вашей стране. Саму технологию совершения переворотов Люттвак обсуждает только во второй части своей работы. В нашей ситуации вопрос можно поставить таким образом: что нужно сделать, чтобы ваша страна не была втянута в водоворот большой стратегии в виде «пушечного мяса»? Как предостеречь себя от государственных переворотов, цветных революций, пограничных войн, миграционных потоков, национальных конфликтов, гибридных войн, экономических блокад и санкций? И Люттвак дает ответ на этот вопрос – нужно иметь свою стратегию. А для того, чтобы ваша страна получила основания для владения стратегией, нужно сделать так, чтобы ваши женщины захотели рожать детей.

Большинство людей, прочитавших книгу о государственном перевороте, обратили внимание именно на описание его технологии. Точно так же, как большинство аналитиков, изучающих практику «цветных революций», задумываются именно о технической стороне вопроса. В соответствии с этим разрабатываются и контрмеры против данного социотехнического оружия. Но не стоит забывать, что перевороты и революции совершаются с использованием энергии социального, национального или политического протеста: для чего и разрабатываются средства их интенсификации и инструменты внешнего управления. Можно сколько угодно бороться с данными средствами, блокируя их применение, но пока не устранена причина, будет вестись поиск и будут находиться все новые и новые способы использования энергии социальной напряженности.

Деструктивная социальная динамика чаще всего «побеждается» запуском конструктивных созидательных процессов. Западный мир, и в том числе Россия, уже в течение нескольких десятилетий живет в идеологии достаточно радикальной формы либерализма. Как говорит Люттвак: «Свободный рынок – это что-то наподобие религии для многих в США и в Европе (особенно – в Великобритании)», и как ни странно, но и в России тоже. И на этом фоне Китай уже несколько десятилетий развивается, руководствуясь идеологией,

которая в послевоенной Европе называлась «построение государства всеобщего благосостояния».

Либерализм с неизбежностью приводит к усилению социальной динамики, государственное строительство дает шанс на запуск созидательных процессов. Когда Люттвак говорит о необходимости запуска социальных программ по стимулированию рождаемости и поддержке семей, он не рассматривает эти проекты в комплексе с национализацией частной собственности – если в чем-то его и нельзя заподозрить, так это в симпатиях к коммунизму – в данном случае речь идет о приоритетах государства. Вы можете потратить десятилетия на создание самого передового в мире военно-промышленного комплекса, но за эти десятилетия население вашей страны вымрет или будет заменено мигрантами из других стран, которым нет никакого дела до задуманного вами величия. Так что все эти ракеты, самолеты и новые средства вооружений будут ржаветь на складах или использоваться совсем другими людьми в их, а не в ваших, целях.

Как говорит Люттвак: «Если бы я был царем, то каждое утро я бы начинал с вопроса, а сколько детей у нас сегодня родилось?» Количество рожденных детей, а не уровень инфляции является главным макроэкономическим показателем. И точно так же, количество рождающихся детей – это главный показатель военной мощи страны.

Стоит напомнить, что Китай лишь недавно отменил в стране действующие в течение долгих лет жесткие программы по ограничению рождаемости. Даже если вместе с освоением западных технологий и европейского образа жизни китайцы получат в нагрузку и европейские демографические проблемы, эта нация будет стареть и вымирать гораздо дольше, чем западные страны. Для России, имеющей с Китаем общую границу, разность потенциалов между плотностью населения, проживающего на ее территории и на территории восточного соседа, особенно драматична.

Процесс старения и вымирания европейских наций был запущен уже давно. И как ни странно, но в западной культуре заложены механизмы, поддерживающие успешное протекание этого процесса. Многими из этих механизмов западная культура особенно дорожит – это эмансипация женщин и феминизация мужчин, феминизм, предоставление свободы однополым связям и др.

Мы не будем сейчас обсуждать все социальные и культурные причины, которые приводят к тому, что развитые страны с высоким уровнем благосостояния оказываются в ситуации, когда их население начинает рожать слишком мало детей, что приводит к старению и вымиранию нации. Для нас важно отметить, что некоторые западные страны, чье население заражено теми же

вирусами «старения и бесплодия», что и их соседи, тем не менее, находят способы повышения уровня рождаемости. Люттвак упоминает о наличии социальных программ по повышению рождаемости и поддержке семьи во Франции и Израиле. Оба государства являются самыми «социалистическими» из всех западных стран.

В меняющемся мире страны западной цивилизации сталкиваются с новым типом критически опасных для них проблем. Но, как и всегда, решать они пытаются те проблемы, к которым уже привыкли. Получается, что генералы готовятся к прошедшей войне; геополитики обсуждают изрядно полинявшую великую шахматную доску, на которой уже давно стоят фигуры с другой логикой ходов; а стратеги разрабатывают национальные стратегии для стареющих и вымирающих наций.

Мы часто слышим повторение слов Клаузевица о том, что война – это продолжение политики, но другими средствами. В годы холодной войны по причине появления у развитых стран ядерного оружия продолжение политики привычными средствами войны стало опасно. По этим причинам «энергия войны» была канализирована в ту сферу, которую Люттвак в свое время назвал «геоэкономика». Судя по всему, он выделил не все возможные сферы, в которые может прорваться энергия военного противостояния, – существуют еще такие реалии как «геосоциология» и «геодемография».

Американцы научились управлять процессами социальной динамики в других странах, чего нельзя сказать о России, Китае и о теряющей эту способность Европе. Но Китай явно превосходит и Россию и Запад в сфере геодемографии. Люттвак также отметил в своей лекции, что в Евразии есть еще один регион, в котором женщины не утратили желание рожать детей, – это мусульманский мир. Он обратил внимание на то, что рождающие детей нации уже начали постепенно заселять Европу, в том числе и Россию. Китай также имеет границы с мусульманским миром.

По мнению Люттвака, Соединенные Штаты имеют более выгодную по сравнению с остальными западными странами демографическую ситуацию. Во-первых, Америка сохранила устойчивую и селективную миграцию высококвалифицированных людей из Старого Света, а, во-вторых, в отличие от России и Европы, Америка соседствует не с исламским миром, а с христианской Латинской Америкой, поэтому миграционные потоки через мексиканскую границу не угрожают США разрушением ее «цивилизационной матрицы».

По каким-то причинам в книге о Китае Люттвак обсуждал происходящее в основном в логике геополитики, в то время как на рассматриваемой нами публичной лекции он затронул и сферы геодемографии(30) и геоэкономики.

При том, что основное противостояние, судя по всему, будет происходить как раз в этих двух сферах.

Демографическая грамматика конфликта очень проста: миграционные потоки идут из очагов с высокой плотностью населения и с низким уровнем благосостояния в регионы стареющих наций с высоким уровнем доходов на душу населения. В России некоторые эксперты в порывах статистического азарта насчитывают уже до 15 миллионов мигрантов из бывших азиатских республик СССР, а это около 10% населения страны.

Очаги высокой рождаемости населения в XX веке в основном находились на территории слабых в военном и экономическом плане государств. Отмечалась устойчивая корреляция между уровнем рождаемости и экономическим ростом. Но в некоторых случаях высокий уровень рождаемости может совпадать с высокой экономической и геополитической активностью страны. Благодаря такому совпадению факторов, случившемуся в период с XVII по XIX век в Англии, значительная часть населения земного шара на нескольких континентах сегодня разговаривает по-английски. В Китае уже несколько десятилетий отмечается постоянный и быстрый рост благосостояния населения, что в сочетании с отменой политики ограничения рождаемости может привести к сильному «пассионарному всплеску».

Итак, если продолжить это не очень обременительное занятие по формированию геополитических смыслов путем прибавления различных корней к «гео», то мы сможем создать еще один гибрид или вывести на свет еще одного монстра. Геодемография – это разность потенциалов между регионами по плотности населения, по его благосостоянию, образованности, национальной, религиозной и культурной принадлежности, вызванные разностью потенциалов миграционные потоки. Геодемография – это стареющие и вымирающие нации по соседству с очагами бэби-буминга. Это национально-освободительные движения, помноженные на бэби-буминг, по соседству со снобистским национализмом, помноженным на «бациллы бесплодия». И наконец, геодемография – это зараженное пассионарным духом население во главе с организованной властной элитой, приводящее либо в раздражение, либо в ужас свое ближайшее окружение.

Значительная часть как локальных, так и глобальных геополитических конфликтов и очагов напряженности возникает по причине того, что границы государств нарезаны в несколько иной логике, чем границы компактного проживания отдельных народов. Так, например, пятидесятиmillionный народ курдов расселен по нескольким странам. Россия является многонациональной страной, в которой представлено много религий, и в тоже время

значительное количество русских после крушения СССР оказались в других странах.

Получается, что геодемография, по идее, должна находиться в центре внимания российских экспертов по геополитике и политологии. В данном случае важен как национальный вопрос, так и демографическая динамика в различных социальных слоях населения. По этой причине нам показалось очень странным, что поднятый Люттваком вопрос не встретил существенного отклика. Это свидетельствует не о том, что российские эксперты не видят проблемы, а скорее о том, что ею не принято заниматься.

Давайте теперь подумаем, что происходит, если географическая демография со всеми ее очагами и линиями напряженности попадает в поле действия большой стратегии. Традиционным ответом на военную угрозу обычно является усиление ВПК и спецслужб, что происходит и в настоящее время. Тем более что в этих ведомствах традиционно представлены мощные лоббистские группы, а для властных элит военная угроза – это удобный повод для укрепления своей власти и оттеснения конкурентов. Эти процессы мы можем наблюдать и в России, и в Китае, и в Америке. Эту же логику США навязывают Европе.

Существует очень низкая вероятность того, что между игроками, втянутыми в сферу большой стратегии, начнутся реальные военные столкновения, но с очень большой вероятностью противники начнут усиливать интенсивность напряженности в национальной и социально-демографической сфере своих соперников; средства геоэкономики уже давно используются именно в этих целях.

В данном случае можно продолжить предложенную Люттваком игру «если бы я был царем...». Для начала имеет смысл оценить наличные ресурсы нашей страны. Россия способна выдержать войну на истощение в сфере гонки вооружений,

она не сможет догнать своих конкурентов, но может показать, что все еще имеет силы для нанесения противнику неприемлемого для него ущерба. Россия показала, что может выдержать многолетний «административный демпинг»: несмотря на слухи, СССР оказался государством с очень мощным административным аппаратом и обширным пакетом институционально закрепленных социальных гарантий. Этой жировой прослойки хватило на несколько десятилетий игры в ослабление роли государства в управлении экономикой и отказа от обременительных для государства бюджетных расходов. Но похоже, что у России нет запаса прочности для ведения войны на истощение в сфере демографии. То же самое можно сказать про Европу и, несмотря на

энтузиазм Люттвака, про Америку. В процессе холодной войны закончилась эра геополитики, в начале 1990-х годов Люттвак оповестил нас о том, что началась эра геозкономики. Сейчас западный мир, включая Россию, всерьез столкнулся с новым типом проблем – с демографией.

В свете новых социальных вызовов целевые ориентиры национальной стратегии России должны бы были выглядеть примерно таким образом: обеспечить ежегодный прирост населения до 5% в год, для этого поднять рождаемость на 7-10% в год; начать капитальный ремонт старых и строительство новых женских консультаций, роддомов, детских садов и школ; повысить уровень заработной платы и социальных гарантий для детских врачей, воспитателей и учителей; разработать действенные программы поддержки для имеющих детей семей; выделить льготные государственные ипотечные кредиты для семей с детьми, не имеющих собственного жилья. Все эти «популистские» и «непомерные социальные расходы» в эпоху игры в «демографический демпинг» и должны составлять основные статьи расходов «военного бюджета» страны.

Геозэкономика. Или еще одна сторона души Эдварда Люттвака

Многие знают, что именно Люттвак вел в обиход понятие «геозэкономики», используя этот термин для описания новой реальности, которая стала формироваться благодаря тому, что в конце XX века энергия военного конфликта стала искать новые сферы для своего выхода, и одной из таких сфер стала экономика. Однако далеко не все знают, что и сам Люттвак за последние 30 лет приобрел немалый практический опыт на этом поприще. Так, в частности, Люттвак уже более 25 лет является консультантом по стратегии у компании «Тойота», он помогал ей в разработке и реализации стратегии выхода на не очень дружелюбные для иностранных компаний западные рынки. Люттвак также является консультантом по стратегии и в ряде других коммерческих компаний, специализирующихся на разных рынках. Кроме того, он выступал консультантом по стратегии для ряда государств и государственных структур: для Министерства финансов Японии, а также для правительственных структур Израиля, Италии, Испании, Казахстана и Перу.

Живая ткань геозэкономики формируется из тесного переплетения взаимоотношений и интересов национального бизнеса, транснациональных корпораций, лоббистских групп и геозэкономически активной бюрократии. Этой сложной сетью пытаются управлять те представители исполнительной власти регионов и стран, которые несут ответственность перед своим населением за благосостояние их региона или, по крайней мере, испытывают на себе с его стороны давление в предвыборный период.

Люттвак не раз с иронией говорил о том, что для США и Великобритании новой господствующей религией, начиная с конца 80-х годов прошлого века и вплоть до начала кризиса 2008 года, была вера в свободный рынок и свободную торговлю. Эти «религиозные догмы» предполагали снятие административных и государственных барьеров, стоящих перед бизнесом и открытие пространства для международной торговли. И так как Америка обладает очень сильным миссионерским даром, то эта вера была в той или иной мере утверждена по всему миру. Но, тем не менее, некоторые страны все-таки, как могли, защищали свою прежнюю веру в разумный протекционизм и социальные гарантии населению.

Как известно, искусство политики состоит в умении установления двойных стандартов в области взаимодействия с другими странами, а также в придании этой практике легитимной институциональной формы. В зависимости от того, насколько патриотичными были политики той или иной страны или региона и насколько искусными они оказались в практике двойных стандартов, бизнес-климат отдельных стран отличался от региона к региону. Все эти разнонаправленные векторы политических и коммерческих интересов, несмотря на глобализацию, создали в каждом регионе свой уникальный геоэкономический ландшафт, который внешне был закамуфлирован под единые для всех правила торговли.

Перед бизнесом открылось много ранее не существовавших возможностей и одновременно с этим масса новых и неожиданных угроз. Разрыв между декларируемым и реальным правовым регулированием в различных регионах при активном применении практики двойных стандартов и скрытого протекционизма, мотивированного не только государственными, но и региональными интересами, привели к тому, что для проведения корабля своего бизнеса по разным региональным морям порою стало необходимо пользоваться услугами опытных лоцманов. Эдвард Люттвак, имея широкий опыт работы в качестве специалиста по стратегии как для коммерческих компаний, так и для государственных структур, стал иногда проявлять себя и на этом поприще. Зная геоэкономический климат разных стран и регионов, он мог давать достаточно важные советы. Так, например, он часто повторяет любителям получить все и сразу простую мантру: если вы хотите успешно реализовать свой замысел, то выбирайте, что для вас более важно – регион или тип бизнеса, в который вы хотите инвестировать. Такой подход сделает ваш замысел более реалистичным.

Существуют разные типы бизнеса: одним необходимы стабильность и прогнозируемость на длительный период времени, другие зарабатывают деньги на кризисах и неопределенности, а также на конфликтах и коммерческих войнах. Получилось, что в регионах, в которых ранее не бывало хищников,

на мирно пасущийся бизнес стали нападать очень жесткие и кровожадные звери. Жизнь и работа в сфере конфликта требует не только защитных мер, но и овладения стратегией, имея которую можно выстраивать свой бизнес в таком месте и в такой конфигурации, что он будет минимальным образом сталкиваться с необходимостью работать в атмосфере конфликта. В такой ситуации возрастает спрос на специалистов по стратегии в области геополитики.

В сфере бизнеса, так же, как и в политике, ситуация может развиваться и в «линейной логике производства», и в логике войны и конфликта, то есть запланированная схема развития может парадоксальным образом нарушаться, и, казалось бы, разумный выбор оборачивается поражением. В ситуации конфликта(31) всегда есть место для проявления логики стратегии. Так, например, чрезмерное возвышение бизнеса с какого-то момента может привести не к ожидаемому сокращению расходов и повышению производительности, а наоборот – поставит бизнес на грань выживания или поглощения заметившими его успехи более крупными хищниками. Несмотря на административные и прочие расходы, связанные с дроблением офисов, иногда содержать бизнес, допустим, с оборотом в 600 тысяч долларов становится рискованней и дороже, чем управление тремя более мелкими и не связанными друг с другом проектами с оборотом по 200 тысяч. При увеличении масштабов бизнеса в разы или на порядки данный принцип продолжает действовать. В бизнесе, так же, как и в стратегии, присутствуют «критические точки успеха», по преодолении которых бизнес сталкивается с новым типом проблем.

Открытие границ для торговли и перемещения бизнеса резко изменило экономический климат во многих странах, появление новых пришельцев с непривычными схемами ведения бизнеса, появление моды на вынос производства в другие страны – все это и многое другое привело к массовым миграциям бизнеса, а также к необходимости выстраивания более сложных организационных схем. Очень часто стало выгодно держать отдельные подразделения компании в разных регионах мира. Для этого было необходимо выбирать правильные площадки, выстраивать отношения с местной администрацией, изучать повадки местных хищников. С выходом на иностранные рынки появилась также необходимость подбирать подходящих партнеров по бизнесу, принадлежащих разным культурным и национальным общностям.

Мы произвели здесь беглую зарисовку или срез реальности геоэкономики и указали на то место, которое в ней может занимать стратегия. В бизнесе есть место конкуренции, хитрости, интриге, но во всем этом всегда есть своя коммерческая логика. Попав в область геоэкономики, в которой с большой веро-

ятностью может действовать логика сублимированной энергии войны и конфликта, бизнесмен попадает в другую реальность.

Она может быть не связана ни с официальной, ни с теневой стороной коммерческой деятельности: ни с государственным регулированием бизнеса, ни с конкуренцией, ни с коррумпированными чиновниками, вымогающими взятки, ни с произволом полиции или активностью криминала – все это знакомо человеку, давно занимающемуся коммерческой деятельностью. Реальность геоэкономики может быть фундирована политическими интересами другого государства, конфликтом между разными группировками региональной администрации. Выбранная сфера может «зачищаться» для какого-то большого проекта, по этой причине через какое-то время с нее будет сметаться под благовидным предлогом все лишнее, без объяснения реальных причин.

Человек, разбирающийся во всей этой механике, мог бы написать очень интересную и полезную книгу. В одной из бесед мы обратились с такой просьбой к Люттваку, он сказал, что согласен с нами, но ему нужно всерьез подумать о композиции такой книги и залоге, в котором она может быть написана. Можно воспринимать этот раздел статьи в качестве анонса новой книги Люттвака, которую, мы надеемся, он напишет, и которая будет издана в нашем Издательстве.

И напоследок, еще несколько слов о триаде Китай – США – Россия, качающейся на пока еще не очень бурных волнах большой стратегии. Логика развития этих событий будет далека от традиционного военного противостояния, скорее всего его сублимированная энергия будет распылена по разным сферам: геополитике, геоэкономике и в той сфере, которую мы, не имея должной фантазии, обозначили как «геодемография», указав на ее социально-демографическую природу.

Понятно, что если ситуация входит в зону конфликта, то все будут мешать друг другу и запускать деструктивную динамику в указанных выше сферах. Но, как и в предвыборных кампаниях, в которых нельзя победить исключительно путем поливания грязью конкурентов и запуская подрывные действия по дискредитации их кампании, а в какой-то момент приходится предъявить избирателям свою позитивную программу развития, так и данном конфликте сторонам придется предъявлять миру свои позитивные политические и экономические программы. Пока что позитивный проект есть только у Китая. Ни у России, ни у Америки нет какой-либо правды, которую они бы могли и хотели донести миру. Утверждение по всему миру торжества демократии приводит скорее к дискредитации имиджа США, чем к его укреплению.

Люттвак намекнул в своей лекции на «дипломатическую революцию», благодаря которой многое может измениться, вплоть до появления «Великой западной империи»: от Атлантического до Тихого океана. В этой социально-политической утопии Япония забывает о конфликте вокруг своих Северных территорий, Россию не окружают враждебным кордоном из бывших союзных республик, японские и европейские технологии вступают в синергию с российскими природными ресурсами. Люттвак говорит, что в начале XX века мало кто мог поверить в возможный союз Англии, Франции и России, но уже в 1914 году они выступили общим фронтом против Германии. В начале революций мало кто верит, что имеет шанс на победу, а, по мнению Люттвака, «дипломатическая революция уже началась»(32).

Горев Андрей,

Русский фонд содействия образованию и науке

Примечания

- 1 Исклyчением, пожалуй, является книга «Стратегия: Логика войны и мира / Эдвард Н. Люттвак. Пер. с англ. А. Н. Коваля, Н. Н. Платошкина. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015. – 392 с.»
- 2 Эдвард Люттвак. Стратегия Византийской Империи. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010, 2012. – 660 с.
- 3 Эдвард Люттвак. Государственный переворот. Практическое пособие. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015. – 320 с. Книга вышла в свет в 1968 году.
- 4 Edward N. Luttwak. The Grand Strategy of the Roman Empire from the First Century AD to the Third. Baltimore, 1976.
- 5 Эдвард Люттвак. Стратегия Византийской Империи. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010, 2012. – 660 с.
- 6 Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015. – 392 с.
- 7 В эти же годы Люттвак пишет ряд работ, общий пафос которых сводится к попытке предостеречь Соединенные Штаты от пренебрежения законами большой стратегии: The Endangered American Dream: How To Stop the United States from Being a Third World Country and How To Win the Geo-Economic Struggle for Industrial Supremacy. New York, 1993. (Угроза американской мечте: Как остановить превращение Соединенных Штатов в страну третьего мира и как выиграть геэкономическую битву за экономическое превосходство); Turbo-Capitalism: Winners and Losers in the Global Economy. New York, 1998. (Турбокапитализм: Победители, и проигравшие в глобальной экономике).
- 8 Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015. С. 333.
- 9 Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. С. 324.
- 10 Там же.
- 11 В 1983 году вышла книга Люттвака The Grand Strategy of the Soviet Union. New York, 1983 (Большая стратегия Советского Союза). Дело в том, что все предыдущие империи, привлечшие внимание Люттвака уже прекратили свое существование, в том числе и СССР.

12 Английская версия книги: Edward Luttwak. The Rise of China vs. the Logic of Strategy. The Belknap Press of Harvard University Press, 2012.

13 Предисловие. С. 7.

14 Глава 1. С. 13.

15 Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015. С. 329.

16 Там же. С. 326-327.

17 Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. С. 328.

18 Глава 3. С. 19

19 Там же.

20 Там же, С. 22.

21 Глава 3. С. 22.

22 Там же. С. 18.

23 Глава 9. С. 61.

24 Глава 10. С. 76.

25 Эдвард Люттвак начинает свою книгу «Стратегия. Логика войны и мира» такими словами: «...стратегия была для меня не только профессиональным занятием, но и страстью».

26 Более подробно о вводимом Люттваком различении «линейной логики производства» и «парадоксальной логики стратегии» можно прочитать в книге «Стратегия. Логика войны и мира». По мнению автора, производственная логика работает только в мирное время и только в сфере коммерции и производства, в то время как логика стратегии вступает в силу в ситуации войны. Стоит также отметить, что система международных отношений живет скорее по законам войны, чем мира, и поэтому многие происходящие в ней события кажутся парадоксальными с точки зрения коммерции и экономики, несмотря на то, что в основаниях войны принято искать именно финансовые интересы.

27 Люттвак выделяет несколько уровней стратегии: технический, тактический, оперативный, театра военных действий и большой стратегии – все это образует «вертикальное измерение стратегии». См. Эдвард Люттвак. Стратегия: Логика войны и мира. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012, 2015.

28 «Обычно последствия дисгармонии более тонки и умеренны, из-за чего происходит не абсолютное отвержение, а сложное взаимопроникновение поражения и успеха. В нашей картине стратегии встречные волны действия и противодействия на любом из уровней могут проникать на более высокие или низкие уровни, приводя к крайностям, то есть к победе или к поражению». Там же. С. 297.

29 http://www.mgimo.ru/news/international_contacts/document182811.phtml

30 Эдвард Люттвак не употреблял слова «геодемография», но он достаточно рельефно обозначил эту сферу будущего и уже идущего противостояния в масштабах большой стратегии. Перефразируя его слоган, предназначенный для пояснения сути геоэкономики (Logic of Conflict, Grammar of Commerce), можно сказать, что в социальной сфере также отмечается «логика конфликта по законам грамматики демографии».

31 В данном случае речь идет не о рыночной конкуренции, а именно о конфликте, который может быть разрешён самыми неожиданными средствами, далекими от бизнес-этики.

32 См. лекцию, прочитанную Люттваком в МГИМО в рамках Лекционного клуба «Стратегия 2020» в 2011 году, http://www.mgimo.ru/news/international_contacts/document182811.phtml

Научное издание

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Люттвак Эдвард Николае

Возвышение Китая наперекор логике стратегии

Научный редактор А. А. Горев Редакторы А. В. Усачева, А. И. Золотухина, М. Я. Михнова Перевод Н. Н. Платошкин. Оригинал-макет и верстка Г. В. Доронина Дизайн и оформление обложки Е. А. Горева

Подписано в печать 08.08.16. Формат 70x100 'А6. Тираж 3000 экз. Первый завод 1000 экз. Заказ № 107708.

«Русский фонд содействия образованию и науке».

Университет Дмитрия Пожарского. 119435, Москва, Малая Пироговская, д. 13, стр. 1.
www.s-and-e.ru.

Отпечатано: ПАО «Т 8 Издательские Технологии». 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5.